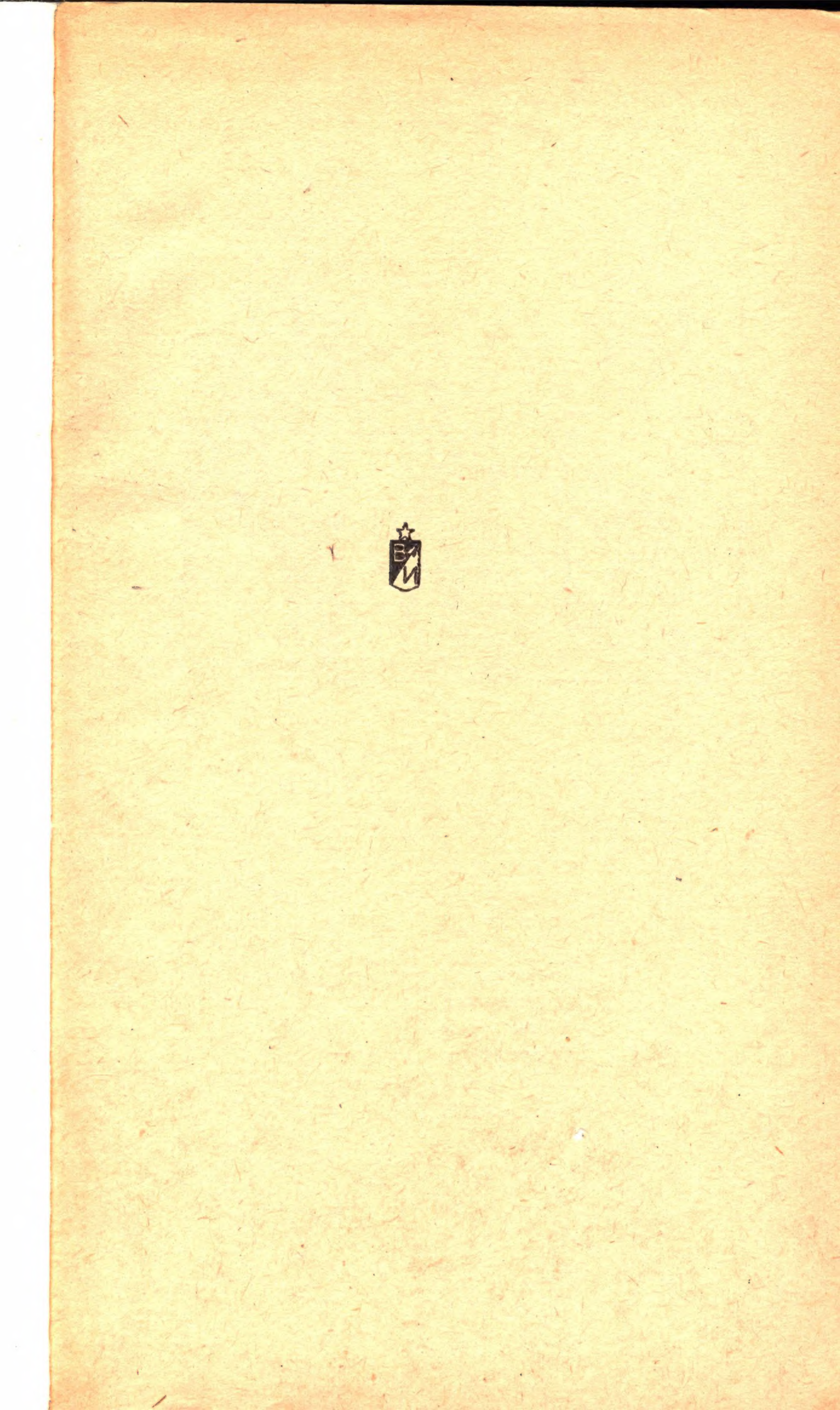
Владимир
Волосков

„Синий перевал"

Повести
о
В. О. В.

Ордена
Трудового
Красного
Знамени
Военное
Издательство
Министерства
Обороны
СССР

Москва • 1971

ВЛАДИМИР ВОЛОСКОВ

СИНИЙ ПЕРЕВАЛ

ПОВЕСТИ

синий перевал

повесть

1. ОБЫЧНАЯ ИСТОРИЯ

Рабочий поселок просыпался. Хотя небо было затянуто низкими плотными облаками и густо валил крупный снег, бодрый мартовский рассвет все-таки брал свое. Быстро стаивала ночная синева, оставляя лишь фиолетовые тени за углами изб и бараков, поблек и без того неяркий светлячок уличного фонаря у поселкового магазина. В воздухе пахло чем-то свежим и талым, что всегда предшествует первой весенней оттепели.

Дарья Назаровна, хромая, но еще довольно бодрая старуха, вышла из своей избы. Постояла у калитки, поглядела на серое небо, слизнула с губ холодную пушистую снежинку и удовлетворенно пробормотала:

— Мозглым несет... Енто хорошо. К теплу. — И сноровисто заковыляла к ближнему бараку.

В бараке размещались контора и общежитие бурового отряда, в котором Дарья Назаровна работала техничкой, рассыльной, прачкой и еще бог весть кем. Несмотря на обилие должностей, дел у Дарьи Назаровны не ахти как много: затопить вечером печи, прибраться утром да три раза в месяц постирать постельное. Сейчас Дарья Назаровна шла исполнять одну из главных своих обязанностей — мыть полы после того, как рабочие уедут на участок.

У крыльца она остановилась. На ступеньках толстый слой снега. Ни единого следа. До сих пор из общежития никто не выходил.

— Что они, рехнулись? — вслух проворчала старуха. — Скоро на работу выезжать. — И вспомнила: — Ясно дело, дорвались, дрыхнут с похмелья...

Вчера буровикам привезли наконец пайковый спирт, который не выдавали более двух месяцев.

Ворча и покряхтывая, Дарья Назаровна извлекла из-под крыльца веник, обмела некрашеные доски. Так с веником в руках и зашла в узкий темный коридорчик. Сначала заглянула в обширную комнату, в которой жили буровики. Так и есть. С двухэтажных нар несся мощный храп. Двадцать пар валенок, увенчанных застиранными портянками, обычным строем стояли на большой рус-

ской печи. Часов у буровиков нет. Единственный на весь отряд старенький будильник находится в конторке — если кто и просыпался, то, не зная времени, снова валился на соломенный тюфяк. Начальник отряда Студеница обычно утром сам делал подъем. На этот раз, видно, и он проспал.

Дарья Назаровна прикрыла дверь общежития и стукнулась в другую, что находилась напротив. Никто не откликнулся. Старуха вошла. Оглядела комнатенку, громко именуемую конторой. В меркло свете, пробивавшемся из окна, увидела привычную картину: стол, два табурета, железный ящик, который все в отряде почему-то именуют сейфом, узкая койка, на которой, укрывшись одеялом с головой, спит начальник отряда. На столе, поскрипывая изношенным железным нутром, стучит будильник. На табурете, что возле койки, лекарство, которое всегда на ночь припасал Студеница, сильно страдавший в последнее время сердцем. Возле лекарства стакан с водой. Это чтобы запивать. Все как обычно, как всегда бывало ранним утром. Если и есть что новое, то это на треть опорожненная квадратная емкая бутылка.

— Сколь говорила: хворое сердце — не трескай водку. Ан нет! Ох уж эти мужики, — укоризненно проворчала Дарья Назаровна, убирая лекарство и стакан; понюхала, пригубила, сморщилась: — Окаянный. И в кровати пил. Вставай, Ефим Нилыч. Хватит спать. Робят подымать пора.

Студеница не пошевелился.

— Вставай, Ефим Нилыч, — в полный голос повторила Дарья Назаровна и потянула одеяло с начальника отряда — она не была обучена хорошим манерам и со Студеницей обращалась точно так же, как со всеми.

Спящий остался недвижным.

Предчувствуя недоброе, Дарья Назаровна охнула, прикоснулась пальцами к голой пятке Студеницы и опрометью бросилась из комнаты. Ворвавшись в общежитие, дурным голосом завопила:

— Робя-я-ты-ы-ы... Ефим Нилыч помер!

Днем дежурный врач поселковой больницы и участковый уполномоченный завершали формальности.

— Сомнений нет. Сердце, — скучным голосом конста-

тировал врач, пожилой мужчина в помятом халате. — Отвезем в анатомичку, но... — Он махнул рукой. — Обычная история.

— Ясное дело, — согласился уполномоченный. — Я сам вчера говорил ему, чтобы поберегся. Да тоскливо ведь одному-то. Все о жене вспоминал. — И вздохнул. — Эх, жизнь-жестянка! Вот и гадай. Вчера жил, планы строил, а сегодня... Ну, ладно. Будем закругляться. — Он придвинул к себе форменный бланк. — Сего числа, третьего марта тысяча девятьсот сорок второго года...

Участковому и в самом деле было не по себе. Все четыре месяца, что работали буровики в Песчанке, жили они со Студеницей дружно. Начальник отряда по-соседски ладил с участковым, по субботам ходил к нему в баню, покупал у матери молоко... Накануне вечером прибежал веселый: «Айда, — сказал, — ко мне, спиртику выпьем. Слава богу, привезли. Сразу за два месяца. Отогреются хоть мои соколики. А то начисто проморозились нынче. Попробуй-ка в голехоньком поле...» Участковый не пошел — в отделение вызвали. А теперь — хочешь не хочешь — регистрируй смерть невезучего, но в общем-то не плохого человека.

— А как же с документами? — озабоченно сказал старший коллектор Ваня Зубов, долговязый, тощий парень с остриженной наголо острой головой. — Работать-то как?..

Час назад пришла из геологического управления телефонограмма, в которой поручалось Зубову временно взять на себя обязанности начальника отряда. Ваня лишь прошлым летом окончил техникум, с делом освоился кое-как, и вдруг — будь здоров! — становись начальником. К тому же, как на грех, не оказалось никаких геологических документов. Нашли под подушкой у Студеницы связку ключей, открыли железный ящик, служивший сейфом, и не нашли... Все есть: и деньги, и сменные рапорты, а геологических документов — ни листика.

— Я ж сам по всем скважинам колонки вычертил. Куда делись? — горевал Ваня. — Ни пикетажек, ни первичной документации, ни анализов... Куда он их задевал?

Участковый положил ручку на стол, подошел к ящику-сейфу, еще раз осмотрел накладку и два здоровенных висячих замка. Ни единой царапинки. Пожал плечами:

— Все в ажуре. А не отвез он эти бумажки в управление?

— В управление?.. — Ваня почесал стриженую макушку и вдруг простодушно обрадовался: — А ведь точно. Наверняка увез. Он вечно воров боялся. Денег на сберкнижке — слезы! А все равно ее под матрац прятал. А тут документы! Завтра поеду — привезу.

2. НАД МОСКВОЙ ПОЛЫХАЮТ ЗАРНИЦЫ

Едва Купревич успел переговорить по телефону с профессором Дубровиным, как по радио объявили воздушную тревогу.

— Надолго, Коля? — спросил Купревич брата.

— Бог его знает, — безразлично откликнулся тот и устало зевнул: — Во всяком случае, ваша светлость может не волноваться за свою августейшую жизнь. «Юнкерсов» ближе окраин давно не допускают.

— А я и не волнуюсь, — огрызнулся Купревич. Он и в самом деле не волновался. Но чувство настороженности и какой-то тревоги все же заставляло прислушиваться к пальбе зенитных орудий. Так и подмывало подойти к окну, отдернуть черную маскировочную штору, взглянуть на пустынную вечернюю улицу.

— Ну, жди свою автомашину, а я спать. — Брат опять зевнул. — Хорошо, если минут двести храпануть удастся, а то и раньше на службу вызовут.

— Что, много дел?

— Святая простота! Будто для тебя войны нет. Достается. Шутка ли, каждые девять из десяти предприятий наркомата эвакуированы. На колесах! А армия требует самолетов. Вот и крутись!

— Девять из десяти? — поразился Купревич. — Так как же там, на фронте?

— А так... — Брат горько усмехнулся и как был — в сапогах и гимнастерке — завалился на диван. — Ждут новой техники. Заводы же того... Тук-тук-тук. Нынче здесь, завтра там.

— Как же это мы так, Коля?

— Вот так. Фашист нас не спрашивал. Да что с тобой говорить? Провинция... Погоди, денька три в столице поживешь — перестанешь изумляться. — И повернулся спиной к Купревичу.

Тому стало жаль похудевшего, измочаленного заботами брата. Николай работал в наркомате авиационной про-

мышленности, и ему в самом деле доставалось. Он тоже только что вернулся из командировки и с минуты на минуту ждал направления в новую. Николай уснул почти тотчас, продолжая чему-то горько улыбаться во сне, будто не грохотали взрывы и не ревели моторами истребители-перехватчики в черном небе над притаившимся в снежной темноте огромным городом.

Купревичу же это было в новинку. Он уехал, когда Москва еще не знала воздушных тревог. Потому сейчас, когда брат уснул, он погасил свет и, отогнув штору, выглянул в окно.

Пустынно, тоскливо. Мутно сереет грязный мартовский снег. А в черной высоте пляшут над крышами высоких безглазых домов оранжевые зарницы взрывов.

Купревич аккуратно задернул штору, включил свет и устроился на стуле поближе к телефону. Он не знал, когда придет за ним обещанная автомашина, не знал и другого — куда его повезут. Вообще не знал ничего.

А совсем недавно все было ясно и просто. Был Юрий Купревич — старший научный сотрудник института химии Академии наук СССР, была своя тема, своя лаборатория, была семья, жена Лена... Потом началась война, его направили на химические предприятия Востока — помогал внедрять новые технологические схемы, разработанные институтом. И пошло: мотался с завода на завод, организовывал связи, помогал, покрикивал, хвалил и жаловался... Сам всевышний не поймет, кто сейчас кандидат химических наук Купревич: не то научный работник, не то толкач, не то инспектор...

Пока крутился волчком в этой затянувшейся командировке, немцы успели оккупировать чуть не половину европейской части страны, брат Николай получил ранение и вернулся на работу в наркомат, а Лена стала военврачом. Купревич застал дома лишь пачку ее грустных, нежных писем, присланных оттуда, с войны, где давно полагалось быть ему, а не ей...

Они поженились три года назад, и брак их был полной неожиданностью для всех родственников, друзей и знакомых. Никто не подозревал, что скромный, степенный студент (а потом аспирант) Юрка Купревич давно тайно влюблен в бойкую соседскую девчонку Ленку Тихо-

мирову. И уж совсем не подозревали, что бой-девка Ленка платит ему взаимностью. Да и как тут догадаться, когда на людях Ленка не упускала случая подразнить не по возрасту серьезного соседа, а тот умел снисходительно не замечать ни насмешек, ни самой сероглазой кудрявой девчонки, которая со временем превратилась в пресимпатичное создание, вслед которому на улице все чаще поглядывали мужчины всех возрастов. Ленку никогда не видели одну, она всегда находилась в обществе подруг, друзей, многочисленных поклонников. Где уж тут ей заинтересоваться неприметным аспирантом, бывшим много молчаливее, солиднее да и несколько старше девчат и ребят из Ленкиной компании.

Так продолжалось несколько лет: пока Лена заканчивала десятилетку, пока училась в медицинском институте... Очевидно, они так бы никогда и не узнали о взаимных чувствах, если бы Купревич в один счастливый вечер не решился на отчаянный шаг.

Сначала все происходило как обычно. Возвращаясь домой, Купревич на скамейке возле подъезда увидел девушек-медичек и среди них Лену. Они о чем-то спорили, заглядывая в свои объемистые конспекты.

— Жрецам науки! — заметив соседа, привычно кивнула Лена. — Как поживают глубокоуважаемые фенолы-бензолы?

— Успешной зубрежки! — церемонно, как это он привык делать в институте, поклонился Купревич.

Девушки прыснули (а Лена всех громче), им, видимо, была забавна старомодная чопорность розовощекого молодого человека.

И тут случилось непонятное. Купревич не прошел, как обычно, в подъезд, а неожиданно для себя самого остановился, внимательно поглядел на Лену. Он так и не мог понять потом, что остановило его и заставило решиться заговорить при посторонних: не то в голосе девушки послышалось ему что-то необычное, не то взяло наконец-таки верх тщательно скрываемое чувство, не то что-то другое...

— Фенолы-бензолы живут и здравствуют, — очень серьезно сказал он.

— Девочки! — смешливо всплеснула руками Лена. — Зевс опустился на грешную землю. Он разговаривает с простыми смертными!

— Почему весь запас колкостей эти смертные берегут для Зевса? Неужели он чем-нибудь обидел их?

— Ну и ну! Девчонки, нас нагло обманывают. С фенолами-бензолами далеко не все в порядке. — Лена не хотела принимать серьезный тон Купревича. — Оказывается, к нам имеются претензии. Вот это новость! Зевс не чужд лирики! Я не удивлюсь, если сейчас последует объяснение в любви!..

Девушка не подозревала, каким толчком для Купревича послужили эти слова. Он вздрогнул, почувствовав, как оборвалось что-то в груди, и, холодея от собственного безрассудства, словно неумелый пловец, ринулся с высокого обрыва в глубокий омут.

— И последует! Не вижу ничего плохого в том, что я тебя люблю!

— Девчонки, вы слышали? — машинально хохотнула Лена и уронила на землю конспект.

— Разве зазорно любить кого-то?

Студентки ошеломленно переглянулись, притихли, Лена широко распахнула огромные серые глаза.

— Разве зазорно? — обреченно повторил Купревич, и, видать, такое было у него лицо, что Лена окончательно все поняла, покраснела до корней волос, а потом, словно подброшенная пружиной, взлетела со скамейки, схватила его за руку...

— Глупый... Дурачок... Честное слово, дурачок! — выдохнула она, когда за ними захлопнулась дверь подъезда. — Самый несуразный человек на свете! — И вдруг уткнулась головой в его грудь.

Купревич обнял ее мягкие плечи и долго целовал светлые кудряшки, бормотал какие-то несвязные глупости, пока понял, наконец, что доверчиво прижавшаяся к нему девушка плачет.

— Ленка... Ленок! Что ты? — Купревич взял в ладони ее разрумянившееся лицо, испуганно заглянул в глаза. — Что с тобой?

— Глупый ты... Дурачок... — Лена счастливо улыбнулась сквозь слезы. — Я ведь привыкла к мысли, что ты никогда не скажешь мне... — И снова уткнулась в его плечо.

Купревич опять обхватил ее подрагивающие плечи и вдруг ясно осознал, что не было и не будет для него никого дороже этой плачущей на его груди девушки.

С приходом Лены все преобразилось в запущенной холостяцкой квартире Купревичей (после смерти матери Юрий, брат Николай и отец жили беспризорно, каждый с головой окунувшись в свои служебные дела). Ее неисчерпаемая энергия сотворила чудо. Комнаты, в которые раньше приходили лишь ночевать, превратились в дом — в самом настоящем, семейном понимании этого слова. Как-то сразу и сам Юрий, и отец, и неисправимый скептик Николай поняли, как бестолково и неуютно жили до сих пор.

Поняли — и безоговорочно приняли руководство Лены. Прекратились споры: кому подметать полы, кому идти в магазин, кому к прачке... Утром на буфете каждому лежала записочка-памятка с хозяйственными заданиями, и мужчины беспрекословно принимали их к исполнению. Кто-то закупал продукты, кто-то выбивал пыль из дорожек, кто-то отправлялся на базар...

Юрий, грешным делом, даже немножко ревновал жену к отцу и брату — настолько весело и охотно подчинялись они ей, с такой легкостью соглашались с каждым ее предложением.

В ту пору все это казалось само собой разумеющимся. И лишь в разлуке понял Купревич, какую ношу несла на своих покатых плечах неугомонная Лена. Удивительно, как она успевала все делать и все помнить! А ведь после окончания института она тоже работала, специализировалась на хирурга. Ей, конечно, было не легко. Стыдно вспомнить, но Купревич не знает даже сейчас, уставала ли когда-нибудь жена...

А она знала и чувствовала все, ее сердечной теплоты хватало на всех. Она знала, когда Николай расстроен неудачным испытанием новой модели самолета и его лучше не беспокоить, знала, когда у отца взыграла печень и его надо заставить принять лекарство, знала, когда и сколько работать ему, Юрию Купревичу. Смешно, но так оно и было. Лена не давала слишком долго засиживаться за бумагами даже тогда, когда он работал над диссертацией. Попросту снимала с него очки, прятала куда-то запасные — и «обезоруженный» Купревич был вынужден ложиться спать. Но, как ни странно, при Лене дела пошли куда быстрее, и уже через год он был готов к защите.

Сейчас ее нет. Она там, где от взрывов ходуном ходит

воздух, где обильно поливается кровью истерзанная отчая земля. А вот он, Купревич, здесь, в опустевшей московской квартире, где каждая вещь, всякая безделица дышит Лениным незримым присутствием: старый диван, на котором спит Николай, перед самой войной перетянул по ее просьбе соседский дворник Ермолаич, эту настольную лампу купила она в первую свою получку, вот этот современный телефонный аппарат поставлен по ее инициативе взамен старой дребезжалки, у которой надрывали голосовые связки два поколения Купревичей...

Получив известие, что жена надела военную форму, Купревич был так обеспокоен, что на несколько дней лишился сна. Все смешалось в чувствах и мыслях. Если для многих друзей и знакомых было вполне естественным, что решительная Ленка добровольно пошла на фронт (кому же идти, если не ей: боевой, отчаянной, первой заводиле в былой студенческой компании?), то Купревича охватила тревога. Тревога, похожая на откровенный страх. Он один знал, что за внешней бойкостью Лены кроется доброе, легко ранимое женское сердце, он один знал, как она слаба, как боится ночных гроз и даже безобидных комнатных собачек...

Лишь очутившись дома, Купревич немного успокоился. Здесь все напоминало о Лене, здесь ко всему прикасались ее проворные, умелые руки, здесь он понял — нет, не настолько она слаба и беспомощна, чтобы быть в стороне от грозных событий, надвинувшихся на родной народ; Лена не могла оставаться в Москве. Она обязательно должна быть там, откуда шлет свои краткие весточки. Иначе она не была бы сама собой. Если раньше она была всего нужнее одному ему, Купревичу, то теперь она нужнее там. Лена всегда умела быть там, где в ней более всего нуждались...

Вспомнив о недавно прочитанных теплых письмах жены, Купревич улыбнулся сам себе. Стало веселее — его Ленка жива, здорова, Москва живет и борется...

Только вот одно не ясно. Зачем его вызвали? Институт химии давно эвакуирован, академия тоже. Пришла телеграмма от профессора Дубровина, потом вторая — от директора института. Приказано прибыть в Москву. Пожалуйста. Прибыл. С великой радостью. А что дальше?

Дубровина Купревич знает, учился у него. Профессор руководил его работой над диссертацией. Теперь у него новая должность — член научно-технического Совета по разработке проблем оборонного значения. Есть такой при Государственном Комитете Обороны. Не шутка. И вот этому занятому важнейшими делами человеку зачем-то вдруг понадобился затерявшийся в тылу Купревич. Зачем?

По телефону Дубровин ничего объяснять не стал. Поздоровался. Сказал: «Ждите. Придет машина. Привезет куда надо». Вот и все. Кратко и деловито. Совсем не похоже на прежнего приветливого чудака профессора.

Теперь сиди и жди.

Купревичу надоело сидеть. Он встал, выключил свет и вновь отдернул штору. На окраинах города по-прежнему гулко гремели зенитки, по-прежнему в черном небе плясали огненные всполохи. И Купревичу вдруг стало ясно, почему после объявления воздушной тревоги ему сначала сделалось немного не по себе, затем он внутренне как-то собрался, а потом и совсем повеселел. Конечно, это оттого, что он наконец-таки совершенно неожиданно приблизился к цели.

На мостовой перед домом появился темный силуэт военного «виллиса».

3. СЧИТАЙТЕ СЕБЯ НА ПЕРЕДОВОЙ!

— Нет и еще раз нет! — повторил Купревич. — И не уговаривайте, Всеволод Максимилианович. Завтра я иду в военкомат. Никаких новых заданий. В конце концов я молод, и у меня есть идеалы. Мой важнейший долг... — Он замялся, поняв ненужную высокопарность своих фраз, но подходящие к моменту простые слова как-то не находились.

Они были в кабинете вдвоем. Дубровин сидел в кресле, уперев локти в стол, положив тяжелый рыхлый подбородок на сцепленные пальцы. Купревич возбужденно бегал по кабинету и по-мальчишески махал руками.

— Нет, нет и нет! Я не хуже других! Какой комплекс неполноценности вы во мне обнаружили?

Дубровин медленно поднялся с кресла. Вышел из-за стола, встал рядом с разгоряченным Купревичем. Тот перестал жестикулировать.

— Послушайте, Юрий Александрович, неужели из нас в самом деле могут получиться снайперы? — вдруг очень серьезно спросил профессор и сдвинул на лоб очки.

— Почему именно снайперы? — опешил Купревич и тоже машинально потрогал оправу своих массивных очков. — Можно...

— Кем? — Близорукие выцветшие глаза Дубровина продолжали оставаться серьезными, он заинтересованно ждал.

— Можно, можно...

— Сколько у вас? — Профессор указал пухлым пальцем на очки.

— Левый минус ноль семь, правый — минус шесть...

— Н-да-с, батенька. Даже у меня лучше. Вот вам и комплекс неполноценности!

— Но я же молод. Мне всего тридцать два!

— Голубчик, Юрий Александрович, для этой войны и я молод. Честное слово! — Профессор произнес это серьезно и внушительно. Настолько внушительно, что Купревич разом забыл о своей досаде и еле сдержал невольную улыбку. Из каждой морщины, из каждой складки крупного, обрюзглого лица Дубровина глядела старость.

— Ну как можно сравнивать, Всеволод Максимилианович...

Дубровин возвратил очки на переносицу. Взглянул на часы. Стал хмурым, строгим.

— Время. Дискуссии конец. Идемте.

— Куда?

— На совместное заседание Совета с представителями оборонных наркоматов.

Заняв место в заднем ряду небольшого, переполненного конференц-зала, Купревич поначалу с любопытством огляделся. Впервые в жизни он видел в одном месте столько генералов, знаменитых инженеров и ученых. За столом президиума сидели известные всей стране академики. Среди них находился и Дубровин. И хотя Купревич только что беседовал с ним, опять невольно удивился профессору.

За столом сидел суровый массивный старик, и маленькие глаза его пронзительно сверлили из-за мощных линз очков каждого докладчика. И Купревич вдруг понял: нет и уже никогда не будет прежнего благодушного профессора — огромные забота и тревога стали единственным содержанием его жизни. Впрочем, вскоре Купревич забыл о Дубровине...

Выступал заместитель наркома боеприпасов, и, хотя говорил он негромко, каждая фраза отдавалась громом.

— Я уполномочен сообщить совещанию, что наша страна в период с августа по ноябрь прошлого, сорок первого, года потеряла много предприятий, изготовлявших боеприпасы. Только за один месяц эти предприятия могли давать миллионы корпусов снарядов и мин, взрывателей, гранат, тысячи тонн пороха и тротила...

Купревич был химиком, связанным с военным производством, — потому с особой очевидностью сознавал значимость каждой из называемых оратором величин. Раненые фронтовики, с которыми ему случалось беседовать в последние недели, с недоумением и злостью жаловались на малочисленность нашей авиации и танков, на чем свет стоит кляли интендантов, из-за неразворотливости которых на передовой порой не хватало даже мин и снарядов... Купревич возмущался вместе с ними. А на поверку оказывается, не виноваты извечные армейские козлы отпущения — интенданты.

— Каждый месяц фронт мог получать эти миллионы и миллионы боеединиц, но не получает, — продолжал заместитель наркома. — Положение создалось тяжелейшее. Я это подчеркиваю. Запасы истощаются, а промышленность дает фронту лишь немногим больше половины запланированной продукции.

Купревич зябко повел плечами.

— Итак, необходимы правильные выводы из сложившейся обстановки и быстрые незамедлительные действия. Поскольку основным поставщиком сырья для боеприпасов являются предприятия химической промышленности, мы и собрались здесь, чтобы принять совместные решения.

«Решения! Но ведь сегодня и завтра на фронте нужны боеприпасы, а не решения!» — тоскливо подумал Купревич и почему-то вспомнил о Лене.

Следующим выступал представитель минометной промышленности. Это был сутулый, бледный, очевидно, основательно изнервничавшийся человек. Не успев занять ораторское место у стола президиума, он уронил листок с тезисами, а потом долго не мог ухватить его на скользском паркете. Эти непредвиденные манипуляции окончательно выбили «минометчика» из равновесия и, забыв о бумажке, он с горячностью обрушился на всех смежников и поставщиков сразу. Начал жаловаться, что не хватает цельнотянутых труб и стальной ленты, что не поступают вовремя какие-то двутавровые балки номер восемнадцать... У него, ясное дело, накипело, но говорить долго ему не дали.

— А по существу? — перебил председательствующий.

— Что? — Докладчик мотнул головой, словно конь, налетевший на каменную стену. — Ах, по существу... С металлом и материалами как-нибудь вывернемся. Начинка! Дайте нам в достаточном количестве начинку! — Он нервно замахал листком. — Ставка и правительство ежедневно запрашивают о количестве произведенной продукции. А что можем мы? Товарищи химики, дайте в достаточном количестве взрывчатку, а главное — твердое топливо для реактивных снарядов. Дайте начинку! А уж мы не осрамимся.

Возвращаясь на свое место, «минометчик» сутулился больше прежнего и смущенно озирался — понимал, как неубедительно прозвучало его выступление. Купревичу стало жаль этого человека. «Сгорит на работе, — сочувственно подумал он. — Не по его нервам должность».

У стола президиума появился представитель наркомата химической промышленности. И сразу по конференцзалу прокатился нарастающий шум. Купревич подумал: «Ага! Ключевой докладчик. Быть шторму».

Но представителя химиков шум не смутил. Очевидно, то был тертый калач, наперед знавший, что ласковых слов ему здесь не скажут. Низенький, плотный, с бритой, круглой, как бильярдный шар, головой, он жестом опытного докладчика попросил тишины и заговорил хорошо поставленным, неожиданным для такого маленького человечка мощным басом:

— Да, товарищи, положение серьезное. По плану, утвержденному правительством, химические заводы должны быть эвакуированы из западных районов страны.

Фактически эвакуирована только часть этих заводов. Остальные демонтировать не удалось. Почему? Спросите товарищей военных. Из числа эвакуированных предприятий на новые места полностью прибыли лишь некоторые заводы. Где остальные? Надо спросить железнодорожников...

— Что вы киваете на Петра да на Марью! Говорите конкретно: сколько заводов, из числа вывезенных, дают продукцию? — перебил его моложавый генерал-лейтенант, сидевший в первом ряду.

— Три! — отрубил докладчик.

«Только три!» — ужаснулся Купревич. Как бы ни были велики потери промышленности на западе, все же на востоке имелись крупные металлургические и машиностроительные предприятия. Полностью переключив их на выпуск военной продукции, можно было решить многие проблемы, связанные с оснащением армии необходимым оружием. Но взрывчатка, порох... Исходное сырье для их производства поставляют химические предприятия. А таких предприятий на востоке мало. И в один миг их не построишь...

Тем временем между докладчиком и моложавым генералом завязалась перепалка:

— Что вы можете дать оборонной промышленности в ближайшее время? На что можно рассчитывать? — настаивал генерал.

— Все действующие предприятия работают с предельной нагрузкой. Производственники выжимают из имеющихся установок все, что можно выжать. Даже более того. Все мировые рекорды съема продукции перекрыты!

— Нас рекорды в данный момент не интересуют. Говорите ясно — сможете в ближайшее время существенно увеличить выпуск порохов и взрывчатки?

Докладчик отер платком вспотевшую лысину, зачем-то оглянулся на президиум.

— Если не введем в эксплуатацию дополнительные мощности, то не сможем. Надо форсировать строительство и монтаж новых заводов. Это единственный выход из положения.

В зале повисла тревожная, напряженная тишина.

Вдруг Купревич почувствовал на себе чей-то внимательный взгляд. Он давно ощущал какую-то неловкость,

но только в этот момент внезапно осознал, что его с самого начала совещания кто-то пристально рассматривает. Он резко обернулся и увидел на противоположном краю заднего ряда молодого человека. Взгляды их встретились. Молодой человек не смутился. Спокойно отвернулся, представив Купревичу возможность разглядывать себя сколько ему заблагорассудится.

«Тридцати еще нет. Ни разу не встречал... Кто он?»

У молодого человека ничем не примечательное округлое лицо, слегка вздернутый нос, короткие белобрысые волосы аккуратно причесаны. Одет в гражданское. Лицо как лицо, пиджак как пиджак. Как у многих. И все же молодой человек чем-то неуловимо отличался от всех участников совещания. Купревич долго приглядывался, пока не догадался: тот точно так же, как он, Купревич, пришел сюда слушать, а не принимать решения, у него тоже нет портфеля на коленях, нет карандаша над раскрытым блокнотом...

— Песчанский химический комбинат на полную мощность работает? — наконец нарушил тишину чей-то голос.

— Нет. Песчанский комбинат еще не выдает готовую продукцию, — скучным голосом откликнулся бритоголовый химик.

— Как так? — Заместитель наркома боеприпасов даже дернул головой. — Одно из крупнейших химических предприятий Востока все еще не действует? Вы же еще в декабре утверждали, что оно накануне пуска!

Зал взорвался:

— Возмутительно! Какая безответственность! И это в такое время, когда решается судьба страны!

— Тише, товарищи! — Мощный бас докладчика перекрыл шум. — На Песчанском комбинате сернокислотный и аммиачный комплексы работают на полную мощность.

— Они и до войны давали продукцию! Нам не аммиак и кислота нужны, а пороха и взрывчатка! — продолжал бушевать зал.

«Вот те и шторм!» — резюмировал Купревич.

— Итог всепрощения! — возмущался генерал, обращаясь сразу ко всему залу. — Либеральничаем, верим пустым обещаниям...

— Действительно безобразие! — вторил ему сутулый «минометчик». — Мы ждем с Песчанки специальные пороха, считаем действующим предприятием, а тут...

— Объясните совещанию, почему Песчанский химкомбинат до сих пор не дает готовой продукции, почему цикл не замкнут? — потребовал заместитель наркома.

— Интересно, что эти химики еще придумали в свое оправдание? — сердито крикнул кто-то.

— Ничего придумывать не собирались! — свирепо ухнул густющим своим басом докладчик. — Завершение строительства Песчанского комбината и ввод его в строй действующих срываются из-за недостатка технической и питьевой воды.

— Чего?

— Воды! Самой элементарной воды. Аш-два-о... Проблема водоснабжения комбината до сих пор не решена! — теряя остатки самообладания, затравленно ответил химик.

И опять зал взорвался:

— Что же думали раньше? Почему об этом никто ничего не знает?

Председательствующий яростно затряс над головой старомодным академическим колокольчиком и тряс до тех пор, пока зал не затих снова.

Грузно поднялся со стула Дубровин. Заговорил медленно, глухо:

— Товарищи, поменьше эмоций! Не будем тратить время впустую. Государственному Комитету Обороны и правительству доложено о положении, сложившемся в Песчанке. Потому и созвано настоящее совещание. Члены нашего Совета уже выезжали на место. Действительно, пуск азотнокислотного завода и кооперированных с ним цехов по производству взрывчатых веществ срывается из-за недостатка воды. Предполагалось этот дефицит покрыть за счет подземных вод, но гидрогеологи с задачей не справились — воды нужного качества не обнаружили. Мы специально пригласили на совещание секретаря Зауральского обкома партии товарища Голубничего, начальника геологоуправления товарища Рыбникова и представителя государственного геологического комитета товарища Прохорова. Давайте послушаем их. — И Дубровин сделал приглашающий жест куда-то в сторону.

— Ничего, мы с места, — звонко сказал кто-то оттуда.

Все обернулись на голос.

Во втором ряду, с краю, особняком сидели трое и, не

обращая внимания на всеобщее любопытство, о чем-то совещались. Их деловитость, очевидно, понравилась присутствующим. На некоторых лицах мелькнули улыбки. Купревич тоже улыбнулся — с его галерки три встрепанных чуба, примкнувших друг к другу, казались до потешного похожими.

Один из троих встал. Молодой, высокий, по-юношески красивый.

— Рыбников, начальник Зауральского геологического управления, — отрекомендовал Дубровин.

— Наше управление создано незадолго до начала войны, — без излишних предисловий звонко заговорил Рыбников. — Естественно, ни нужными кадрами, ни технической базой обзавестись не успели. Тем не менее, согласно решению правительства, нам в первые же дни войны был резко увеличен план по приросту запасов руд черных и цветных металлов. Мы перестроились, мобилизовали все свои наличные силы на выполнение этой задачи. Затем неожиданно поступило срочное задание по Песчанскому комбинату. Разумеется, направить туда нам было некого. Все же мы организовали небольшой гидрогеологический отряд, как сумели, укомплектовали его людьми и оборудованием. Результат вам известен. Малыми силами такую сложную и важную проблему, как обеспечение водой огромного химкомбината, в имеющихся условиях решить невозможно. — Рыбников тряхнул красивой головой и так же, как начал, деловито заключил: — Обком партии и комитет по делам геологии всесторонне рассмотрели положение дел, сложившееся у нас в Песчанке. Передаю слово товарищу Голубничему.

Секретарь обкома был еще более краток. Подтвердил сказанное Рыбниковым.

— Зауральское геологическое управление маломощно, своими силами решить проблему не сможет. Соседние уральские области ни людьми, ни техникой помочь нам не в состоянии. Их геологоразведочные организации также выполняют важнейшие государственные задания. Давайте искать выход из положения, товарищи! Необходимо сегодня же выработать какие-то рекомендации и доложить их правительству и Центральному Комитету партии.

— Да, надо искать выход, — поддержал третий, представитель геологического комитета Прохоров. — Видимо,

в начальный период войны была допущена ошибка при бронировании рабочей силы. Геологоразведочная служба страны направила в армию лучшие свои кадры, причем в таком количестве, что восполнить убыль в специалистах мы теперь не в состоянии. Если вопросы с буровой и прочей техникой могут быть как-то решены, то геологов, и особенно гидрогеологов, взять негде.

По залу снова пронесся шумок.

— Но у вас есть какое-то мнение? — поинтересовался Дубровин.

— Да. — Прохоров оглянулся на Голубничего с Рыбниковым. — Мы здесь посоветовались и... Нет иного выхода. Надо отозвать из действующей армии некоторых специалистов.

«Ого!» — в который уже раз за этот вечер поразился Купревич.

Военные встрепенулись. Опять поднялся моложавый генерал-лейтенант:

— Как? С фронта?

— Да.

— Товарищи, товарищи! — Председательствующий вновь затряс колокольчиком. — Прошу внимания. Есть предложение объявить небольшой перерыв. Давайте немного отдохнем, обменяемся мнениями в неофициальной обстановке, а потом будем говорить конкретно.

В вестибюле к Купревичу подошел Дубровин. Он взял молодого ученого под руку и отошел с ним в пустынный коридор.

— Ну-с, и как вам?

— Оглушен, — мрачно признался Купревич. — В Москве такой порядок, такое спокойствие. Я очень ободрился сегодня днем, когда приехал. А если копнуть глубже...

— Да, причин для тревоги больше чем достаточно. Создавшееся положение можно выправить только энергичными действиями.

— Конечно. Обстоятельства диктуют.

— Вот и хорошо! — Дубровин охватил белыми пухлыми пальцами дряблый подбородок. — Очень хорошо, что поедете на новое место с полным пониманием своей миссии.

— Куда поеду?

— В Песчанку.

— Кем?

— Постоянным представителем научно-технического Совета.

— Всеволод Максимилианович, ведь я...

— Ничего, ничего, батенька, — сурово оборвал Дубровин. — Там тоже фронт. Вам предстоит на месте увязывать многие вопросы. Я говорю об этом заранее, так как после перерыва будет официально объявлено о вашем назначении.

— Всеволод Максимилианович... Я молод, здоров. Есть другие...

— Ничего, ничего. — Голос Дубровина подобрел. — Я все понимаю. И Лена ваша поймет. Она умница. Еще гордиться вами будет. Если в ближайшие месяцы Песчанка не начнет выдавать взрывчатку и пороха — положение на фронте может осложниться. Так что считайте себя на передовой, Юрочка.

4. ВАМ НАДЛЕЖИТ ВЫЕХАТЬ В МОСКВУ

С утра, как обычно, майор Селивестров обходит позицию батальона. Нужды особой в том нет — уже более месяца фронт стоит, и советские, и немецкие войска с головой закопались в стылую землю. Майору знакомы каждый ход сообщения, каждая огневая точка, но привычка есть привычка, и, хотя за истекшие сутки не случилось никаких чрезвычайных происшествий, Селивестров добросовестно следует по обычному маршруту, выслушивает доклады ротных командиров, делает замечания, особенно если попадется на глаза какой-нибудь распустившийся от спокойной жизни солдат, нарушающий приказ о строжайшем соблюдении маскировки.

Как всегда в это время, откуда-то из-за леса, что синеет за речкой, разделившей пополам нейтральную полосу, изредка постреливают немецкие орудия. Бьют куда-то в тыл. Наши не отвечают. То ли не желают обнаруживать себя, то ли экономят снаряды. Иногда то там, то здесь завязывается ружейно-пулеметная дуэль. Погремит — и так же внезапно прекращается.

Все эти привычные утренние шумы не отвлекают Селивестрова от обязательных хозяйственных дум. Батальон не дивизия, а все-таки хозяйство... За всем нужен глаз, все надо предусмотреть.

Под досками и лапником, что набросаны на дне траншеи, похлюпывает. Подогревает повеселевшее мартовское солнце. Прибавляется талой воды. А что будет, когда настоящая ростепель нагрянет? Позиция батальона в низине, на речной болотине. Зальет окопы начисто. Селивестров смотрит на свои валенки, и мысли его сами собой настраиваются на соответствующий лад. Пришла пора менять зимнюю обувь на сапоги, надо послать в лес бойцов, чтобы наготовили половых решеток, найти способ, чтобы отвести от окопов и блиндажей паводковые воды...

Большой, неповоротливый, широкоплечий, занятый своими делами и думами, майор Селивестров идет дальше, а вслед за ним по траншеям уже мчится ординарец.

— Хозяин прошел? Давно? Куда?

— Будто не знаешь...

И мчится ординарец дальше. Настигает Селивестрова у блиндажа пулеметчиков.

— Товарищ майор, вас срочно к телефону.

— Скажи, что через полчаса вернусь, — хмурится Селивестров. Не любит, когда отрывают от дела. Знают ведь в штабе полка, что утром он всегда на обходе.

— Срочно, товарищ майор! — Круглые, большие глаза ординарца округляются еще больше, розовощекое юное лицо испуганно вытягивается.

— Кто? — тихо спрашивает комбат.

— Не знаю. Капитан Суворков приказал пулей лететь.

Адъютант батальона капитан Суворков — человек серьезный, бывалый. По пустякам горячку пороть не станет.

Майор поворачивает назад.

— Где тебя черти носят? — нетерпеливо гудит в телефонной трубке простуженный баритон командира полка майора Резника. — Добрый час жду.

— Сам знаешь.

Селивестров с Резником приятели, служат вместе с первых дней войны, еще недавно оба были ротными, потому позволяют себе не церемониться.

— У тебя что, какое-нибудь чепе?

— Нет. Полный порядок.

— А от тебя не скрыли?

— Еще не бывало такого.

— Пожалуй. От тебя не скроешь. Зачем же тогда «первый» вызывает?

— Меня? Вместе с тобой?

— В том-то и дело, что без меня.

— Зачем?

— А я откуда знаю? Приказал срочно тебя направить. Вот и все. А может, тебя тоже на полк переводят? — Эта мысль, очевидно, только-только пришла Резнику в голову, он обрадованно хохочет: — А что, очень даже стоящая кандидатура. Ну, Петро, за тобой банкет! — И спохватывается: — Погоди! Это как же... Без моего ведома забирают лучшего комбата!

— Ишь ты, уже успел собственником стать, — усмехается Селивестров.

— Погоди, на новой должности сам быстрехонько закуркулишься. Теории теориями, а своя рубашка в самом деле ближе к телу, — парирует Резник. — Ну, ни пуха ни пера! На обратном пути зайдешь.

— Добро.

«Первый» — командир дивизии полковник Гурьевских. Странный вызов. Гурьевских редко жалует комбатов вниманием. Вызывает лишь в исключительных случаях, когда предстоит поручить особо важное задание. И всегда вызывает вместе с командиром полка. Действовать через его голову полковник привычки не имеет. Это у него железный закон. А тут вдруг вызывает одного... Что могло случиться?

Полковник Гурьевских — кадровый командир. Не из запаса, как Селивестров с Резником. Несколько раз ранен. Контужен. Где-то в Белоруссии потерялась у полковника семья. Вдобавок ко всему во время январских боев под Великими Луками погиб его брат, командовавший ротой в соседней дивизии. В общем, хватил лиха Гурьевских за восемь месяцев войны. Поэтому Селивестров прощает ему излишнюю резкость и безапелляционный тон при разговоре с младшими командирами. Прощать-то прощает, а бывать у полковника не любит.

Майор вздыхает и повторно садится бриться. Приказывает ординарцу приготовить свежее обмундирование. От беседы с полковником он не ожидает ничего хорошего. Так что надо быть с иголочки. Помимо деловой требовательности Гурьевских к тому же невероятно придирчив к внешнему виду офицеров. Из окопа ты явился к нему или из театра — будь при всех регалиях, чистехонько выбритым и по полной форме.

Командир дивизии приветствует майора обычным кивком и садится. Завести разговор не спешит, вертит в руках какую-то бумажку. Селивестров стоит возле стола и гадает, что последует за этой паузой. Ему неприятно затянувшееся ожидание. Обычно Гурьевских ценит и свое, и чужое время: пришли к нему — приступает к делу сразу.

— Чаю не хотите? — вдруг предлагает комдив.

— Спасибо, уже позавтракал, — отказывается Селивестров.

— Ну, коль так... — Гурьевских барабанит тонкими пальцами по столу, и Селивестров начинает понимать, что комдиву хотелось поговорить неофициально, по-дружески, но он разучился за время войны принимать гостей, быть хлебосольным хозяином.

Майор жалеет, что отказался, но уже поздно.

— Вот что, — поразмыслив, произносит полковник. — Идемте прогуляемся. Тут к нам минометное подразделение прибыло...

— Слушаюсь, — по-казенному откликается майор и начинает волноваться — ему ясно, что пройтись полковник решил вовсе не из-за минометчиков, что думает он о чем-то другом.

На окраине лесной деревеньки высится наполовину сгоревший сарай. В уцелевшей половине его временно разместился минометный взвод, отдыхает после марша. Полковник машет дежурному лейтенанту — не надо рапорта — и направляется к минометам, стоящим в боевом положении под дощатым навесом.

— Вы свободны, лейтенант.

Они останавливаются у одного из минометов. В стороне топчется продрогший часовой, маячит у двери сарая обеспокоенный лейтенант. Гурьевских стучит мундштуком с потухшей самокруткой по минометному стволу. Тот отзывается глуховатым звоном.

— Хорош?

— Доброе оружие, — соглашается Селивестров, не зная, что этим хочет сказать комдив. Обычный 120-миллиметровый полковой миномет — экая невидаль!

— Новые, — говорит полковник.

— Да, — опять соглашается озадаченный Селивестров.

— Вам ничего это не говорит?

— Нет. — Селивестров не любит пожимать плечами.

— Да-с... До войны специальные трубы для минометных стволов поставляло единственное предприятие в стране — днепровский завод. А там теперь... Эти же новенькие. Не доходит?

— Нет.

— Да-с... Значит, где-нибудь на Урале уже организовали выпуск таких труб. Выходит, восполнена потеря днепропетровского завода.

— Теперь понимаю.

По худому, длинноносому лицу Гурьевских проскальзывает улыбка. Долговязый, прямой — про таких в народе говорят: аршин проглотил, — он еще раз пригибается, стучит по стволу, слушает:

— Вы, кажется, с Урала?

— Да. Кунгурский.

— Хороша у вас пещера.

— Да, хороша.

— Да-с... И с какого времени, Петр Христофорович мы вместе воюем?

— С третьего дня войны.

— Правильно. С того дня вместе.

В апреле 1941 года военкомат направил инженера-гидрогеолога Селивестрова на военную переподготовку. Дело не новое. Селивестрову и раньше случалось уезжать на два-три месяца в лагеря. Но в июне его неожиданно аттестовали, стал он капитаном инженерных войск и срочно выехал на Запад, в один из строящихся укрепрайонов. На новом месте прослужил всего двое суток. Едва успел встать на довольствие, получить койку в казарме и личное оружие, как началась война.

Все в штабе строительства смешалось. Связь с высшим командованием оборвалась, своих войсковых частей не имелось, бомбили немцы нещадно — пришлось строителям прибиваться к чужим подразделениям.

Примкнул и Селивестров. Сначала, как полуобученный «технарь», болтался при штабе дивизии, потом выпросился во взводные, из окружения под Брянском вышел ротным. А после переформирования от Осташкова к Великим Лукам вел в наступление батальон. И все в одной дивизии, все под началом скупого на похвалу полковника Гурьевских.

— Да-с... — Комдив издает какое-то подобие вздо-

ха. — А ведь из командного состава осталось нас, старичков, всего трое: вы, я да Резник. Остальные...

Селивестров не хуже полковника знает, где теперь остальные.

Гурьевских выбивает из мундштука окурок и вдруг спрашивает:

— Много обид на меня накопили?

— Что вы, товарищ полковник!

— Ну-ну, — как-то по-незнакомому тепло усмехается Гурьевских.

— Хочу, чтобы знали, что я всегда считал вас отличным воином и командиром. Всегда. И надеялся в скором времени видеть вас командиром полка.

«К чему это он?» — Забыв о субординации, Селивестров привычно трет кулаком переносицу.

— К сожалению, этому не быть, — тихо произносит Гурьевских. — Раньше нам редко случалось быть вместе. А наедине — никогда. Поэтому я решил доставить себе это удовольствие хотя бы на прощание.

— На прощание?

— Да. — Полковник круто поворачивается к Селивестрову. — Самым срочным образом вам надлежит выехать в Москву!

5. НОВОЕ ЗАДАНИЕ

В кабинете начальника одного из отделов Главного управления военно-промышленного строительства генерал-майора инженерных войск Кардаша дымно. Курит сам хозяин кабинета, курят гости, не курит лишь майор Селивестров. Ему не до курения. То, о чем говорит сейчас Кардаш, настолько серьезно и важно, что майор боится отвлечься, слушает внимательно, забыв о толстой папиросе, зажатой в огрубевших пальцах.

Генерал-майор знакомит Селивестрова с обстановкой, сложившейся на Песчанском химическом комбинате.

В углу, на диване, сидят доктор геолого-минералогических наук Прохоров и симпатичный молодой человек, назвавшийся Купревичем. Купревича Селивестров видит впервые, а вот с Прохоровым они старинные знакомые. В давнее мирное время Прохоров трижды был официальным оппонентом Селивестрова, когда тот защищал свои отчеты по проведенным геологоразведочным работам.

Прохоров — внешне мужчина мрачный. Лицо аске-

тическое, изрезанное глубокими морщинами, губы блеклые, узкие, кожа на острых скулах желтая, сивый чуб постоянно встрепан, а шея боксерская, крепкая, плечи крутые. Но приглядишься — и нет первоначального впечатления. Взгляд у Прохорова умный, доброжелательный, тонкие губы закручены кончиками вверх — всегда готовы к улыбке. Несмотря на высокое ученое звание, Прохоров добряк, компанейский мужик. Уж это-то Селивестрову известно преотлично. Дважды, грешным делом, вместе «обмывали» успешную защиту отчета, на которой до хрипоты спорили, в столичном «Метрополе». Традиция. Ведь потом опять в поле, опять далеко от дома...

Оттого, что Прохоров сейчас здесь, напряжение постепенно спадает с Селивестрова.

Вообще майору жаловаться не на что. Из штаба фронта отправили его первым же самолетом. Как важную персону. Не успел остыть от удивления, как новый сюрприз — на столичном аэродроме встречает специальный представитель. Отвез прямехонько в гостиницу, поместил в шикарный «люкс». И в управлении кадров наркомата обороны тоже встретили радушно. Разъяснили, что направляется для дальнейшего прохождения службы в Главное управление военно-промышленного строительства, пожали на прощание руку...

— ...Таким образом, принято решение отозвать с фронта некоторых ведущих специалистов — укрепить геологоразведочную службу страны, — продолжает неторопливо говорить Кардаш. — Одновременно при нашем управлении решено создать несколько специальных воинских подразделений для выполнения особо важных задач. Одно из них должно в срочном порядке решить проблему водоснабжения Песчанского комбината. Командиром этого подразделения назначаетесь вы. Вопросы есть?

Селивестров не спешит высказаться. Чиркает наконец спичкой, вдыхает забытый аромат «Казбека».

— Не нравится слово «подразделение»? — улыбается генерал. — Что ж, можно назвать батальоном или еще как-то... По-войсковому.

— А-а... Не в наименовании дело, — морщится Селивестров и спрашивает в упор: — Скажите, почему выбор пал именно на меня?

— Рекомендованы государственным геологическим комитетом.

Селивестров оглядывается на Прохорова. Тот пожимает плечами.

— Что ж тут неясного? Ты долго работал в районах, примыкающих к Зауральской области. Можно сказать, монополист по тем краям. Никто из гидрогеологов не работал так близко к Песчанке, как ты.

— Хороша близость — двести километров, — усмехается Селивестров.

— Но геологические и гидрогеологические условия одинаковы! — продолжает недоумевать Прохоров. — Не понимаю, что тебя смущает?

— Просто хотел знать, почему именно я отозван с передовой.

— Теперь вы удовлетворены? — интересуется Кардаш.

— Да.

— Деловые вопросы есть?

— Есть. — Селивестров всем корпусом поворачивается к Прохорову.

— Почему местом строительства комбината избран именно песчанский участок? Ведь там до сих пор не производилась даже съемка. В гидрогеологическом отношении район совершенно не изучен! Это же нелепо — планировать обеспечение производства за счет подземных вод там, где их может не быть. Не вижу логики!

Генерал Кардаш глядит на майора с любопытством. Прохоров разводит руками и кивает Купревичу: ваше слово. Тот встает, подходит к столу, разворачивает карту.

— Это на первый взгляд нет логики, — простуженным тенорком начинает он. — Посмотрите сюда. В трех километрах от Песчанки еще с довоенного времени существует предприятие, производящее серную кислоту. Это раз. В самой Песчанке завод по производству аммиака. Это два. Глядите: железная дорога рядом, электроэнергия есть. Песчанка связана высоковольтными сетями с уральской энергосистемой. Мощные подстанции налицо. Месторождение угля поблизости. И главное — имеются все необходимые бытовые службы, есть большой излишек жилой площади...

Селивестров с интересом слушает молодого ученого. Купревич красив какой-то свежей, почти девичьей кра-

сотой. При среднем росте и плотном сложении он выглядит стройным, а иссиня-черные волнистые волосы, молочно-белое лицо, выразительные карие глаза и улыбчивые пухлые губы делают его очень молодым.

— Так где возводить эвакуированные заводы? В любом другом промышленном районе плохо с жильем, все помещения забиты, везде не хватает электроэнергии и топлива, — продолжает Купревич. — А люди и оборудование уже в вагонах! Где время строить новые дома, пекарни, бани, столовые? Где время и материалы на строительство дорог, линий электропередач, подстанций? Нет их. Согласны?

— Согласен, — невозмутимо произносит Селивестров.

— Ну и отлично! — ободряется Купревич. — Потому и была выбрана Песчанка. Выходит, есть логика?

— Логика есть. А вода? — с той же невозмутимостью спрашивает Селивестров.

Купревич колеблется, затем признается:

— Мне лично думается, что в эвакуационной спешке этот вопрос провентилировали недостаточно тщательно. Правда, говорить об этом уже поздно...

— Я тоже так считаю, — соглашается Прохоров и подходит к столу. — Но кое-что и в этом направлении сделано. — Его палец ползет по карте. — Смотри, Петр Христофорович. Река Песчанка зарегулирована полностью. И на ней, и на всех ее притоках построены плотины, созданы водохранилища. Следовательно, в весенний паводок за пределы района уйдет ровно столько воды, сколько необходимо селениям, расположенным ниже по течению.

— И все же? — Селивестров деловит и по-прежнему невозмутим.

— И все же воды не хватит.

— Каков дефицит?

— Как минимум, десять тысяч кубометров в сутки.

— Десять тысяч кубометров! — подтверджает Кардаш. — Десять миллионов литров. Это при условии, что подача воды на бытовые нужды будет строго лимитирована.

— Около ста двадцати литров в секунду, — уточняет Селивестров, и непонятно, значительной или ничтожной считает он эту цифру.

Купревич, Прохоров и Кардаш переглядываются.

— Так что задача перед тобой, Петр Христофорович, стоит трудная, — тихо произносит Прохоров. — Район закрытый, неизученный... К тому же начинать поиски придется заново, практически не имея опорной геологической документации.

— Но там же работает отряд Зауральского геологоуправления. Что-то у них все равно есть!

— В том-то и дело, что нет. Они пробурили около сорока мелких скважин и везде вскрыли соленую, непригодную к употреблению воду. Но и по этим скважинам документации нет.

— Как так? — Внешнее спокойствие с Селивестрова будто ветром сдувает, взлетают вверх жидкие брови.

— Так получилось. От сердечного приступа скончался начальник отряда Студеница. После его смерти никакой первичной геологической документации в сейфе не нашли...

— Что за чертовщина! — еще больше изумляется Селивестров.

— Да, странная история, — снова вступает в разговор Кардаш. — Ею сейчас занимается старший лейтенант Бурлацкий. Он назначен в ваше подразделение старшим гидрогеологом и уже выехал в Песчанку. Ему даны особые инструкции.

— Бурлацкий? — Селивестров трет кулаком переносицу. — Не припоминаю. Что, опытный специалист?

— Нет. По специальности работал всего два года. Потом был призван в органы... — поясняет Прохоров.

— Ага, чекист. Тогда все ясно, — уже без удивления говорит Селивестров. — Значит, он займется этой историей с документами?..

— Бурлацкий все объяснит вам на месте. Введет в курс дела обстоятельней, нежели это можем сделать мы, — чуть улыбается Кардаш. — Как видите, задача перед вами ставится, так сказать, с начинкой...

— Хороша начинка! — бурчит Селивестров. — Да ничего — переварим.

— Отлично, — с облегчением произносит Кардаш и многозначительно поглядывает на Купревича с Прохоровым — перед встречей с майором они, все трое, очень беспокоились, как он отнесется к заданию «с начинкой».

— Ну, кажется, все ясно! — Кончики бесцветных прохоровских губ обрадованно ползут вверх. — Теперь тебе,

Петр Христофорович, и карты в руки. Гидрогеологический отряд, что в Песчанке, полностью вливается в твое подразделение. Со всем своим хозяйством.

— Представляю себе это хозяйство! — скептически бросает майор.

— Да, приданое в самом деле не богатое, — подтверждает Кардаш. — Но вы не беспокойтесь. В ближайшие дни в Песчанку будет отгружено все самое лучшее, что мы можем в настоящее время дать. Поэтому вам придется задержаться в Москве. Юрий Александрович представит вас во всех соответствующих организациях. — Кардаш кивает на Купревича. — Он наделен чрезвычайными полномочиями. Так сказать, будет в Песчанке представителем Государственного Комитета Обороны. Поэтому в случае любых осложнений...

— Ну, об этом мы договоримся в рабочем порядке, — улыбается Купревич.

— Договоримся. — Селивестров тоже улыбается: симпатичный особоуполномоченный нравится ему.

— Тогда будем закругляться. — Кардаш весело прихлопывает обеими ладошками по столу. — План ясен. Вы с Юрием Александровичем решаете все дела с кадрами и техникой здесь, в Москве, а Крутоярцев с Гибадуллиным выезжают на место для формирования подразделения.

— Крутоярцев с Гибадуллиным? — ахает Селивестров.

— Да. Ах, вы еще не знаете... — спохватывается Кардаш. — Капитан Крутоярцев назначен вашим заместителем, а лейтенант Гибадуллин — помпотехом. Остальных специалистов Леонид Романович представит вам в ближайшие дни.

Селивестров оглядывается на Прохорова. В желтоватых глазках того пляшут веселые чертики. И майор догадывается: милейший доктор наук разыскал старые геологические отчеты, узнал, вместе с кем многие годы работал он, Селивестров. Любому ясно, что сработавшиеся специалисты успешнее выполнят поставленную задачу. Но все же... Разыскать давних друзей Селивестрова в военном шторме, разметавшем и перемешавшем миллионы человеческих судеб, — чего это стоило Прохорову!

А с Крутоярцевым и Гибадуллиным Селивестров в самом деле съел не один пуд соли. Добрый десяток лет вместе кочевали по Уралу, Западной Сибири, Северному Ка-

захстану. Селивестров начальником партии. Крутоярцев прорабом буровых работ, Гибадуллин главным механиком. Расстались в апреле 1941-го...

Оставшись один, Кардаш пододвигает к себе деловые бумаги, углубляется в чтение. Но читается плохо. Шум, доносящийся в кабинет из-за неплотно прикрытой двери, мешает генерал-майору. Он зажимает уши ладонями, но сосредоточиться все равно не может. Наконец не выдерживает. Встает, подходит к двери, с добрым лицом заглядывает через щель в приемную.

Там праздник. Огромный, как вставший на дыбы матерый медведь, Селивестров тискает приятелей. Капитан Крутоярцев худ, высок, его смуглое цыганское лицо растроганно кривится, он, сдается, готов вот-вот расплакаться, зато маленький, живой как ртуть, совсем не похожий на татарина рыжий, конопатый Гибадуллин заливается таким счастливым смехом, что Кардашу вдруг самому хочется засмеяться.

— Откуда же вы взялись, черти этакие? — зычно, взволнованно гудит Селивестров, не переставая тискать друзей.

— С Северо-Западного фронта, Петя, с Северо-Западного...

— А меня под Ростовом прямо из танка выдернули. Честное слово. Прямо из танка, — хохочет Гибадуллин.

Требовательно дребезжит телефон. Кардаш с сожалением прикрывает дверь. Подходит к столу, поднимает трубку. Вдруг вытягивается по стойке «смирно», слегка бледнеет.

— Генерал-майор Кардаш слушает! Да. Так точно. Только что беседовали. Впечатление? Отличное. Да. Говорить конкретно еще рано, но мне думается, Иосиф Виссарионович, что коллектив подбирается дельный. Будем форсировать. Мое мнение? Хм... Почему-то уверен: если в районе Песчанки действительно есть доброкачественная подземная вода, эти люди ее найдут. Конечно, будем помогать. До свидания.

6. НАЧИНАТЬ ПРИДЕТСЯ С НУЛЯ

Уже двое суток курьерский поезд мчал Купревича с Селивестровым на восток. Они завершили свои дела в

Москве и с каждым часом приближались к незнакомому зауральскому поселку с немудреным русским названием — Песчанка.

Отдыхать в столице было некогда. Пустовал селивестровский шикарный «люкс», лишь перед отъездом сумел еще раз заглянуть домой Купревич. Неотложные дела наплывали косяками, и решать их надо было быстро. Выручало одно — по неписаному закону с начала войны все центральные учреждения работали почти круглосуточно. Вот и мотались по столице Купревич с Селивестровым — добивали ночами то, что не успевали сделать днем.

Дубровин и Кардаш высоко оценили их оперативность. При прощании вручили билеты в международный вагон курьерского поезда. Пожалуй, в тот час ничто другое не обрадовало бы так, как перспектива трое суток с комфортом отсыпаться на мягких диванах в двухместном уютном купе.

— Ну, дам дрозда! — погрозился тогда Селивестров. — Пока бока до дыр не протру, не подымусь. За всю войну отосплюсь.

А вместо этого, вздремнув всего несколько часов, сидел безотрывно у окна. Смотрел, удивлялся, переживал — за восемь месяцев войны привык видеть если вагоны, то вверх колесами, если вокзал, то разрушенный, если эшелон, то только воинский; к давно знакомой, но позабытой, суетной мирной жизни тыловой железной дороги привыкал заново...

Купревичу тоже не спалось. За вагонным окном удивить его ничто не могло, поэтому он валялся на диване, просматривал деловые бумаги да косился на широченную спину навалившегося на столик Селивестрова.

Майор вызывал у Купревича сложную мешанину чувств. Были тут и острое любопытство, и открытое уважение, и упорно зреющая симпатия, и еще что-то такое, чего он сам понять не мог: что-то похожее на зависть. Увидев впервые Селивестрова, Купревич сначала немного удивился — уж слишком громоздок был майор, уж слишком мало интеллигентного было в его широкоскулом, обветренном, кирпично-красном, почти безбровом лице. Впрочем, через некоторое время Купревич отметил себе: «А этот медведь не дурак. Знает, что к чему!» Но главные впечатления пришли позже, когда они бок о бок

«проталкивали» в Москве дела, связанные с проблемами Песчанского химкомбината.

Вот только тут и увидел Купревич настоящего Селивестрова. Здоровенный немногословный увалень с майорскими «шпалами» на петлицах превратился вдруг в пробивного, до чрезвычайности упрямого и всезнающего специалиста. Не Купревич Селивестрова, а как раз наоборот, Селивестров таскал Купревича по всем столичным инстанциям, разъяснял: где, кто и чем ведает, у кого надо выбивать то, у кого это...

Вызревший в соку вальяжных академических нравов, Купревич и дела вел в соответствующем духе: корректно, с достоинством.

Селивестров действовал иначе. Шел напролом. В первый же день сочинил письмо-отношение, в котором в общих чертах сообщалось о государственной важности быстрейшего ввода в строй химкомбината «П» (он так и обозначил: «П» — и ничем больше, на все остальное намекали жирнющие кавычки), размножил это письмо на официальных бланках управления и под грифом «секретно» разослал фельдсвязью во все семнадцать ведомств, с которыми ему предстояло иметь дело. Вдобавок к этому, собственноручно, толстыми своими пальцами, отстукал на машинке для себя такой грозный мандат, какого, пожалуй, не имели чрезвычайнейшие представители Верховного Главнокомандования.

Когда невозмутимый майор принес всю эту кипу бумаг для официального подписания, то даже видавший виды Кардаш крякнул.

— Это что... проект или окончательно? — произнес генерал после долгого молчания.

— Окончательно! — отрубил Селивестров, и Купревич увидел, как упрямо метнулись на его скулах желваки.

— Тэк-с... — Кардаш подвинул Купревичу мандат и одно из писем.

Тот прочел их, пожал плечами. Таких официальных документов ему встречать не приходилось. Купревич ждал, что генерал тотчас укажет на то, что подобные письма рассылать не принято, что столь грозных мандатов ни он, генерал-майор Кардаш, ни кто-либо другой выдавать не имеют права, что вся эта затея необычна, наивна.

Но произошло неожиданное.

— Тэк-с... — Кардаш чему-то хитро улыбнулся. — Что ж, если вариант окончательный, то надо подписывать...

Удивился Купревич Кардашу, но еще больше изумил его Селивестров. В широкой улыбке растянулись потрескавшиеся, обдутые зимними фронтовыми ветрами губы, дружелюбием засветились озерно-голубые глаза. Только что грозно возвышался над столом помрачневший человечище с пронзительным пулевым взглядом и вдруг трансформировался в светлоглазого, добродушнейшего рубаху-парня...

— Заметьте, Юрий Александрович, — сказал Кардаш внушительно, когда майор покинул кабинет. — Этот Селивестров — личность. Да, да. Прохоров знал, кого рекомендовал...

Несмотря на столь лестный отзыв многоопытного генерала, в первый совместный официальный визит отправился Купревич с большой неохотой. Не давала ему покоя селивестровская затея с письмами и грозным мандатом. Опасения оказались напрасными. Майор знал, что делал.

Селивестров не отирался в приемных, не одаривал неумолимых секретарей и адъютантов просящими улыбками. Прибыв в очередное учреждение, прямым ходом отправлялся к начальнику спецчасти. Предъявлял свой мандат, интересовался: получен ли документ относительно объекта «П». Услышав утвердительный ответ, просил спецработника захватить с собой вышеозначенное письмо и пройти вместе с ним, с Селивестровым, к руководителю учреждения. И далее все происходило с поражающей Купревича схожестью. Даже самые вышколенные секретари пасовали перед внезапно появлявшимся в приемной военным, которого сопровождал озадаченный начальник спецчасти. Купревичу оставалось лишь поспешать, когда майор бросал через плечо:

— Юрий Александрович, не отставайте.

Попав в кабинет, майор всегда добивался нужного конкретного решения.

Лишь однажды произошла осечка. Нашла коса на камень. Нарвался майор на такого же упрямого и неуступчивого человека, каким был сам, — на генерал-лейтенанта технической службы, который руководил комплектованием артиллерийских соединений большой мощности. Управление, которым руководил генерал, должно было

выделить из своего резерва тракторы для строителей Песчанского химкомбината. Из них четыре трактора предназначались для подразделения Селивестрова.

— Хм... — Генерал расстроился, прочитав врученный Купревичем документ. — Час от часу не легче... Получите тракторы на ремзаводе. С капитального ремонта.

— Хорошо, — обрадовался Купревич, приготовившийся к очередному препирательству.

— Приемлемо, — подтвердил Селивестров. — Для строителей. У них есть механические мастерские. А нам давайте четыре новых. Нам работать в чистом поле, никакой ремонтной базы нет и не будет.

— На фронте вся военная техника эксплуатируется в полевых условиях! — отрубил генерал. — Без льгот.

— Но мы не можем рисковать. Задание, полученное подразделением, чрезвычайно важно. Дайте новые машины.

— Нет новых тракторов. Получайте отремонтированные. И за те скажите спасибо.

— Нам отлично известно качество ремонта. Бывают такие машины, что начинают разваливаться уже у ворот завода.

— Получите с капремонта.

— Мы не можем рисковать. Времени на непредвиденные простои у нас нет. Задание важное и архисрочное.

— На фронте задания не менее важные.

— Но в артчастях есть полевые мастерские, а у меня их нет.

— Получите, с капремонта. Все. До свидания.

— Нет, прощаться рано. Я прошу вас выслушать меня подробнее.

— У меня нет времени. Новых тракторов тоже нет. До свидания.

— Есть!

Генерал с изумлением вскинул крупную седую голову. Сурово поджал губы, нажал кнопку звонка, приказал тотчас появившемуся адъютанту:

— Проводите.

— Хорошо! — Селивестров вскочил, забыв о субординации. — Я позволю проводить себя отсюда. Но прошу запомнить: я приходил сюда не вареники себе выпрашивать. Второй раз я сюда не вернусь, если даже пригласите! — Голос майора стал глуше от трудно сдерживаемой

ярости. — Вы не желаете разобраться в моем деле... Хорошо! Пусть разберутся другие. Я сегодня же буду писать рапорт на имя самого Верховного Главнокомандующего и добьюсь, чтобы этот рапорт попал к нему на стол. Добьюсь. Даю вам честное слово! А бюрократам сейчас здесь не место.

Уже внизу, у самой выходной двери, Селивестрова с Купревичем догнал запыхавшийся адъютант:

— Товарищ майор! Прошу вернуться — получите распоряжение на отгрузку новых тракторов.

— Пришлите распоряжение в Совет по разработке химических проблем, — процедил сквозь зубы Селивестров и непримиримо потряс в воздухе кулачищем. — А рапорт я все равно напишу

И написал.

Поезд прибыл на станцию Песчанку днем. С юной веселостью в бездонном голубом небе плавился ослепительный диск весеннего солнца. Синеватый парок струился над обтаявшими досками небольшого дощатого перрона. Доливали последние безгорестные слезы редкие сосульки, уцелевшие на северных углах крыши старинного низенького вокзальчика.

Едва Купревич и Селивестров вышли из вагона, как им навстречу двинулась группа военных. Первым подбежал Крутоярцев:

— С приездом, товарищ майор!

Селивестров протянул руку, но между ним, Купревичем и капитаном появился юркий худенький человечек в штатском.

— Вы Купревич?

— Да, — отозвался Купревич.

— Очень рад, очень приятно, — осклабился человечек в приветливой улыбке. — С приездом! Товарищ Батышев лично приехал вас встретить. — И оглянулся на полнолицого невысокого мужчину в кожаном пальто, стоявшего в конце перрона.

Мужчина подошел, пожал Купревичу руку:

— С приездом, Юрий Александрович. Давно поджидаю. Машина за вокзалом. — И радушно подхватил гостя под руку.

То, что директор химкомбината решил сам встретить

его, не удивило Купревича. Неприятно покоробило лишь то обстоятельство, что Батышев не только не поздоровался с Селивестровым, но даже не захотел его заметить. Уходя вслед за директором, Купревич виновато оглянулся. Селивестров вроде бы не обратил внимания ни на самого Батышева, ни на его высокомерие — обрадованно здоровался с товарищами, сипло бася на весь перрон:

— Ну, как тут у вас?

Среди военных, окруживших майора, Купревич вдруг увидел того самого молодого человека, который разглядывал его на совещании. Только теперь на нем была отлично подогнанная новенькая шинель с тремя кубиками на петлицах.

«Вот оно что, — догадался Купревич. — Старший лейтенант госбезопасности Бурлацкий!»

Бурлацкий кивнул Купревичу, как хорошему знакомому. Купревич кивнул ответно.

Прямо с перрона Селивестров отправился на разгрузочную площадку. Широко шагая по железнодорожным путям, он рассеянно слушал Крутоярцева с Гибадуллиным, докладывавших о ходе формирования подразделения, о количестве прибывших специалистов и полученной техники, а сам гадал, что скажет ему молоденький старший лейтенант, с которым он только что познакомился. Но Бурлацкий не вмешивался в беседу. Он шел сбоку, курил сигарету и лишь изредка кивал, как бы подтверждая достоверность всего сказанного. Селивестрову это понравилось.

Ни слова не произнес старший лейтенант и на товарном дворе, пока майор осматривал прибывшую технику, знакомился с механизаторами и буровиками, грузившими на тракторные сани обсадные трубы. И это опять-таки понравилось Селивестрову. В том сложном деле, которое им выпало решить, Бурлацкому предстояло сыграть немаловажную роль. Потому скромная манера держаться, умение, когда нужно, помолчать, неприметная внешность — все это было весьма кстати.

Только поздно вечером Селивестров с Бурлацким оказались наедине. Они сидели в небольшой комнатке офицерского общежития. Две застланные койки, два табурета, стол — здесь им предстояло жить.

— Надеюсь, не особенно сердитесь, что навязал вам свое общество? — поинтересовался Бурлацкий. — Решил, что это в интересах дела. Не надо лишний раз искать повода, чтобы остаться наедине.

— Разумно сделали, — одобрил майор. — Ну, хвалитесь новостями.

— Собственно, хвалиться нечем. Проза. Проверяю очевидные факты.

— Что же все-таки произошло с этим Студеницей?

Пока Бурлацкий рассказывал об обстоятельствах смерти начальника отряда, Селивестров внимательно слушал, бросал на собеседника быстрые изучающие взгляды. Майору все еще не верилось, что к самой смерти Студеницы и к исчезновению геологической документации может иметь отношение вражеская агентура. Думалось, молодой чекист должен вот-вот встать, виновато развести руками и сказать: «Дурацкое совпадение получилось. Нашлись документы. Напрасно подняли тревогу...» Но старший лейтенант говорил другое, и Селивестров вдруг ясно ощутил, как непрочна и обманчива мирная видимость глубокого тыла, в которую он поверил было, просидев почти трое суток у вагонного окна.

— Та-ак... Значит, документы все же не нашлись, — задумчиво произнес он, когда Бурлацкий закончил рассказывать.

— Пока не нашлись. Между прочим, следов взлома на двери или сейфе не обнаружено.

— Так... Что, женат этот Студеница, стар, молод?

— Вдовец. Недавно исполнилось сорок. Говорят, человек был со странностями. Почему-то постоянно опасался воров. Домашних.

— Почему?

— Пока не ясно. В Зауральске проживает его сестра. Планирую завтра заехать к ней.

— Завтра? Завтра и я еду в Зауральск. Надо побывать в геологическом управлении.

— Вот и отлично. Значит, заедем к сестре Студеницы вместе, — обрадовался Бурлацкий. — Вдвоем — это менее настораживает. Если я везде буду появляться в одиночку, то это может броситься в глаза!

Селивестров понимающе кивнул.

— Кстати, не мешает побывать и в тресте «Мелиоводстрой». Этот трест во время оно проводил в районе Пес-

чанки неудачные поиски подземных вод. Студеница опирался на их материалы при составлении проекта работ.

— Любопытная деталь. Обязательно побываем, — согласился майор и поинтересовался: — Не забыли гидрогеологию, не тянет назад?

— Тянет, — неожиданно очень искренне вздохнул Бурлацкий. — Я хоть и недолго проработал самостоятельно, но зато очень удачно.

— Кем, где?

— Начальником отряда. В Забайкалье. И теперь нет-нет да вспомню. Тянет. Это ведь как стойкий яд — заражаешься на всю жизнь.

— Действительно стойкий яд, — опять согласился Селивестров. Ему, кадровому геологоразведчику, пришлось по душе признание молодого человека. — Специальность стоящая у нас. Значит, не забыли?

— Нет.

— Что ж, представляется возможность тряхнуть стариной. Причем в интересной ситуации — начинать-то придется, как у нас говорится, с нуля!

— Да, начинать придется с нуля, — подтвердил Бурлацкий.

7. КТО ВТОРОЙ?

Приехав в Зауральск, Селивестров с Бурлацким прежде всего направились к начальнику геологического управления Рыбникову. Рыбников оказался звонкоголосым, общительным молодым человеком спортивного сложения. Гостей встретил радушно. Ознакомил со всеми документами по Песчанскому отряду, сохранившимися в управлении после смерти Студеницы.

— Так, — произнес обычное свое Селивестров, полистав тонюсенький томик проекта, переплетенный грубым картоном. — Не щедрое наследство. Геологической части практически нет. Типовой региональный разрез со ссылкой на несколько древних мелиоводстроевских скважин... И все?

— Да. — Рыбников развел сильные руки. — Студеница был неважным проектантом, его амплуа — производство. Впрочем, на его месте любой другой специалист не высосал бы ничего более существенного из трестовских материалов. Бурили-то в начале тридцатых годов. Доку-

ментировали кое-как! Сами знаете, как это бывало в подрядных организациях, буривших по договорам артезианские скважины для колхозов...

— Знаю, — сказал Селивестров. — И что, никаких записей после Студеницы не осталось?

— Нет, к сожалению. Он имел привычку, получив отпечатанный на машинке текст, уничтожать черновики. Стеснялся. Каллиграфия у него была... — И Рыбников покачал головой. — Обычно он диктовал. Редким почерком обладал человек. Нарочно не придумаешь. Никто читать его не мог!

— Помощников у Студеницы не было, материал для проекта он собирал один? — поинтересовался Бурлацкий.

— Один. Гидрогеологов в управлении раз, два — и обчелся!

— Это точно?

— Один. Можете проверить по книге приказов. У нас так плохи дела со специалистами, что мы лишь месяц назад смогли послать в помощь Студенице старшего коллектора. Зубов. Переведен в ваше подразделение. Вы должны его знать.

— Знаем, — кивнул Бурлацкий. — Значит, инженерно-технических работников больше в отряде не имелось?

— Не имелось. Старшие буровые мастера были командированы в Песчанку, когда проект был составлен и утвержден.

— Понятно.

Маленький деревянный домишко, принадлежавший Студенице, ютился на самой окраине Зауральска. Сестра его оказалась высокой сухопарой женщиной лет пятидесяти пяти, с узким желтым лицом и небольшими, недоверчивыми глазами.

— Из управления? — с сомнением произнесла она. — Какие еще бумаги?.. У меня уже была милиция. Тоже искали чего-то. Не нашли. Никаких бумаг Ефим дома не держал. И привычки не имел.

— Нам уже говорили, — очень искренне огорчился Бурлацкий. — Но все-таки, может, что-нибудь осталось? Мы оба после госпиталя, а теперь вместо Ефима Нилыча работать назначены...

— Что, на войне ранены были? — Тем же тоном спросила женщина, продолжая подозрительно разглядывать одетых в гражданское нежданных гостей.

— А то где же? — вдруг густо и сердито пробасил Селивестров — ему надоело стоять в дурацкой позе у калитки.

В бледно-желтом лице хозяйки дома что-то дрогнуло, она еще раз оглядела мужчин с ног до головы, задержала взгляд на галифе, видневшихся под черными полушубками, неуверенно пригласила:

— Коли так... Проходите тогда...

Селивестров с Бурлацким последовали за ней.

Предложив гостям стулья, сестра Студеницы уже более мягким голосом пожаловалась:

— У меня единственный сын тоже с первого месяца войны в армии. Раньше редко писал, а нынче уже целый месяц ни строчки... Вдруг что-нибудь...

— Ну, сейчас на фронте затишье, — заверил Бурлацкий. — Как раз за последний месяц крупных операций нигде не было. Так что не волнуйтесь, Марфа Ниловна.

— Какой номер полевой почты? — спросил Селивестров.

Хозяйка назвала.

— Так... — Майор потер переносицу кулаком, оживился. — Кажется, не ошибаюсь. Наш номер. Северо-Западного фронта.

— Северо-Западного! — всплеснула руками Марфа Ниловна. — Валя писал, что по пути на фронт в Рыбинск к невесте заезжал. Где этот Рыбинск? Там холодно?

— Не очень, — усмехнулся Селивестров. — Не холоднее ваших мест.

— И спокойно там? Боев нет?

— Бои нынче везде есть. В том числе и на Северо-Западном. Но если по дурости пуле голову не подставил — жив ваш сынок. Я недавно оттуда, — успокоил женщину Селивестров.

— Жив, говорите... Дай-то бог! — вздохнула Марфа Ниловна и спохватилась, хлопнула себя по бедрам. — Господи! Да что же это я... Поди, есть хотите... Угощать нечем. Картошка, капуста квашеная да чай... Чайку желаете? Без сахару, правда...

— Чай? Это здорово! — быстро поддержал ее Бурлацкий. — В самый раз. А мы с Петром Христофоровичем

горевали, что обедать всухомятку придется. Я сейчас. У нас в машине и сахарок найдется!

За чаем разговор наладился. Правда, майору со старшим лейтенантом пришлось набраться терпения и выслушать длинный рассказ Марфы Ниловны о том, как она стала вдовой, как растила сына, как выучила его на инженера и как он вдруг ни с того ни с сего влюбился в некую рыбинскую девушку Женю, этакую «кралю без высшего образования — каким-то диспетчером в электрике работает».

— Ведь не отпускала! Нет, все же ушел добровольцем... Никто не гнал, — расплакалась в заключение Марфа Ниловна. — Ефима просила хоть словечко замолвить — вместо отца Валечке-то был, — так как в рот воды набрал... Будто у него племянников мильон...

— И долго вы вместе с Ефимом Нилычем жили? — воспользовался паузой Бурлацкий.

— Как же... Как овдовела я, так напополам этот дом и купили. Пятнадцать годов без малого. Ефим как раз институт кончил...

И опять последовал длинный рассказ о том, как хорошо они жили, пока брат не женился на «вертихвостке Болдыревой», работавшей у него в подчинении. Далее Селивестров с Бурлацким узнали, что Ефим любил жену, что он не верил предупреждениям сестры, называл их сплетнями и, что хуже всего, после смерти Болдыревой (она утонула в 1939 году) «порядочной» жены искать себе не стал, а начал «заглядывать в рюмку», хотя у него шалило сердце, хотя она, Марфа Ниловна, предупреждала о последствиях...

— А все эта Болдырева! — резюмировала Марфа Ниловна. — В недобрый час навязалась на Ефимову шею. Поздно ее бог прибрал! — И мстительно поджала блеклые губы.

Селивестров, глядя на хозяйку, подумал, что у нее, несмотря на все сегодняшнее гостеприимство, очевидно, сатанинский характер и что Студенице с женой жизнь в этом доме была далеко не райской.

— Говорят, Ефим Нилыч постоянно боялся воров, — снова воспользовался паузой Бурлацкий. — Это возникло у него на почве алкоголя?

— Ну да... алкоголя... — сердито фыркнула Марфа Ниловна. — Я его выучила. Полоротый больно был. То в

карман к нему залезут, то в поезде вещи стянут, а то сам не припомнит, куда деньги подевает... Что вертихвостка его, что он — два сапога пара... Проучила несколько раз — оглядчивей стал.

— Та-ак...

— Как один Ефим-то остался, я ему сказала, чтобы деньги мне отдавал. Потому — у меня целее. Все равно промотает. Он на меня волком. Нынче ведь известно, как братья старших сестер почитают... Ну, да у меня не больно нахитришь! Я где угодно найду...

«Видно, хороша язва, — мрачно подумал Селивестров, у которого давно пропала всякая охота к чаю и бутербродам с салом, которые они с Бурлацким взяли в дорогу. — Такая проныра любого сторожиться научит...»

— А я думал, от алкоголя... — Простодушная улыбка все-таки получилась у Бурлацкого. — Он что, и вещи все с собой возил?

— А-а... Какие у него вещи! — отмахнулась Марфа Ниловна, настораживаясь. — Известно, геолог — бродяга!

— Та-а-а-к... — промычал Селивестров.

— Что, не верите? — Глаза у хозяйки блеснули. — Могу имущество показать. Комната его рядом. Я туда после похорон и шагу не шагивала...

В небольшой, простенько обставленной комнатушке было чисто и опрятно. Селивестров незаметно провел пальцем по протертому подоконнику, поглядел на свежевымытый пол и подумал, что хозяйка почему-то их обманывает.

— Вот полюбуйтесь! — Марфа Ниловна распахнула дверки массивного старинного шифоньера, в котором висел черный выгоревший пиджак и несколько старых вылинявших сорочек. — Все его богатство! Что подобрее, и с себя, и с жены, — пропил!

«Сама ты сволочь хорошая!» — подумал Селивестров, переглянувшись с Бурлацким. Они оба отлично знали, как много нужно пьянствовать одинокому полевику-геологу, чтобы пропивать не только свою немалую зарплату, но и вещи, знали и то, что покойный работяга Студеница никогда не был пьяницей.

— Он занимался за этим столом? — Бурлацкий похлопал по шероховатой поверхности небольшого письменного стола, который, судя по всему, был и обеденным, и хозяйственным.

— За ним! — Марфа Ниловна с видимым облегчением захлопнула дверки шифоньера, подошла к столу, стала один за другим выдвигать полупустые ящики. — Ничего тута нету. Смотрели уже, приезжали...

Бурлацкий с Селивестровым принялись рассматривать валявшиеся в ящиках бумаги. Копии старых накладных, полузаполненные бланки и отчетные формы за прошлые годы, измятые географические карты, потрепанные блокноты...

— Так... Действительно... — Селивестров отложил в сторону несколько блокнотов, тонкую ученическую тетрадку, кусок мятой кальки, на которой зеленой тушью был набросан какой-то план с упоминанием Песчанки. — Вот это я все-таки возьму, — сказал он Марфе Ниловне. — Тут записи за последнее полугодие.

— И больше ничего нигде? — еще раз спросил Бурлацкий, уже ясно осознавший, что все в этой комнате тщательно обшарено предприимчивой хозяйкой — и ненужное (с ее точки зрения) выброшено.

— Все здеся, — сердито ответила Марфа Ниловна, утратившая остатки любезности, — в кладовке еще спецовка его да шмутки, что из Песчанки привезли... Нательное белье грязное и всякое такое... Можете полюбоваться, ежели охота есть. — И недобро поджала губы. — Мой Валька-то в дяде души не чаял, выше родной матери ставил... Прописала в письме, какое наследство дядя ему оставил. Срам смотреть. Пятнадцать лет в начальниках ходил... Тьфу!

Селивестров с Бурлацким покинули дом с тяжелым чувством на душе.

В тресте «Мелиоводстрой» настроение у майора и старшего лейтенанта не улучшилось.

— Не пугайтесь, — сказала им Анна Львовна, главный геолог треста, белоголовая изящная старушка, дымившая огромной махорочной самокруткой, — нас три раза переселяли с места на место. А теперь трест ликвидируется вообще. Некому и нечем работать.

— Та-ак... — прогудел Селивестров, озираясь.

Обширная запыленная комната была сплошь заставлена шкафами, сейфами, ящиками с бумагами, папками и прочим канцелярским добром. Лишь у одного из окон

стояло три стола, за которыми занималась ликвидационная комиссия.

— М-да... — безнадежным голосом поддакнул Бурлацкий, но все же подал старушке-геологине письмо, подписанное Рыбниковым.

— Материалы по Песчанке? — Старушка наморщила лоб. — Подождите! Месяцев пять назад представители управления уже снимали копии колонок.

— Да, — подтвердил Бурлацкий, — но они затерялись. Нам хотелось ознакомиться с вашими материалами еще раз. Что, это теперь невозможно?

— Почему? За кого вы нас принимаете! — с достоинством вскинула белоснежную голову главный геолог. — Несмотря ни на что, фондовые материалы и картотеки в надлежащем порядке. Мы передадим их отделу фондов геологоуправления в целости и сохранности. — Она встала, быстрыми шажками подошла к одному из емких шкафов, открыла его.

Бурлацкий с Селивестровым увидели полки, на которых в идеальном порядке тесными рядами стояли пронумерованные папки.

— Посмотрим... — Главный геолог порылась в одном из ящиков, извлекла объемистый реестр, полистала. — Тысяча сто тридцать шесть. Пэ... пэ... Песчанка. Ага... Правильно. — Положив реестр на место, достала из шкафа нужную папку, протянула Бурлацкому.— Пожалуйста, эти материалы не секретные.

Бурлацкий развязал тряпичные тесемки, открыл... и с изумлением оглянулся на Селивестрова. Майор озадаченно почесал кулаком переносицу. Папка была пуста. Лишь на тыльной стороне красовалась аккуратная этикетка: «Песчанский район Зауральской области».

Почувствовав неладное, старушка заглянула через плечо Бурлацкого в папку. В умных выцветших глазах мелькнула растерянность.

— Боже мой... Что это?..

— Возможно, в спешке геологические колонки положили в другую папку?.. — предположил Селивестров.

— Когда дело касается документов, я никогда не спешу! — сухо отрезала главный геолог. — Я сама проверяла в декабре все папки.

— Может быть, Студеница забыл вернуть вам материалы? — сделал еще одно предположение Селивестров.

— Полноте! Я отлично помню, что положила синьки с разрезами на место. — Анна Львовна быстро отошла от стола и, безошибочно ориентируясь в хаосе, царящем в комнате, взяла из какого-то ящика пухлую папку.

Вернулась, недолго порылась в подшивке документов, вздохнула, как бы огорчаясь своей цепкой памяти.

— Вот...

Селивестров с Бурлацким увидели почти такое же — какое сами привезли — письмо геологоуправления за подписью Рыбникова.

— Вот... — Главный геолог показала надписи, сделанные на обратной стороне бумажки.

«Геологические колонки в кол-ве семи штук получил...» — и следовала закорючка.

— Студеница, — расшифровал Бурлацкий.

Ниже следовала четкая запись: «Колонки в кол. семи шт. возвращены...» — и изящная подпись.

— Вот... — повторила Анна Львовна. — Я сама приняла документы. Это были последние посетители. После них к нам за материалами уже никто не обращался.

— Почему посетители? Студеница, кажется, был один, — осторожно заметил Бурлацкий и наступил Селивестрову на носок сапога.

— Почему один?.. Их было двое. Оба в черных полушубках. Вот в таких же, как на вас...

— Наверное, Студеница брал кого-нибудь себе в помощь, почерк-то у него... — небрежно согласился Бурлацкий и обратился к майору: — Кто бы это мог быть? Может, и копии геологических колонок у него? — И уже к старушке-геологине: — Каков он из себя?

Та пожала плечами, потерла виски.

— Одного я хорошо запомнила. Высокий, лысеющий. Лицо заметное: худое, узкое, горбоносое. Несколько болезненное, я бы сказала...

— Студеница, — сказал Бурлацкий. — А второй?

— Вот второго не припомню... — Как бы удивляясь себе, Анна Львовна развела слабые руки. — Тоже в полушубке. А больше ничего как-то не припоминается. Знаете, бывают такие... размытые, что ли, лица. Ничего характерного, индивидуального...

— Жаль, — огорчился Бурлацкий.

— А может, все-таки Студеница был один? Может, спутали с кем-нибудь?.. — не сдержался Селивестров: как-

никак из рук уплывал единственный шанс ухватить первую ниточку истины.

Бурлацкий снова нажал на носок селивестровского сапога.

— Спутала? Мне не с кем путать, — уязвленно сказала Анна Львовна. — Повторяю: это были последние наши посетители такого рода. Я — геолог, я не могу этого не помнить.

— Да нет, Петр Христофорович, — вмешался Бурлацкий. — Мы просто не в курсе дела. Студеница в таких случаях всегда брал себе помощника с более подходящим почерком.

— Да, да! — вскинула седую голову Анна Львовна. — Действительно, писал тот, которого трудно вспомнить... Второй. Но я отлично помню — он курил весьма ароматные сигареты. Дивные сигареты по нынешним временам. Возможно, какие-нибудь зарубежные или трофейные... Я заядлая курильщица, — старушка смущенно улыбнулась, — так что меня сильно подмывало попросить хоть одну. Но я постеснялась.

Очутившись вновь в автомашине, майор со старшим лейтенантом многозначительно переглянулись, помолчали.

— Двое, — произнес наконец Селивестров. — Кто же второй?

— Икс! — откликнулся Бурлацкий. — Но, по крайней мере, появился хоть один неизвестный в нашей задачке...

— Вот что, — вдруг решил Селивестров, взглянув на часы, — нам к ночи надо быть в Песчанке... Так что не будем терять времени. Гони к главному почтамту.

В будке телефона-автомата двоим крупнотелым мужчинам, облаченным в полушубки, было тесно, но Селивестров с Бурлацким все же втиснулись в нее. Замерли, дожидаясь ответа Рыбникова.

— Понимаю, — сказал тот. — Хотя это маловероятно. Вы удачно позвонили. У меня как раз совещание. Собрались все руководящие работники управления. Сейчас я наведу точные справки.

— Но надо найти такую форму вопроса, чтобы эти ваши работники не знали... — начал было объяснять Селивестров.

— Я все понимаю, Петр Христофорович, — не дослу-

шав, сказал Рыбников. — Абсолютно все. Не кладите трубку, сейчас я спрошу...

— Закурим, товарищ майор, — предложил напряженно прислушивавшийся Бурлацкий.

И они закурили, забыв, что находятся в помещении, забыв об очереди, выстроившейся возле будки.

Наконец в трубке кашлянуло.

— Вы напрасно надеялись, — сказал Рыбников. — Студеница действительно просил кого-нибудь себе в помощь, но у нас не было ни одного свободного человека. Главный геолог отказал ему. Так что расспросить помощника не представляется возможным. Студеница работал с проектом один.

Селивестров с Бурлацким поняли, что «напрасно надеялись» и «расспросить» — предназначались для участников совещания.

— Что же теперь намерен делать? — спросил Селивестров, когда они снова очутились на вечерней улице.

— Трудный вопрос, — помолчав, признался Бурлацкий. — Надо посоветоваться с товарищами из местного областного управления. Они сейчас принимают меры, чтобы исключить возможность диверсии на самом химкомбинате, а гидрогеология целиком поручена мне.

8. ПРОСВЕТА НЕ ВИДНО

Юркий «виллис», натужно ревя двигателем, не ползет, а плывет по раскисшей ухабистой дороге. Шофер, тихо ругаясь, яростно крутит баранку — старается вести машину так, чтобы не разбудить уставшего майора. Но Селивестров не спит. Он просто закрыл глаза и думает.

Больше недели кружит он по Песчанскому району, и причин для трудных раздумий становится больше и больше. С каждым лишним километром проделанного пути майору очевидней — надо избирать новое направление геологических поисков. За последние дни объездил Селивестров участки, где бурил отряд Студеницы. Ваня Зубов точно указал на местности все пробуренные скважины. Побывал майор и почти во всех сельсоветах, расспрашивал: где берут щебень и бутовый камень для строительства, не бурил ли кто-нибудь когда-нибудь в их местах, интересовался колодцами, отбирал из них пробы

воды. И чем глубже вникал Селивестров в обстановку, тем мрачнее становилось у него лицо.

Все плохо складывается для Селивестрова. Нет выхода на поверхность скальных пород. Завозят строительные материалы в Песчанский район издалека. Все колодцы прорыты в глинах и песках. Воды в них очень мало, да и та солоновата на вкус.

Студеница заложил скважины грамотно. В разных местах и на разные водоносные горизонты. Нет точных разрезов, зато удалось получить в городских лабораториях — куда отправлял он пробы — копии анализов воды. Отрадного мало. По всей исследованной площади и на всех вскрытых скважинами глубинах результат один: подземные воды высокоминерализованные, к использованию не пригодны.

Теперь майору ясно: в районе Песчанки пресную воду искать почти бесполезно. Сложен район древними морскими осадочными отложениями: сверху глины, потом пески, прослойки глин, опять пески... И вода на всех горизонтах горько-соленая. Знакома Селивестрову эта простирающаяся на тысячи квадратных километров толща меловых песков. До войны пришлось вести длительные исследования в таких породах.

С воем скребется «виллис» по весенней грязи, переваливается, как шлюпка на крупной волне, с боку на бок. Закрыв глаза, думает Селивестров, мучается. Как ни крути, а главное решение принимать ему. Сколь ни мощна толща песчано-глинистых отложений, подстилают ее коренные скальные породы, из которых сложена так называемая Уральская горная страна. Как бы спрятался, нырнул древний Урал под эти более молодые отложения. На какой глубине в районе Песчанки находятся эти скальные породы, называемые местными геологами доюрским фундаментом? Неровен этот «фундамент». Может находиться на глубине ста метров, трехсот, пятисот, тысячи... В трещиноватых скальных породах может оказаться пресная вода. Сколько же до этих пород?

Обещали Селивестрову в ближайшее время прислать несколько сейсморазведочных станций, с помощью которых можно определить глубину залегания доюрского фундамента. Но станций этих пока нет, а время не ждет. Поэтому заложил майор две структурных скважины в районе Песчанки. Приказал Крутоярцеву с Гибадуллиным

срочно смонтировать две вышки, рассчитанные на проектную глубину в шестьсот метров. А что это даст? Шестьсот метров — не шутка. В нынешних условиях — не менее трех месяцев работы. Пусть вскроют буровики доюрский фундамент, пусть породы окажутся трещиноватыми, пусть обнаружатся пресные воды. Сколько же скважин потребуется бурить (и на какой площади?), чтобы дать комбинату и поселку нужное количество воды? Поэтому не очень надеется Селивестров на буровые вышки, к которым упорно пробирается «вездеходик».

Нет, эти скважины не помогут быстрому решению проблемы. Решение где-то в другом направлении. Перед мысленным взором Селивестрова проплывает геологическая карта района. Сплошная однотонная желтая полоса. Везде мощные толщи обводненных меловых песков, укрывшихся рубашкой поверхностных глин. Лишь на западе, далеко-далеко от Песчанки, пестроцветный веер Уральской горной страны. Далеко. Водопровод оттуда тянуть не станешь. А почему не станешь? Снова и снова в прижмуренных глазах плывет сетка координат, снова мысленный взор тянется к веселой уральской раскраске. Абсурдная идея. Селивестров даже дергает плечами. На реализацию такого плана нужны годы...

— К геофизикам завернем, товарищ майор? — негромко спрашивает шофер, надеясь втайне, что командир не проснется.

— Заворачивай. — Селивестров открывает глаза. Проехать мимо он не может, не в его правилах.

Геофизиков немного — небольшой отряд. Ведя поиски методом электроразведки, они пытаются нащупать доброкачественную воду. Пресные воды обладают меньшей электропроводимостью, нежели воды минерализованные. Путем сопоставления показаний приборов можно определить разность минерализации подземных вод. Правда, приборы несовершенны, методы интерпретации — тоже, но Селивестров решил не отказываться от лишнего шанса, хотя на успех надеется мало.

В палатке геофизиков он долго не задерживается. Выслушивает доклад командира группы, заглядывает через головы вычислителей на однообразные близнецы-графики и устало усмехается:

— Как под копирку...

— Да, — огорченно подтверждает старший геофизик. — Такой регион. Работать скучно.

Записав в блокнот первоочередные отрядные нужды, Селивестров прощается с бойцами и едет дальше.

На первой структурной скважине майор задерживается еще меньше. Похвалив уставшего Крутоярцева за быстрое завершение строительства и монтажа вышки, Селивестров собирается было следовать на следующую скважину, но заместитель останавливает его:

— Петр Христофорович, утром звонил Купревич. Просил вас прибыть на совещание.

— Куда? — недовольно морщится Селивестров. — К кому?

— К Батышеву. Пропуск заказан. — Крутоярцев глядит на майора сочувственно, ему известно, что тот недолюбливает директора комбината и избегает встреч с ним.— Просил прибыть обязательно.

— Так... — Селивестров смотрит на часы с еще большим неудовольствием — попасть сегодня к Гибадуллину не удастся.

Но еще сильней раздосадован майор предстоящей встречей с Батышевым. Его он в самом деле не жалует. И не только из-за первой неласковой встречи на вокзале. Еще в Москве Селивестров навел справки о директоре и уже тогда насторожился.

«Зубр!» — говорили про Батышева одни, «фигура», — вторили другие, «хозяйственник союзного масштаба!» — восхищались третьи, «самодержец, феодал, но талантлив, каналья», — вздыхали четвертые.

Селивестров недаром многие годы проработал начальником геологоразведочной партии. Сталкивался с руководителями многих ведомств, заводов. Он понимал, что значат такие отзывы. Прояви один раз слабость — и подомнет тебя под свое авторитетное копыто этакий матерый «зубр», снизойдешь ты до положения подсобного «геологишки». Как-никак, а у такого вот Батышева многомиллионные объемы строительно-монтажных работ, тысячи людей в подчинении, и, что греха таить, часто ему не до мелких «подсобников». Знал майор, что первая же его встреча с директором комбината приведет к столкновению, ибо отступать от своих требований или планов он был не намерен, а приспосабливаться вообще не умел

(хотя это иногда полезно). Потому и избегал этой первой встречи.

Совещание действительно представительное и важное. В кабинете, помимо Батышева и Купревича, находятся Дубровин, Кардаш и худой, сутулый полковник с бледным нервным лицом. Начальники производств докладывают о готовности своих комплексов. Особенно долго выступает директор завода спецпорохов, которого, кстати, и ругают больше прочих, так как полной готовности предприятие еще не достигло.

Селивестрова мало интересуют технологические тонкости строителей, монтажников и эксплуатационников. Он обдумывает предстоящее свое сообщение (которое — ясное дело — с него скоро потребуют) и глядит на Купревича, не виделся с которым со дня приезда в Песчанку. Замечает, что молодой его товарищ сегодня бледен, чем-то удручен. Он тоже почти не слушает ораторов. «Достается, однако, ему, — сочувственно думает майор. — Видать, у них на комбинате тоже не все гладко...»

Селивестров ошибается, хотя забот у Купревича и в самом деле выше головы. На заводах не хватает свинца и необиевых сплавов для завершения кислотоупорных сооружений. Сырье поступает не той чистоты, какая требуется, тончайшие катализаторы должны быть из ванадия или платиновых металлов, а их не хватает... Сегодня Дубровин с Кардашем устроили разнос и Батышеву, и ему, Купревичу, за то, что кислотоупорные лавы второй очереди до сих пор не готовы к эксплуатации...

И все-таки удручен Купревич не этим. Исправимо. Все производственные недостатки в ближайшее время будут устранены. Мысли его витают вокруг письма, которое он получил утром. Брат сообщил, что пришла похоронная на Лену... Сообщение это было для Купревича подобно взрыву бомбы. Даже гибель отца, ушедшего прошлой осенью в народное ополчение, не потрясла его так, как сегодняшнее известие. Все же мужчина есть мужчина. А Лена... Жизнерадостная, непоседливая Ленка... Она так любила жить! Жила так шумно и весело... И вдруг ушла в небытие. Уже никогда не запустит она свои подвижные, озорные пальцы в густой чуб Купревича, никогда не назовет его лежебокой, интеллигентской простоквашей, не на-

градит каким-либо иным шутливо-ласковым прозвищем, на изобретение которых была великая мастерица. Теперь ее нет. Она навсегда ушла из-под ясного земного неба. Купревич до сих пор не может поверить в это. Ему так больно и тошно, что хочется вскочить и зареветь во весь голос. Но идет важное совещание — надо терпеть и даже вслушиваться, реагировать на что-то...

После обсуждения строительных вопросов выступает бледнолицый, сутулый полковник. Оказывается, это представитель наркомата минометной промышленности. Он особенно заинтересован в скорейшем пуске завода спецпорохов. Нервно взмахивая худыми руками, полковник требует быстрейшего пуска всего комбината, и завода спецпорохов в частности.

Теперь Селивестрову понятно, зачем полковника пригласили на совещание.

— Поймите, товарищи, тянуть дальше некуда! — горячится полковник. — Мы дожили до такой жизни, что с повестки дня временно снимается вопрос о формировании новых дивизионов гвардейских минометов. Дай бог обеспечить реактивными снарядами уже созданные части.

Селивестров хмурится. Ему ясно, что темпераментная речь «минометчика» в нынешней обстановке никому ничем помочь не может. И без его жарких слов всем присутствующим ясны тяжесть положения и задачи, стоящие перед каждым. «Подстегнуть приехал, поддать пару, — мрачно думает Селивестров. — Тут ведь несознательные, бездельники собрались!»

Дубровин с Кардашем тоже хмуры и молчаливы. Оживляются они лишь тогда, когда Батышев просит Селивестрова сообщить о результатах своей деятельности.

Формулировка вопроса не нравится майору, но он не подает виду и немногословно докладывает о том, что формирование подразделения закончено, а затем рассказывает о своих выводах.

— Ого! — иронически усмехается полковник. — Мы ждем готовую продукцию, а тут, оказывается, только-только начинают думать, где искать воду! Здорово! Обрадую я в Москве...

Селивестров оставляет реплику без ответа.

— Речь, достойная гидрогеолога, — после недолгого молчания внушительно произносит Батышев. — Вода, а не сообщение. Нас же интересует вещь конкретная — дей-

ствительная пресная вода. Когда, где и в каком количестве она будет?

Селивестров напрягается:

— Меня это тоже интересует.

— Говорите конкретно.

— Рано.

— Это как понимать?

— Буквально. — Селивестров отчетливо видит, как в выпуклых зеленых глазах Батышева закипает гнев — он вспыльчив, этот седой, коренастый человек.

— Вы сии дипломатические штучки бросьте, майор. Нас интересует срок, количество, место — говорите в этом плане.

— Рано говорить об этом, — внешне спокойно повторяет Селивестров. — Еще не время.

— А когда придет это время? — Батышев подымается со стула. — Это вы можете сказать?

— И этого не могу.

— Вот так солдатский разговор! — Батышев возмущенно разводит руками.

— Да, я солдат. Поэтому пальцем в небо тыкать и не желаю, и не умею.

— Глеб Матвеевич, — укоризненно качает головой Кардаш.

— Что Глеб Матвеевич?.. — дергает плечами Батышев. — Вы же сами требуете: дай для снарядов и бомб взрывчатку, дайте промышленности специальные пороха! А я вам что? Палец в небо?! — Директор говорит вроде бы Кардашу, а сам смотрит на Селивестрова.

Майор невозмутимо выдерживает батышевский гневный взгляд.

— Хватит! — Дубровин стукает пухлым кулаком по столу, тяжело поднимается. — Без истерик. Петр Христофорович прав, — негромко говорит он, кивнув Батышеву, чтобы садился.

Директор покорно опускается на стул.

— В самом деле, слишком рано требовать от гидрогеологов конкретный план дальнейшего ведения работ, — по-прежнему тихо и бесстрастно продолжает Дубровин. — В таком деле пара недель — не срок.

— Безусловно, — произносит очнувшийся от своей отрешенности Купревич.

Селивестров остается внешне бесстрастным, а сам недоумевает. Ему понятна озабоченность директора, которому позарез нужна вода, но почему Батышев вдруг невзлюбил его — майор понять не может.

Селивестров недалек от истины. Он в самом деле не понравился директору с первого взгляда. Еще на вокзале, увидев рядом с Купревичем высоченного, бравого майора, Батышев сразу почувствовал смутное раздражение. Подобных породистых молодчиков он навидался на своем веку. Такие, по его мнению, обычно околачиваются при высших штабах в должностях начальника почетного караула, ответственного дежурного, ассистента при знамени... Держат их для «представительности», для смотров. Привыкший верить своему цепкому, наметанному глазу, Батышев именно так и подумал тогда о приехавшем с Купревичем майоре. Конечно, болтался в былые довоенные годы при каком-нибудь штабе, а теперь, когда парадные времена кончились, сумел выпроситься на должность командира безопасного тылового подразделения. А у самого Батышева оба сына на фронте, и от одного уже пять месяцев ни слуху ни духу, зять — муж дочери — лежит в госпитале без обеих ног...

Правда, Купревич на днях обронил вскользь, что Селивестров когда-то действительно был известным гидрогеологом, так что из того? «Когда-то» — ничего не значит. Такому здоровенному битюгу в теперешние времена место не в тылу, а на войне.

Селивестров покидает заводоуправление химкомбината, когда улицы притихшей Песчанки прочно укутаны волглой весенней темнотой. Рядом, старчески шаркая подошвами, идет Купревич. Майора так и подмывает расспросить о неприятностях, которые сделали его столь молчаливым, но начинать первому разговор не хочется, и он тоже отмалчивается. Так, не проронив ни слова, подходят к стоянке машин. Пожимают друг другу руки. Только сейчас Купревич вдруг подает голос. Спрашивает неожиданно:

— Петр Христофорович, вам скоро сорок?

— Да. А что? — удивляется Селивестров.

— Почему вы до сих пор не женаты?

— Я? Гм... Право, не знаю... А что?

— Так... Почему-то подумалось...

— У вас что-нибудь случилось? — догадывается Селивестров.

— Да нет... Ничего. Я так... — бормочет Купревич и распахивает дверку «эмки». — До свидания, Петр Христофорович. Я к вам на днях заеду.

— Милости прошу! — откликается Селивестров, втискиваясь под брезентовый тент низкого «виллиса» — ему нехорошо, он ясно различил в глухом голосе поникшего Купревича нотки безысходного горя.

Шофер включает фары и с места дает полный газ.

Мало утешительного ожидает Селивестрова и дома. Только что приехавший из Зауральска Бурлацкий зол и голоден. Он передает майору пачку бланков с химанализами воды, отобранной из колодцев, и с жадностью набрасывается на остывший ужин.

— Та-ак... Анализы — один дряннее другого, — констатирует Селивестров, быстро просмотрев бланки. — Черт возьми, никакого просвета не видно. А надо что-то решать!

— Да, надо, — соглашается Бурлацкий.

— Ну, а у тебя как дела?

— Тоже просвета не видно! — Бурлацкий сердито втыкает ложку в загустевшую холодную кашу. — Произвели эксгумацию. Студеница действительно скончался от сердечного приступа. Был выпивши. Это установлено точно.

— Насчет второго что-нибудь прояснилось?

— Нет. Загадочная фигура. Еще раз заезжал в трест и к Марфе Ниловне. Результат тот же. Этакий неприметательный тип в черном полушубке.

— Что, и Марфа Ниловна ничего особенного не приметила?

— Нет. Говорит, что приходил как-то раз со Студеницей незнакомый человек в черном полушубке. Посидели и ушли.

— Что же они делали? Просто сидели?

— По ее образному выражению: «Выхлестали бутылку чего-то спиртного и отправились на вокзал», — усмехается Бурлацкий. — Это было в ноябре.

— На вокзал? — Селивестров вскакивает с койки. — Значит, не исключено, что этот, второй, уже числился

в штате отряда! Не исключено, что они поехали вместе!

— Не исключено, — соглашается Бурлацкий, отправляя в рот большой ком каши.

Селивестров возбужденно расхаживает по комнате, привычно трет кулаком переносицу. Останавливается.

— Послушай... Зачем ему брать обязательно кого-то из инженерно-технических работников? А если Студеница просто-напросто пригласил кого-нибудь из рабочих, из буровиков, у которого грамотешки побольше, почерк получше?..

Бурлацкий отставляет котелок в сторону, с интересом смотрит на майора.

— Пожалуй, это мысль! Надо поднять все приказы по формированию Песчанского отряда.

— И побеседовать с буровиками, — добавляет Селивестров. — Собрать что-то вроде собрания бывших сотрудников отряда и выяснить все подробности личной жизни и смерти Студеницы. Он же жил и работал у них на глазах. Они знают о нем в сто раз больше, нежели достопочтенная сестрица...

Несмотря на усталость, Селивестров долго не может заснуть. Он ворочается под одеялом, то и дело закуривает. У противоположной стены тихо посапывает Бурлацкий. Он уснул, едва голова коснулась подушки, и сразу превратился из старшего лейтенанта-чекиста в круглолицего белобрысого мальчишку, избившего за день ноги на футбольном поле. Таким, по крайней мере, спящий Бурлацкий всегда кажется Селивестрову. Младших братьев у майора не было, своих детей — тоже, потому воображение у него скудное, все представления о мальчишках неизменно ассоциируются с кожаным мячом, а о девочках — с куклами.

Селивестрову вспоминается вопрос Купревича. Странный вопрос. Попробуй объяснить, почему ты до сих пор не женат... Некогда было. Работал, ездил, кочевал с места на место. После одного месторождения, сданного промышленности, на очередь, как правило, выплывало еще несколько... Торопили в управлении, торопили из Москвы, наступали на горло представители заинтересованных отраслей промышленности. Развивающееся народное хозяйство страны испытывало острейшую нужду во всех

видах минерального сырья. А вот поторопить Селивестрова с женитьбой никто не догадался...

Впрочем, он сам не спешил...

Когда-то давно выпускник геологоразведочного института Петька Селивестров познакомился с очаровательной девушкой Соней Шевелевой. Петька кончал институт, а Соня лишь поступала на первый курс. Это, впрочем, не помешало их многолетней дружбе. Селивестров иногда бывал в столице по делам службы, неизменно проводил там свои отпуска. Соня радовалась каждому его приезду. Они бродили по московским улицам, болтали о всякой всячине, о геологии, о мировых рекордах советских летчиков и... никогда ни словом не обмолвились о личных своих отношениях. Лишь в последний год Сониной учебы решился Селивестров сказать о своем, о личном... И все обошлось. Соня не удивилась, не рассердилась. Она восприняла нескладное селивестровское объяснение с ласковой улыбкой. А потом все было просто. Они договорились, что после окончания института Соня приедет к нему на Урал и они сыграют свадьбу. При последнем прощании на вокзале Соня сама поцеловала Селивестрова.

Она не приехала. И ничего не объяснила ему. Попросила назначение на Кольский полуостров и отправилась туда на постоянное жительство вместе с матерью. Новость эта, как ни странно, не удивила Селивестрова. Огорчила, больно ударила, но не удивила. Он словно знал, что так должно было произойти. Не писал запросов, не стал выпрашивать Сонин адрес у ее тетки, жившей в Москве. Решил, что были они с Соней просто-напросто добрыми товарищами. И все на том. Не нужна была им свадьба. Неуместное его объяснение лишь сломало дружбу...

Впрочем, иногда приходили и другие мысли. Тогда Селивестров терзался раскаянием, мучился чувством вины перед Соней — ему казалось, что он был непростительно безынициативным, плыл по воле волн... Настоящая любовь такого не прощает.

А почему все-таки не женился, Селивестров сам не знает. Бывают такие вопросы, на которые человек ответить бессилен. Может быть, потому, что все последующие годы ругал себя за нерешительность, за то, что не помчался за Соней в ее северную даль... С устройством больших и малых личных дел у Селивестрова всегда получались неувязки.

9. РЕШЕНИЕ БЫЛО ВЕРНЫМ

После беседы с рабочими и мастерами бывшего Песчанского отряда Селивестров записал в своем блокноте:

1. Отношения между Студеницей и сотрудниками отряда были нормальными. Любимчиков или приятелей он в отряде не имел.

2. По единогласному утверждению: выпивал чрезвычайно редко и понемногу — жаловался на боли в сердце. Однако больничный лист брал всего один раз — после приезда в Песчанку сестры Марфы Ниловны. Почему-то сильно расстроился после ее визита. Это было в конце февраля.

3. Действительно в день смерти Студеницы был привезен спирт.

4. Действительно в общежитии буровики устроили что-то вроде вечеринки. Студеница, хоть и был приглашен, — не присутствовал. В то же время все утверждают, что начальник отряда никуда не уходил — сидел в своей комнатке-конторке.

5. Никто не видел, чтобы к нему кто-то заходил.

6. Коридорную дверь в двенадцатом часу ночи запер старший коллектор Зубов. У Студеницы тогда еще горел свет.

7. Как уборщица попала в коридор — никто не знает. Кто выходил ночью во двор — тоже неизвестно.

8. Всем отрядом было замечено, что за несколько дней до смерти Студеница что-то узнал, был в приподнятом настроении. Шутил. Куда-то уезжал на сутки. «Будем вести поиски в другом направлении!» — весело сказал он Зубову.

9. «Готовьтесь, братцы, к неблизкой перевозке», — так заявил он старшим мастерам при раздаче спирта.

Сейчас Селивестров сидит в штабе подразделения и заново перечитывает записи. Вроде бы ничего не упустил — внешне все обстоит именно так, и в то же время остро чувствует, что в этих заметках чего-то не хватает. Чего-то важного. А чего именно — уловить не может.

Буровики, а теперь плюс ко всему и красноармейцы, обрадовались встрече с командиром подразделения. Беседа получилась откровенной. Оказывается, некоторые знали Селивестрова еще по довоенным работам. Было это майору и неожиданно, и приятно. Потому, видать, и получи-

лась беседа задушевной, откровенной. Буровики искренне хотели помочь новому своему командиру разобраться в запутанных делах бывшего Песчанского отряда.

Помогли? Конечно. Теперь Селивестров видит Студеницу живым человеком со всеми его слабостями, достоинствами, служебными и житейскими заботами. И все-таки что-то осталось невыясненным.

Майор берет карандаш. Пишет на чистом листе бумаги: «Зачем приезжала Марфа Ниловна?» Перед глазами встает узкое морщинистое лицо с рыскающими подозрительными глазами. Сварливая, жадная баба. Тем не менее сына любит ревнивой материнской любовью. Бывает и так. Но зачем все-таки приезжала? Сварливая и жадная... А может, еще какая-нибудь? В самом деле — какая? Селивестров умом понимает, что сам факт ее приезда может быть важным, но томит его что-то другое.

Почему Студеница не пошел на вечеринку к буровикам? По многим причинам мог не пойти. Загрустил, вспомнив жену. Хотя бы из-за нежелания пить вместе с подчиненными...

Что-то узнал, был весел, куда-то уезжал на сутки, говорил загадочно... Майор жирно записывает: «Что узнал? Куда ездил? В какую сторону мыслил направить поиски?» Вот самое важное. Именно это уже две недели не дает ему покоя, как, очевидно, не давало покоя начальнику отряда. Черт бы побрал этого неразговорчивого, скрытного, некомпанейского Студеницу! Нет чтобы поделиться с кем-нибудь, взять с собой в поездку... Ломай теперь голову!

И все же решение побеседовать с буровиками было верным. По крайней мере ясно — надо искать новое решение. Оно есть. Ведь нашел же его перед своей смертью Студеница!

Вспомнив о кальке, тетрадке и блокнотах, обнаруженных в столе Студеницы, майор открывает сейф, достает их. В блокнотах ничего интересного. Сугубо производственные записи: сколько и какого диаметра получено труб, сколько каких коронок, где получен лес для копров... И все прочее в таком же духе. В тетрадке кривоватым почерком сделано описание разреза какой-то скважины № 6. Разрез, типичный для Песчанки: сверху глины и далее разнозернистые пески. Зубов наверняка должен знать эту скважину. Так что и в тетрадке ничего интересного.

Калька. Зеленой тушью сделана небрежная выкопи-

ровка с какого-то плана. В центре Песчанка. Присмотревшись, майор узнает схемку дорог и населенных пунктов Песчанского района. И здесь ничего особенного. Селивестров достает из сейфа кипу карт, поочередно накладывает на них кальку. Находит. Выкопировка снята с карты-пятикилометровки. Выходит, была такая и у Студеницы, но, чтобы не возить ее с собой, начальник отряда скопировал нужный участок. Но зачем ему понадобилась именно юго-западная часть Песчанского района?

Селивестров осторожно разглаживает своими большими ладонями измусоленный кусок когда-то гладкой и прозрачной, а теперь сморщившейся, шершавой бумаги. Ведет пальцем от названия к названию, написаны которые столь коряво, что если бы не настоящая карта перед глазами, да если б вдобавок не облазил майор район самолично — то и не догадаешься, как именуется та или иная деревня. Действительно, почерк у покойника был уникальный!

Но вот за чертой, ограничивающей сбоку план, отдельная надпись. Можно разобрать: «Синий перевал». Жирно подчеркнуто, да еще вопросительный и восклицательный знаки. Что бы это могло значить? Наименование населенного пункта, оставшегося за отрезом карты? Деревни, села, хутора, урочища? Студеница, конечно, записал это название не случайно. А может, в самом деле перевал? Но какой, к черту, перевал может быть на слегка холмистой лесостепной местности?

Селивестров раскладывает на столе карту Песчанского района, а затем прикладывает к ней смежные южный, западный и восточный планшеты. Названий много. Синего перевала нет. Прикладывает юго-западный и юго-восточный планшеты. Заставляет себя не спешить.

Проходит час, затем другой. Селивестров не замечает этого. Миллиметр за миллиметром прощупывает его взгляд бело-зеленую поверхность карт. Синего перевала нет.

«Ничего, ничего, — говорит себе майор. — Найдется. Главное — не пороть горячку!» Он делает несколько гимнастических упражнений, наливает из термоса кружку крепкого чаю. Затем опять склоняется над столом.

В это время в кабинет врывается Бурлацкий. Достаточно одного взгляда, чтобы понять — старший лейтенант

имеет какое-то чрезвычайно важное сообщение. Еще не было случая, чтобы молодой человек забыл постучать, чтобы вошел в помещение, не вытерев у порога сапоги.

— Товарищ майор... Петр Христофорович...

— Раздевайся, — кратко говорит Селивестров и запирает дверь на ключ.

Бурлацкий быстро снимает шинель, бросает на подоконник шапку, отирает вспотевший лоб платком, тихо произносит:

— Товарищ майор, Студеница был умерщвлен!

— Умерщвлен?

— Да. Уборщица вспомнила, что на стуле рядом с лекарством вместо воды стоял стакан со спиртом.

— И что из того?

— А вот что... Тот, кто решил убрать начальника отряда и изъять геологическую документацию, отлично знал, что у Студеницы больное сердце.

— Ну и что?

— Очень просто... — Бурлацкий протягивает руку к выключателю, гасит свет, во внезапно наступившей темноте его голос звучит зловеще: — Представьте себе ночь. Студеница с вечера немного выпил. Зная, что будет ему нехорошо, ложась спать, поставил на табурет стакан воды, положил лекарство... Понимаете?

— Кажется.

— Враг подождал, пока он уснет, вошел в комнату, выплеснул воду и налил вместо нее спирту. Почувствовав себя плохо, Студеница просыпается, с обычного места берет лекарство. Принимает. Берет стакан и безбоязненно делает глоток, другой... Неразведенный спирт обжигает горло, желудок, у больного перехватывает дыхание... Роковой удар по изношенному сердцу!

Бурлацкий включает свет. Глаза его злы, на округлом розовом лице выражение суровости.

— Так... — ошеломленно произносит Селивестров. — Убийство?

— Именно. Я взвесил все варианты. Иного объяснения нет. Кто-то заходил к Студенице и подменил воду на спирт. Потом не стоило труда найти ключи, открыть ящик и извлечь документы. Просто?

— Просто. Даже слишком. — Селивестров начинает приходить в себя.

— В том-то и дело! — Бурлацкий моложе майора и эмоциональней, ему трудней справиться с волнением. — Дарья Назаровна очень точно вспомнила, что графина с водой, который обычно стоял на столе, в то утро не было. Уже на другой день, прибираясь в комнате, она обнаружила графин на подоконнике за занавеской.

— Так... Это что же, его убрали с целью, чтобы Студеница не мог найти воды, если бы у него хватило сил искать ее?

— Безусловно. Если бы он встал, врагу пришлось бы применить физическую силу. Но... — Бурлацкий огорченно тряхнул головой, — сердце у Студеницы действительно было слабым...

— Так... — Селивестров смотрит на молодого чекиста с уважением: доводы его убедительны. — И к какому выводу ты пришел?

— Выводу? — Бурлацкий только сейчас позволяет себе опуститься на табурет. — Надо искать.

— Где?

— В первую очередь у нас. Не берусь судить, сколько их в самом деле, но один из врагов был в помещении. Это он открыл, а затем забыл закрыть дверь коридора.

— Пожалуй, — соглашается Селивестров. — Выходит, дело серьезнее, чем можно было предположить.

Оба долго молчат. Селивестров закуривает, тяжело шагает по кабинету, под его ногами скрипят половицы.

— Ну, а каковы ваши успехи? — сумрачно спрашивает Бурлацкий.

— У меня тоже новости. — Селивестров останавливается. — Кажется, я нащупал нечто не менее важное. — И тыкает пальцем в кальку.

Пока майор рассказывает о собрании, о таинственном Синем перевале, Бурлацкий разглядывает сделанные им записи и вяло зевает, прикрываясь ладошкой. Потом, когда Селивестров кончает говорить, резюмирует вполголоса, как бы сам себе:

— Действительно, день открытий... В самом деле, кой леший приносил Марфу Ниловну в Песчанку? Надо выяснить... Студеница — не из ресторанных выпивох, многолюдие не любил. И тут все ясно. А вот куда собирался перебрасывать буровые, что это за Синий перевал — тут ничего не понимаю. Это уж по вашей части, товарищ майор. Полагаете, что это название чего-то и это

место представляет интерес с геологической точки зрения?

— Полагаю. Насколько можно понимать Студеницу — именно это интересовало его в первую очередь. Места, перспективные на воду!

— Резонно, — соглашается Бурлацкий и осекается — взгляд его перепрыгивает с раскрытой тетрадки на кальку, с кальки на тетрадку. — Погодите... Выкопировку делал Студеница. Тут сомнения быть не может — его рука. А кто же писал в тетради?

— Он же, очевидно. — Селивестров подходит к столу.

— Но почерки-то разные!

Майор и сам уже видит это, крякает с досадой: не заметить такой очевидной вещи — непростительная оплошность с его стороны.

— Петр Христофорович! — Бурлацкий вскакивает с табурета. — Ведь это он. Это второй!

— Безусловно, — уверенно подтверждает майор. — И он здесь, у нас! Подымите сохранившиеся документы — ищите его по почерку. А за мной этот таинственный Синий перевал!

10. КОГДА БОЯТСЯ СМЕРТИ

У входа, над тумбочкой дневального, мерцает маломощная электрическая лампочка. В ее тусклом свете видны лишь сам задремавший дневальный да та секция двухэтажных нар, что напротив двери. Все остальное помещение казармы прочно укутано ночной темнотой. Эта парная, душная темнота кажется Антону шевелящейся — в ней сонно бормочут, посапывают, всхрапывают спящие бойцы, они и во сне продолжают жить впечатлениями минувшего трудного дня. День и в самом деле был не из легких: досыта наработались на буровых, досыта намерзлись, пока тряслись в грузовиках от базы до участка, а потом обратно, досыта нашагались после ужина на строевых занятиях — какая-никакая, а воинская часть. Поэтому мертвецки спят уморившиеся люди, потому дремлет бедолага дневальный, которому по всем строгим воинским законам полагается бодрствовать.

А вот Антону не спится. Он глядит в теплую живую темноту и сглатывает обильную тошнотную слюну. Тошнота эта от страха. От страха, который уже кажется Ан-

тону вечным, будто он, Антон, с ним родился. Этот страх — как боль, как медленно назревающий нарыв.

Сколько помнит себя Антон, он всегда чего-нибудь боялся. Боялся психоватого, жестокого на руку отца, боялся старшего брата, боялся соседских собак и леших из бабкиных сказок. Это в детстве. Потом страхи повзрослели. Теперь Антон боялся, что прижимистого проныру отца, имевшего двух лошадей, раскулачат и вышлют из родной деревни (а значит, всю семью, значит, и его, Антона). Уехав в город, устроившись на хорошо оплачиваемую работу, боялся, что родные узнают об этом и будут просить подачки или, упаси боже, пришлют к нему младших сестру и брата добывать городское образование. Опасался прогадать с женитьбой, опасался драчливых соседей и сослуживцев...

Он считал себя невезучим — предчувствия, как правило, сбывались. Отец все же узнал о хороших Антоновых заработках и подал в суд на алименты, сестра Мария и брат Леонтий в самом деле приехали учиться в город, подвыпившие буровики не раз колошматили Антона за что-то такое, что было неясно ни им, ни ему самому. Деревенские парни, однокашники Антона, вместе с которыми он пошел работать в геологоразведку, давно стали механиками, прорабами или, на худой конец, старшими мастерами. Антон же по сию пору тянул лямку у рычага бурового станка — был сменным мастером, причем не самого высшего разряда.

Да что однокашники! Родные братья и сестра — и те давно обошли Антона. Они не боялись отца, все-таки сменившего родную деревню на калымную городскую окраину (где до сих пор подрабатывает извозом на собственной лошаденке), держались дружно. Наоборот, отец боялся и уважал их, и если с Антона драл алименты, то остальным детям старался угодить. Как-то незаметно, вроде бы играючи, стали они уважаемыми людьми: старший брат Василий — капитаном-танкистом, Леонтий — летчиком-истребителем, сестра Мария — врачом-стоматологом...

И все-таки жить в общем-то было можно. Не терзал его тогда тот тошнотворный страх, который не дает спать сейчас.

А началось все в июньское воскресенье... Хотя нет, позже. Через месяц после начала войны. К Антону на

квартиру — чего давно не бывало — пришла сестра. Она была в военном. Сказала, что уезжает на фронт. Наказала сурово:

— Навести Леонтия. Он уже четвертый день, как в Зауральске. — И назвала номер госпиталя.

То, что случилось с младшим братом, потрясло Антона. Некогда озорной, сильный парень, лежал он на госпитальной койке умотанный бинтами, сверкал в узкой белой щели полными боли и ненависти уцелевшими глазами, хрипел обезображенным ртом из-под марли:

— Ничего, с лица воду не пить. На руках и ногах кожа нарастет. Главное — они есть. Еще узнают, гады, Леонтия! Я еще полетаю!

Пока он рассказывал, как в первый же час войны разбомбили немцы их аэродром, как на третий день горел в кабине своего израненного «ишака» — И-16, как выносили его окруженцы к своим и чего навидались они за полторы недели похода, Антона охватывал все больший ужас. Не за брата, а за себя. Он даже вспотел при мысли, что все это может произойти с ним самим...

Сидя рядом с койкой захлебывавшегося от нерастраченной злости Леонтия, Антон озирался по сторонам, ожидая, что кто-то из раненых вдруг прервет брата, скажет, что хватит врать, но в палате молчали. И Антон понял: все рассказанное — правда, что война неотвратимо надвигается и на него — в кармане уже лежала повестка.

Противно посасывало под ложечкой, когда первый раз явился Антон в военкомат. Ему дали отсрочку на три месяца — геологическая партия, в которой работал Антон, завершала буровые работы на месторождении угля, открытом на самой окраине Зауральска. Дни эти пролетели непостижимо быстро. Одна за другой ликвидировались бригады. Буровые работы завершались. А в госпитале, где лежал Леонтий, раненых прибавлялось...

В конце концов пришел и Антонов черед. Снова военкомат, а оттуда на военно-медицинскую комиссию. Следуя в очереди голых мужчин из одного врачебного кабинета в другой, вдруг с тоскливой ясностью осознал Антон, что, несмотря на всю свою невезучесть и одиночество, он всегда любил жить и более всего боялся быть вычеркнутым из этой и беспокойной, и сладкой реальной жизни.

Антон стал жаловаться на головные боли, слабость и бог весть на что еще...

Но недаром считал он себя неудакой — оставались позади кабинет за кабинетом, врач за врачом и нигде не приняли Антоновы жалобы всерьез. «Годен...» — тоскливо читал он очередное заключение и машинально следовал к другой двери.

И все же произошло чудо. Врач-терапевт, высокий, дородный мужчина с бритой шишковатой головой, очень внимательно выслушал Антоновы жалобы, не усмехнулся саркастически, как прочие, не бросил медсестре небрежное: «Дремучая ахинея», а вместо этого повторно взялся считать пульс, измерять давление...

— Что ж, придется недельку полечиться, — заключил терапевт и выписал рецепт. — На повторный осмотр через неделю.

После этих слов понял Антон, что счастье наконец-то улыбнулось и ему. Хоть и короткое, хоть и недельное, а все-таки счастье! Горячая волна благодарности прилила к сердцу.

Через неделю тот же терапевт обследовал Антона с прежней внимательностью. И опять дал отсрочку на неделю, и опять выписал лекарство. Медсестры на этот раз в кабинете не было, и врач разговорился, отрекомендовался Вадимом Валерьяновичем, стал расспрашивать Антона о работе, о семье, о житье-бытье.

Разумеется, Антон охотно поддержал беседу.

В третий раз все повторилось в точности. Только беседовали они уже как давние знакомые. И врач опять дал лекарство, опять велел явиться через неделю.

Из здания они вышли вместе. День давно погас. По вьюжной вечерней улице разгуливал студеный ветер, в тусклом свете редких фонарей волочил по мостовой длинные хвосты сухого, колючего снега. Вадим Валерьянович поднял бобровый воротник своей старомодной шубы и вдруг негромко произнес:

— А в следующий раз являться не советую. Я уезжаю в командировку и принимать будет другой врач. Не сомневаюсь — забреют вас обязательно.

Он так и сказал: «Забреют». Сказал тихо и грустно, но словно граната взорвалась перед глазами качнувшегося Антона.

— Не удивляйтесь, — между тем так же грустно продолжал Вадим Валерьянович, не замечая потрясения собеседника. — У меня есть причина относиться к вам со-

чувственно. Видите ли... Мы были знакомы и даже дружны с вашей сестрой Марией. Несмотря на некоторую разницу в возрасте, у меня были самые серьезные намерения по отношению к ней, но... — врач печально вздохнул, — в таких делах обязательна взаимность, которой не оказалось. Тем не менее мы не стали врагами...

Но Антона совершенно не интересовало, как дурнушка Мария могла отвергнуть руку и сердце столь представительного мужчины. В голове громыхало одно: «Забреют, забреют, забреют...»

А дома Антона ожидал новый удар. Сгорбившись, сидел на крылечке редчайший гость — отец.

— Антоша... сынок... — заплакал он, когда вошли в комнату. — Вася-то, Вася... — И протянул какую-то бумажку.

Антон машинально взял ее, пробежал отсутствующим взглядом: «...Погиб смертью храбрых...» — глухо сказал вслух:

— Меня через неделю забреют.

— Чево? — не понял старик.

— Забреют меня.

— Так ить всех нынче берут, Антоша. Времечко-то какое! А Вася-то уже... Того... Братанок-то твой... Кровиночка-то моя!

— Меня забреют через неделю! — взорвался Антон. — Туда же! Понимаешь ты это или нет?

Старик испуганно отшатнулся.

— А я, может, не желаю! Я жить хочу!

Отец подобрал с полу похоронную, сложил вчетверо трясущимися руками, сунул за пазуху.

— Да ты што, Антоша?.. Чать живой пока...

— Живой? — продолжал бушевать Антон. — Пока! Тебе-то начхать! Тебе что алименты с меня драть, что пенсию за покойника получать!

Глаза старика стали сухими. Он ненавидяще поджал бесцветные губы, нахлобучил засаленную шапку-ушанку на лысую голову. Махнул рукой, пошел к двери. У порога остановился. Обернулся, словно пистолет, наставил на сына корявый коричневый палец:

— Чево вспомнил... Брата убило, а он... Я к нему как к родному... — И выстрелил скороговоркой: — Знаю, не ангел я. На войну провожал, каялся и перед Васей, и перед Маней, и перед Леонтием. Грешная, грязная душа...

Признаю! Так все же душа! Я своих знаю! А у тебя ничево. Ни своих, ни чужих. — И отплюнулся. — Одно слово — шкура! Отходник. Отрезанный ломоть. Тьфу! Будь ты проклят!

— Пшел вон! — взвизгнул Антон.

Старик исчез за дверью.

«Забреют, забреют, забреют!.. Не пойду. Сбегу!»

Не сбежал. Побоялся. Но и на медкомиссию не явился. На работу тоже не пошел. Знал — туда немедленно последует запрос из военкомата. Метался в запертом на все щеколды собственном домишке, проклиная себя за нерешительность. Понимал: надо действовать — и не мог преодолеть робость. Перед глазами то и дело всплывало лицо старшего брата. Уж если его, сильного, решительного Василия, грозу деревенских пацанов, настигла костлявая в первые же месяцы войны, то ему, неудачнику Антону, сорвет голову в первую же минуту окопной жизни. А с дезертирами подавно не чикаются...

За ним пришли на третий день. Услышав властный стук, обмяк Антон, еле устоял на ногах. Но как ни перепугался, все же догадался повязать голову полотенцем. В сени вошли трое: участковый милиционер и двое военных. Один из военных, очевидно старший, предъявил какой-то документ, в котором — все прыгало перед глазами — Антон ничего не сумел прочитать, спросил отрывисто:

— Срок отсрочки известен?

— Да... — выдохнул Антон.

— Дата комиссии известна? Почему не явились?

— Я... я... — Язык не слушался Антона.

Военный посмотрел на полотенце, на мертвенно-бледное лицо, синяки под глазами и подобрел:

— Гм... Надо было сообщить. До машины дойти сами сможете?

— Да...

Его привезли на воинский пересыльный пункт. Старший из военных вошел в какой-то кабинет, и, пока находился там, Антона бил неуемный озноб. Дверь открылась. Сочувственно придерживая за локоть, второй сопровождающий ввел Антона в комнату. Из-за стола вышел невысокий, хрупкого сложения человек в гимнастерке с че-

тырьмя «шпалами» на петлицах. Он слегка прихрамывал, левая сторона красивого тонконосого лица была изуродована огромным свежим шрамом. Все это успел увидеть и понять Антон, а остальное происходило словно в тумане. Потерял он способность что-либо видеть, кроме прозрачно-голубых, наполненных холодом глаз человека со шрамом.

Тот обошел вокруг Антона, оглядел, вернулся к столу, написал что-то на бланке, протянул старшему из сопровождавших. Все это молча, неторопливо.

— В лазарет, товарищ полковник? — спросил старший, приняв бумажку.

— На гауптвахту. В камеру строгого ареста! — отрубил полковник и наградил Антона таким взглядом, что понял тот — будь, как в сенях, накручены на голове полотенце или даже кровавая повязка, явись он вообще без рук и ног — все равно этого опаленного войной человека не обманула бы его внешность.

Когда Антона водворяли в камеру, не увидел он на лицах привезших его красноармейцев прежнего сочувствия. В глазах их стыла брезгливая ненависть. Осознал Антон — раньше всех загаданных сроков пришел ему конец. Если его судьбу будут решать полковник со шрамом и эти парни в солдатских шинелях — пощады не будет.

И все же удача снова улыбнулась Антону. Он ушам своим не поверил, когда услышал в коридоре знакомый голос:

— Тут у вас где-то мой пациент находится. Разрешите взглянуть на него — способен ли предстать перед окружной военно-медицинской комиссией?

Распахнулась дверь, и в камеру вошел Антонов ангел-хранитель. Он был, как всегда, чисто выбрит, чуть-чуть благоухал одеколоном.

— Ну-с, как наши дела? Почему в назначенный срок не явились? — незлобиво произнес Вадим Валерьянович, привычным движением взял Антона за руку, стал считать пульс, поглядывая на свои массивные золотые часы.

Растерявшийся Антон понес какую-то околесицу.

Стоявший до этого в дверях начальник караула куда-то отошел.

— Возьмите. — Вадим Валерьянович сунул Антону в карман пакетик с таблетками. — После моего ухода примите все сразу. Затем сделайте легкую физзарядку и жди-

те вызова. Жалуйтесь на общую слабость, потливость, покалывания в области сердца. И ничего больше. Никакой отсебятины. Понятно?

Сначала Антона сводили в рентгеновский кабинет, а потом он предстал перед врачебной комиссией. Маленький полковник был тут же. Правда, он не произнес ни слова, не вмешивался в разговоры и действия медиков, но взгляд его с откровенной недоверчивостью следил за каждым их движением, за каждым жестом Антона. Но то ли в самом деле сердце перепуганного Антона билось ненормально, то ли помогли докторовы пилюли — только врачи действительно что-то обнаружили.

Приказали Антону выйти в коридор, а сами стали совещаться. Прислушиваясь к голосам, тот по-настоящему потел, взаправду ощущал слабость, по-настоящему ощущал «боль в области сердца»...

Подписывая пропуск, полковник был темен лицом. Он не изменил отношения к Антону, хотя у того в кармане лежала всамделишная справка — шестимесячная отсрочка от призыва «по состоянию здоровья».

А поздно вечером к Антону нагрянул неожиданный гость — Вадим Валерьянович. Он пришел не с пустыми руками: принес бутылку довоенного коньяку и банку заграничных консервов. Антон быстро опьянел, стал плаксиво благодарить:

— Век вас не забуду. Честное мое слово!

Вадим Валерьянович лишь грустно покачивал шишковатой, свежевыбритой головой.

— Ах, бросьте. Какие могут быть благодарности? Просто жаль хорошего человека. Да и не без корысти... Может, когда-нибудь замолвите за меня словечко перед Машей.

— Да я... Да сестра каждого моего слова слушалась! — заклокотал пьяным бахвальством Антон, восхищаясь в душе некрасивой Маруськой, каким-то непостижимым образом сумевшей покорить такого человека. «Вот это будет зятюха! Породистый, лешак!»

Прощаясь, Вадим Валерьянович спросил, что он думает теперь делать.

— Была бы шея — хомут найдется! — отмахнулся Антон и, загибая пальцы, стал перечислять геологические партии, в которые командируются буровики из Зауральска.

— А в Песчанку?

— Туда пока никого. Правда, Студеница подбирает кадры, но никто не желает ехать. Хуже нет, чем бурить на воду. Диаметры скважин большие.

— Кто этот Студеница?

Антон рассказал все, что знал об инженере-гидрогеологе.

— А я б на вашем месте пошел работать именно к нему, — внушительно сказал Вадим Валерьянович, выслушав Антона. — Это в ваших интересах. Я ничего не понимаю в геологии, но мне известно, что все рабочие, занятые в Песчанке, будут забронированы.

— Да ну? — ахнул Антон.

— Постарайтесь подружиться с этим Студеницей. Войдите в доверие. Ничего, кроме пользы, для вас в том не будет. Вас забронируют. И тогда...

«Ну и голова! — с благодарной почтительностью подумал Антон. — С этим дружбу терять не надо».

Уже надев шубу, Вадим Валерьянович продиктовал Антону свой домашний адрес и номер телефона.

— Заходите как-нибудь, — тепло пригласил он. — Я ведь совершенно одинок. Будете писать — привет от меня Маше.

Антон впервые пожалел, что никогда не был дружен с сестрой, что не имеет ее фронтового адреса.

План Вадима Валерьяновича осуществить было не трудно. Студенице как раз требовалось в помощь несколько опытных буровиков. Поэтому согласие Антона поехать в Песчанку несказанно обрадовало занятого проектом хмуроватого гидрогеолога.

Антон решил воспользоваться этим, чтобы закрепить дружеские отношения. Раздобыл на базаре бутылку водки, предложил Ефиму Ниловичу угоститься. Тот отказываться не стал. Зашли к начальнику домой. Но вопреки Антоновым ожиданиям, выпил Студеница две малюсенькие рюмочки, а остальные подношения отверг:

— Не хочу больше. Сердце барахлит — опять ночью давить будет.

— Ну хоть одну еще, Ефим Нилыч...

— Не понимаю, чего ты ко мне липнешь...

— Да я так... Вы одиноки, я — тоже один-одинешенек, — начал бить отбой Антон. — Не хотите — не надо. Просто хотел уважить...

— Уважить-подважить, — проворчал Студеница и вдруг оживился. — Послушай, как у тебя с почерком? Сходный?

— Не знаю... — Антон пожал плечами. — Люди разбирают. А что?

— Вот желаешь уважить — пойдем завтра в одно место. Перепишешь несколько геологических разрезов, чтобы можно было сразу машинисткам отдать. А то у меня почерк...

В дальнейшем беседа не клеилась. Студеница уставился на портрет миловидной женщины — будто забыл об Антоне.

Пока Студеница составлял проект, Антон с рабочими из своей смены перевозил оборудование в Песчанку, хотя вся смена числилась еще за Зауральской партией. В ту пору жить было не очень туго. Погрузился, разгрузился — а все прочее время либо в дороге, либо дома. Да и с продуктами в Зауральске было не так уж плохо. Но как только перебрались в Песчанку — хватили лиха. Особенно в первые две недели, пока не питались в столовой. Целыми днями на ветру, на морозе. Добрался до общежития, отогрелся кое-как — тут бы и поесть. А поесть нечего. Питались черным, клейким хлебом, растительным маслом да ржавой селедкой. Плохо было в то время в затопленной беженцами Песчанке. Продовольствие не успевали подвозить.

В те дни одубел, отупел от усталости и голода Антон. Даже перспектива оказаться на фронте казалась не столь страшной. Тогда-то и вспомнил он о приглашении Вадима Валерьяновича.

Вскоре Студеница отправил Антона в город с пробами воды.

Сначала Вадим Валерьянович вел себя несколько странно. Не откликнулся ни на стук, ни на звонок... стоял за дверью. Антон почувствовал это, подал голос. Дверь чуть приоткрылась, доктор взглянул на Антона, помедлил и наконец скинул цепочку.

— О, друг мой! Сколько лет, сколько зим!

Проходя в комнату, Антон успел заметить, как из кухни выглянул розовощекий, веснушчатый мужчина. Простовато хохотнул:

— Вон что... Тут уже есть посетители. Оказывается, не я первый! Может, помешал?

— Ох и глазастый вы народ, буровики! — смешливо погрозил пальцем Вадим Валерьянович. — Что ж теперь делать? Одному раздеваться, другому одеваться? Так, что ли?

— Так, — сказал веснушчатый и вышел в коридор.

Он оказался коренастым, слегка косолапым бодрячком средних лет, одетым в черную гимнастерку, такие же бриджи и хромовые сапоги. Дружелюбно подмигнув Антону, надел офицерскую шинель без знаков различия, пушистую шапку. Простецки помахал на прощание кожаными перчатками и, бодро насвистывая, удалился.

— Веселый дядька! — улыбнулся вслед ему Антон.

— Да, стопроцентный сангвиник. — Вадим Валерьянович тоже чуть улыбнулся. — Действительно, посетитель. Бывают обстоятельства, когда человек вынужден обращаться к врачу в частном порядке...

— А-а... Понимаю.

Угостил Вадим Валерьянович по-царски. Оголодавший Антон с жадностью поглощал макароны с тушенкой, стопку за стопкой пил разведенный спирт-сырец и, чувствуя, как внутри все обмякает и согревается, охотно рассказывал о своем житье-бытье.

Вадим Валерьянович качал головой, ругал войну и нерасторопных снабженцев.

— Значит, в трест ходили вместе со Студеницей... Это хорошо, — похвалил он. — Выходит, начальник вам доверяет. И где этот трест находится? На Московской? Это в каком доме?

Антон объяснил подробно.

— Вот здорово! — удивился Вадим Валерьянович. — Так, говорите, папки находятся в красном шкафу, что у стены? Ах, в коричневом, посреди комнаты... Скажите, когда открывали тот шкаф, там на внутренней стенке не видели коричневого пятна? С какой полки брали папку?

— Со второй сверху. Папка номер тысяча сто тридцать шесть. Как сейчас, помню. А пятна не видел. С чего вы взяли, что там пятно? — в свою очередь удивился Антон.

— Эх, милый человек, — вздохнул Вадим Валерьянович. — В том здании когда-то располагался врачебный консультационный пункт. А я, грешным делом, однажды разбил в шкафу бутыль с йодом. В начале войны пункт перевели, а мебель осталась... — И опять вздохнул: — А шкафы те мы, медики, в здание на своем горбу затаскивали. Помню, тяжеленные были...

Упоминание о вещах заставило Антона оглядеться.

— Шикарно живете, — признался он. — Мне так не живать.

Расстались в полночь. Подобревший Вадим Валерьянович сунул в тощий Антонов рюкзак несколько банок консервов, солидный шмат сала, пачку довоенного рафинада.

— Эх, бобылья жизнь! Если мы друг другу помогать не будем, кто нам поможет? Питайся, дружище. Я тебе голодать не позволю. Если нужны деньги — не стесняйся. Отдашь когда-нибудь. Вот... сколько тут... Пять тысяч. По нынешним временам — не деньги... Но хватит пока?

— Дорогой Вадим Валерьянович... Благодетель ты мой! — окончательно раскис хмельной Антон. — Дай я тебя расцелую! Что бы я без тебя делал? Деньги возьму. Но только под расписку. Я человек порядочный. У меня дом свой! Погоди, я тебя еще отблагодарю... Нет, нет, давай бумагу. Где чернила? Пять тыщ... С базара буду подкармливаться!

Вадим Валерьянович похохотал добродушно, но бумагу и авторучку все-таки дал.

Не знал, не ведал тогда Антон, что, подписывая эту злосчастную бумажку, выносит самому себе окончательный приговор.

Приехав в Зауральск по делам, он опять навестил Вадима Валерьяновича. Как и в предыдущий раз, доктор встретил Антона радушно. Опять было вдоволь еды и разведенного спирту. Как обычно, хозяин больше расспрашивал, гость больше рассказывал. Антон был зол на Студеницу, который почему-то не торопился с бронированием. Шестимесячная отсрочка с каждым прожитым днем сокращалась, и в Антоновом воображении все чаще всплывали картины повторной медкомиссии и беспощадные глаза маленького полковника со шрамом.

Но как ни был занят своими страхами Антон, все же сумел заметить, что доктор в этот раз необычен, чаще

обычного задумывается, поглядывает на него, на Антона, не то чтобы сердито, но вроде бы оценивающе.

— Что с вами нынче?

— А вас разве ничего не тревожит?

— Не знаю... — Антон вжал голову в плечи, столько в голосе доктора было чего-то скрыто-опасного.

— Святая простота! — Вадим Валерьянович схватился за голову. — Ведь немцы завтра-послезавтра войдут в Москву! Правительство сбежало. Сталин неизвестно где!

— Ну и что? — Антона больше беспокоили собственные дела.

— А то, что немцы скоро будут здесь. Война проиграна!

— Вон как... Ну и что же теперь будет?

— Вы относитесь к инженерно-техническому персоналу?

— Нет, к рабочим.

— Хм... Но зарабатываете более пятисот рублей?

— Больше.

— Тогда все! — Серые, блестящие глаза Вадима Валерьяновича округлились. — Тогда вас немедленно поместят в концентрационный лагерь.

— За что? — съежился Антон.

— Всех, кто получает более пятисот, эсэсовцы относят к квалифицированным работникам, к просоветским элементам. В общем, нам с вами несдобровать!

— Так что же теперь?

— А то! — Вадим Валерьянович положил руку Антону на плечо. — Надо встретить немцев лояльно.

— Как?

— Надо оказать им какую-то услугу, и они оставят нас в покое.

— Что?

— Надо, к примеру, заранее подготовить сведения о Песчанском химкомбинате. Пусть не все, но что можно узнать — это уже сто процентов успеха. Понимаешь?

— Да ты что! — Антон панически рванулся в сторону, но пальцы доктора железной хваткой вцепились ему в плечо.

— Это единственный шанс уцелеть.

— Ну, дудки! — прохрипел мигом протрезвевший Антон. — Пусть кто-нибудь другой. А я... Всех не пересадят. Таких, как я, хоть пруд пруди!

— Нет, это сделаешь именно ты! — отрывисто произнес доктор, выпрямляясь. — У тебя уже есть заслуги перед немцами, так что осталось сделать совсем немного!

— Какие заслуги? — похолодел Антон.

Доктор вышел в прихожую, проверил запоры, вернувшись в гостиную, запер за собой дверь на ключ, задернул тяжелые гардины на окнах — все это с жестким выражением на преобразившемся лице, держа одну руку в кармане пиджака. И Антон все понял. Стылая лапа ужаса с такой силой сжала сердце, что он икнул.

— Твоя расписка? — Вадим Валерьянович показал злосчастную бумажку.

— Моя... Но я... Я...

— Теперь подпиши это.

Перед Антоном появилось отпечатанное на машинке заявление, что он добровольно вступает в общество «Свободная Россия» и обязуется «бороться с коммунистическим варварством до победного конца...».

— Это... Я не хочу... Я не могу... Я... — Антон, словно загипнотизированный, глядел на опущенную в карман руку доктора и уже знал, что сделает все, чтобы эта рука оставалась на месте.

— Подпиши. Так... Поставь дату.

Лицо доктора сохраняло прежнее угрожающее выражение. Он положил на стол чистый лист бумаги.

— А теперь пиши. Вот здесь... Рапорт номер один. Так! «Докладываю обществу «Свободная Россия», что я...» Не забудь кавычки. «Такой-то ...по состоянию на первое декабря 1941 года выполнил следующие задания общества...» С красной строки... «Первое. Симулируя заболевание, сумел уклониться от призыва в армию. Второе. Раздобыл и сообщил секретные данные о Зауральском буроугольном месторождении. Третье. Проник в гидрогеологический отряд...»

Каждое слово, произносимое доктором, сгибало Антона все ниже и ниже, тяжелым камнем падало в душу — он терял остатки способности хоть к малейшему сопротивлению. Тем более, что в этих словах-камнях все было правдой.

— Далее... «Умышленно пошел с начальником отряда Студеницей в трест «Мелиоводстрой», с тем чтобы узнать, где хранятся геологические материалы по Песчанке. Впо-

следствии эти материалы были похищены мной и представлены в общество».

— Я их не крал... — тупо пробубнил Антон.

— А это что? — Вадим Валерьянович усмехнулся и, вынув из-за настенного зеркала бумажный сверток, бросил его на стол.

Антон с тоской узнал знакомые синьки. Подлога быть не могло. Когда снимал копии, Антон увлекся и не заметил, как огонек с сигареты упал на одну из колонок. Потом он очень боялся, как бы старушка-геологиня не обнаружила огреха.

— Какое значение имеет, кто и когда извлек их из шкафа? — мрачно усмехнулся Вадим Валерьянович. — Важно то, что об их местонахождении знали лишь ты да Студеница. Но тот вне подозрений, а ты...

Состояние полной прострации охватило Антона. Он уже тогда понял, что проклятый доктор никакое не «общество», что все, известное ему об Антоне и Марии, он узнал из самого его, Антоновой, болтовни (в действительности Вадим Валерьянович впоследствии о сестре ни разу не вспомнил)...

Под утро, когда Антон немного пришел в себя и снова принялся за еду, Вадим Валерьянович позволил себе стать прежним добряком.

— Не бойся, Антон. Не так страшен черт, как его малюют. Собственно, тебе ничего опасного делать не придется. Будешь каждую неделю писать маленький отчетик о делах в отряде и на объектах комбината.

— Я в химии ни лешего не понимаю! — запоздало огрызнулся Антон.

— Ничего понимать и не надо. — Голос доктора стал совсем ласковым. — Подивился со стороны, спросил когонибудь, что это такое,— и все. На планчик — и конец делу.

Антон обреченно вздохнул, потянулся к колбасе.

— А ко мне больше не заходи. Я сам позову, когда надо будет. Раз в неделю будешь являться вот по этому адресу в Песчанке. Напишешь отчетик, передашь хозяину — и гуляй домой. Ежели что надо будет — еда, деньги или еще что, — тоже передашь через хозяина.

«Хозяином» оказался повар одной из столовых химкомбината Ибрагимов. Это был толстый одноглазый, со-

вершенно лысый старик со смуглым азиатским лицом. Антону не раз случалось видеть его, когда в пору организации отряда рабочие-буровики питались при химкомбинате. Встретились, ничуть не выдав взаимного удивления. Антон, ежась и внутренне содрогаясь, написал первый свой «отчетик», запечатал в конверт, передал Ибрагимову и ушел.

Точно так же случилось во второй визит, затем в третий... Хозяин дома был не из говорунов, да и Антон не был расположен к болтливости — он наивно полагал, что одноглазый молчун не знает, кто он и где работает. Позже Антон понял, что это не так, как понял другое — доктор осведомлен о делах на комбинате куда лучше его и что «отчетики» вовсе не главная цель Вадима Валерьяновича.

Самое главное и страшное произошло в начале марта, когда Студеница командировал Антона в управление за спиртом.

На зауральском вокзале Антона неожиданно встретил доктор. Он был по-обычному приветлив. Поехали к нему на квартиру. За ужином Вадим Валерьянович интересовался привычками Студеницы и в конце концов как-то по-обыденному, спокойно произнес:

— Ну и чудесненько. Значит, ключи на ночь кладет под подушку? Лучше не придумаешь. Вот и заберите завтра ночью из его сейфа всю геологическую документацию.

— Как это забрать?

— Очень просто.

— А если он проснется?

— Что ж... Тем хуже для него. Придется вам его...

Антон дернулся всем телом.

— Ничего, ничего, справитесь, — хохотнул доктор.

Что было дальше, Антон помнит плохо. Визжал, кричал или просто-напросто шептал — выпало из сознания. Знает, что твердил одно: «Нет, нет, не могу, не умею!» — а все остальное окуталось дымом. Пришел в себя после истерики лишь тогда, когда Вадим Валерьянович свирепо швырнул его на пол.

— Заткнись! Молчать! — И доктор сунул руку в карман. — Знал, что ты слюнтяй, но быть трусом до такой степени... — И вдруг выхватил пистолет. Пошел к Антону. Схватил свободной рукой за лацкан пиджака: — Встать! Слушай меня внимательно! — Вадим Валерьяно-

вич несколько раз встряхнул Антона. — Бог с тобой, коли ты такой заяц... В самом деле, можешь только напортить... Завтра в два часа ночи откроешь коридорную дверь. Но смотри, чтобы все спали!

— Ни у кого в общежитии нет часов, — капитулировал Антон.

— Они тебе и не нужны. Последний ночной поезд из города приходит без двадцати два. Подождешь немного — и топай во двор. Ясно?

— Ясно.

— И смотри не вздумай... Никуда от пули не уйдешь. Хотя... — Вдруг зло оскалился, сунул пистолет в карман. — Симулянта, дезертира и предателя пуля везде найдет! Видишь документы? Если вздумаешь донести — они обязательно попадут в руки чекистов. Эти с тобой церемониться не станут!

Вадим Валерьянович пришел не один. С ним было двое спутников. Один — неизвестный — остался в тени на улице, Ибрагимов затаился в коридоре, а доктор с Антоном вошли в комнатушку Студеницы. Доктор, видимо, чувствовал себя не очень уверенно. Он оглядел комнатушку, тускло освещенную через окно уличным фонарем. На столе стояли открытая банка тушенки и почти полная бутылка — он опасливо понюхал консервы и содержимое бутылки. Подошел к койке Студеницы, настороженно полюбопытствовал, что за лекарство, — и опять-таки понюхал содержимое стакана. Стараясь не шуметь, выплеснул воду в плевательницу, а вместо нее налил из бутылки. По комнатушке растекся запах спирта. Графин с водой доктор убрал на подоконник и прикрыл занавеской.

Студеница вдруг заворочался, скинул с груди одеяло. Вадим Валерьянович откинулся в тень, в руке его тускло блеснуло металлическое. У Антона оборвалось что-то внутри.

Студеница скинул ноги с кровати, сел, тяжело передохнул несколько раз, держась одной рукой за сердце. Другой стал шарить по табуретке. Нащупал коробочку, взял сразу две таблетки, кинул их в рот и тотчас схватил стакан, сделал несколько крупных глотков...

Дальнейшее, как потом казалось Антону, длилось очень долго. Со стуком поставив стакан обратно на табу-

рет, Студеница передернулся, схватился обеими руками за впалую грудь, захрипел, повалился на постель. И стал биться на койке, хрипя и икая. Бился, бился, а потом затих, вздохнул глубоко и уронил длинную руку на пол.

Из тени шагнул доктор. Снял перчатку, взял Студеницу за запястье. Замер. Затем повернул начальника отряда на бок, накрыл одеялом. И вдруг нервно засмеялся, адресуясь к замершему Антону:

— Вот и все. А ты боялся... Шито-крыто.

Только тогда понял Антон, что произошло. Чтобы не упасть, вцепился рукой в полушубок, висевший рядом на гвозде.

Доктор снова надел перчатку, извлек из-под подушки ключи...

Покидая барак, Вадим Валерьянович приостановился на крыльце, похлопал готового упасть Антона по плечу, шепнул ободряюще:

— Все хорошо. Не волнуйся. Не забудь запереть изнутри коридорную дверь. — И, увидев, как вышел из тени и махнул рукой третий — неизвестный, поспешно простился.

Антон отупело постоял на морозе, а потом побрел к себе на нары, забыв о наказе доктора. До утра не сомкнул глаз. Не то чтобы переживал и страдал, а просто лежал пластом: измученный и обессиленный. Лишь утром вывел его из этого оцепенелого состояния истошный вопль Дарьи Назаровны:

— Робя-я-ты-ы-ы... Ефим Нилыч помер!

Впоследствии, когда прошли первые страхи, порожденные появлением милиционеров и представителей управления, у Антона родилось вдруг дикое, но тем не менее прочное убеждение, что проклятый Вадим Валерьянович уже никогда не появится на его пути, что он должен исчезнуть навсегда. Почему? Антон того не знал. Поверил в это — и все. И потому на какое-то время почувствовал себя спокойнее. В конце концов Студеницу он не убивал, а умереть вот так, выпив спирту вместо воды, начальник отряда мог и без чьего-либо присутствия.

Но иллюзии скоро пришел конец. Для этого Антону было достаточно увидеть Ибрагимова с тем, с третьим, с неизвестным. То был именно он. В ночи Антон не видел и не мог видеть, что он плечист и сутуловат, что поверх ватника и теплых штанов на нем натянут брезентовый

костюм, но обостренная страхом и переживаниями память четко запечатлела его силуэт, все его немногочисленные движения. Теперь сомнений быть не могло. Это был он, тот третий, что остался на улице. Сейчас, на тротуаре, он точно так же помахивал рукой, шагал так же широко, как в недавнюю мартовскую ночь...

Несмотря на вспыхнувший с новой силой страх, подталкиваемый неясным, но могучим инстинктом самосохранения, Антон покинул очередь в поселковую баню (в которой мерз около часа) и молча последовал за Ибрагимовым и его приятелем, мирно беседовавшими по пути. Зачем? Опять-таки не знал.

К счастью, идти пришлось недолго. Ибрагимов со спутником свернули в ближайший переулок, а затем вошли во двор небольшого дома. Глядя из-за угла, как тот, в брезентовом, стоял на высоком крыльце и по-хозяйски открывал замок, Антон злорадствовал. Впервые в жизни кто-то мог зависеть и от него, слабака и неудачника Антона. Случись идти в органы безопасности с повинной — будет что принести в свою пользу. Хотя сама мысль о встрече с чекистами приводила его в ужас, возможность заполучить какой-то шанс прибавила ему энергии, сделала смелее.

Руководимый этим новым чувством, он почти все свободное время шатался возле заветного переулка, подглядывая за домом с высоким крыльцом. Ничего нового он не обнаружил. Человек в брезентовом костюме утром уходил, а вечером приходил, днем же в доме и во дворе хлопотали старик со старухой таких преклонных лет, что даже Антону было ясно — никакого интереса они не представляют. Он узнал, что человек в брезентовой куртке — квартирант, что работает монтажником на химкомбинате, что зовут его Николаем. И все. И тем не менее ходил. Подвижнически мерз на резком весеннем ветру. Чего-то ждал, на что-то надеялся. И все-таки дождался.

Антон глазам своим не поверил, когда из дома вышли двое. Тот, третий, и удивительно знакомый невысокий человек в пушистой шапке и ладно подогнанной офицерской шинели. Шел не кто иной, а тот самый розовощекий бодрячок, которого встретил Антон в первое посещение Вадима Валерьяновича.

Подгоняемый мстительной радостью, Антон вслед за путниками дошел до вокзала. Там монтажник и его гость

простились. Первый уехал на химкомбинатовской автомашине, а второй пошел покупать билет на дневной поезд. Тут будто кто толкнул Антона в спину. Он тоже купил билет и лишь потом побежал звонить в контору. Сказал оставшемуся за начальника Ване Зубову, что надо срочно съездить в город, так как получил от квартирантов неприятное сообщение, что отработает свою смену в воскресенье. Добряк Зубов не сумел отказать.

Сели в один вагон. Хотя ехать предстояло недолго, Антон сразу забрался на третью полку. Притворился спящим, а сам следил сквозь прижмуренные веки за пушистой шапкой. Хозяин ее оказался общительным и непоседливым человеком, заводил беседы то с одним пассажиром, то с другим, кочевал из купе в купе, а то выходил в тамбур. Его подвижность причинила боявшемуся слезть с полки Антону много неприятных минут. За те три часа, что тащился поезд до Зауральска, он устал, словно отработал подряд две смены на буровой.

Но об усталости Антон вскоре забыл, ибо терпение и настойчивость его были вознаграждены сторицей. Пушистую шапку в городе встретил Вадим Валерьянович собственной персоной. Правда, для этого пришлось проехать вместе с бодрячком на трамвае, потом на повороте выпрыгнуть из него, когда тот неожиданно вышел на одной из остановок. Все остальное произошло очень просто. Антон спешил догнать пушистую шапку, мелькавшую в толпе, и чуть не столкнулся с доктором, стремительно вышедшим из аптеки (уже потом Антон догадался, что тот, видимо, точно знал время встречи и через стекла витрины разглядывал прохожих). Доктор не заметил Антона. Не оглядываясь, заспешил к замедлившей движение пушистой шапке.

Они свернули в пустынный скверик, сели на скамью и стали о чем-то беседовать. Антону, нырнувшему в хлебный магазин, было отлично видно, как дородный доктор прижимал руки к груди, словно оправдываясь в чем-то, а бодрячок, энергично жестикулируя, говорил сердито и быстро. Поговорив недолго, они встали, кивнули друг другу и зашагали в разные стороны: Вадим Валерьянович — горбясь, точно побитый, а бодрячок — по-военному браво. Сердясь на сгущающиеся сумерки, Антон вновь последовал за ним.

Через несколько кварталов пушистая шапка уверенно

свернула во двор небольшого двухэтажного дома, и вскоре в угловом окне на втором этаже вспыхнул электрический свет.

Очень довольный собой, Антон возвратился на вокзал.

Буквально через день Антон стал военным человеком — всех буровиков влили в состав подразделения майора Селивестрова. Исчезла причина бояться военно-медицинской комиссии. Вроде бы все складывалось наилучшим образом, а настоящее успокоение не приходило. Наоборот, Антон интуитивно чувствовал, что над головой его сгущаются тучи. Он не мог понять, откуда исходит угроза, и потому мучился вдвойне. То, что коварный доктор может сообщить о нем чекистам, представлялось Антону невероятным. Новое появление Вадима Валерьяновича казалось еще более невозможным. Да к тому же в руках Антона имелись кое-какие козыри... И тем не менее ощущение беды зрело и крепло. Антон приглядывался к офицерам, прибывающим специалистам и ни в одном из них не почувствовал опасного человека. Лишь встречаясь с медведеподобным майором Селивестровым, ощущал Антон подобие робости. Остальные командиры были бывшими буровиками и геологами — «своим братом», были по горло поглощены организационными заботами, и Антон ясно видел, что им нет дела ни до истории с документами, ни до Студеницы, ни до того, что его кто-то мог умертвить. В общем, это были очень неплохие, деловые люди, и бояться, к примеру, Крутоярцева или Гибадуллина не имело смысла.

А старший лейтенант Бурлацкий даже откровенно нравился Антону. Скромный, неприметный молодой человек занимался своими геологическими делами, не вмешивался в производственную кутерьму, не читал свежеиспеченным красноармейцам моралей и уставных ижиц. Изредка появляясь в казарме, Бурлацкий не придирался к дневальным и тем бойцам, у которых видел нарушение формы. Подходил, улыбаясь светлыми глазами, произносил юношеским тенорком: «А ремешок-то...», «Гимнастерочка — не воздушный шар. Иногда требуется одергивать». Или что-нибудь в таком же духе. Такой человек внушать опасения не мог.

И тем не менее страх и тяжелые предчувствия угнетали Антона все сильнее.

Настал день, когда предчувствия сбылись. Однажды вечером, когда получивший увольнение Антон возвращался из кино, его догнал Ибрагимов и приказал следовать за ним. Что-то такое угрожающее и злое было в его глухом голосе и тусклом блеске единственного глаза, что Антон похолодел, внутренне съежился и покорно потащился за молчуном-поваром.

В квартире Ибрагимова их ждал Вадим Валерьянович. Он был очень утомлен и несловоохотлив. Приказал Антону рассказывать о всех новостях, а сам открыл блокнот и приготовился записывать. Куда-то мгновенно улетучилась недавняя Антонова уверенность, он разом забыл о «козырях» и намерении попугать доктора своей осведомленностью. Покорно рассказал о всем, что делалось в подразделении, а потом безвольно принял к исполнению очередное приказание.

Сейчас, глядя в живую, шевелящуюся темноту казармы, Антон готов по-звериному взвыть от своего бессилия, от тяжких предчувствий и огромной усталости, парализовавшей все его чувства. Он боится чекистов, боится разоблачения, боится суровых законов военного времени, но еще больше боится выполнить приказ ненавистного Вадима Валерьяновича. И в то же время понимает, что выполнит, ибо ужас, испытываемый перед доктором, всего сильнее — он знает об Антоне все.

11. СИНИЙ ПЕРЕВАЛ

Марфу Ниловну обнаружили на «барахолке». Она торговала залатанными брезентовыми и хлопчатобумажными спецовками да наволочками, сшитыми из ветхих простыней. Эвакуированный люд был рад и этому гнилому товару — торговля у старухи шла бойко.

По просьбе Бурлацкого Марфу Ниловну допрашивают оперуполномоченный местного управления госбезопасности и следователь уголовного розыска. Сам Бурлацкий сидит возле приоткрытой двери в смежной комнате и записывает наиболее существенные показания. Вернее, готов записывать. На самом же деле с трудом сдерживает зевоту, а карандаш так и лежит на столе. Ничего важного

Марфа Ниловна не говорит, только всхлипывает и беспрерывно твердит, что у нее сын тоже воюет, что она стара и одинока...

— Так зачем вы все-таки приезжали к брату в Песчанку? — уже в который раз устало спрашивает оперуполномоченный.

— Говорила ведь... Навестить. Брат он мне или кто? Соскучилась.

— Кончайте юлить, Марфа Ниловна! — сердится следователь. — Кажется, вам ясно доказано, что нам отлично известны ваши истинные отношения с покойным братом. Что это за внезапная вспышка любви? Впервые за пятнадцать лет отправиться к Студенице в полевую партию... А какова истинная цель вашего визита?

— Никакая. Навестить. — Следует всхлип. — Да уж не отвяжешься от вас... Денег хотела занять. Женщина я одинокая, бедная...

— Тем не менее за последние месяцы умудрилась положить на сберкнижку более пятнадцати тысяч рублей. Кто вам их дал?

— Мне? — Голос женщины звучит испуганно. — Никто не давал. Кто это даст?.. Кому я нужная? Сын на фронте, муж помер, брата нету...

— Значит, вы приезжали к брату за деньгами, — констатирует оперуполномоченный. — Несмотря на то, что в ранних показаниях называли его голодранцем. Имея к тому же крупную сумму на книжке...

— Да чево вы ко мне пристали? Чево вам от меня надо?..

— Зачем вы приезжали к брату? Откуда у вас появились столь солидные доходы?

— Откудова... Думаете, воровка я? Накося, не поймаете! — В голосе Марфы Ниловны звучит откровенная злость. — На складе утильсырья работаю. Там нечего воровать. А ежели какая рубашонка али штаны попадутся подходящие, так собственными руками штопаю...

Бурлацкому становится совсем скучно. Бесполезная трата времени. Мелкая спекулянтка. Приспособленка. Органы милиции почти ежедневно задерживают возле санпропускников, где переодевают в военное мобилизованных, таких вот торговок, с небольшой приплатой меняющих различное носильное тряпье на более или менее добротную одежду. Многих толкает на это суровая военная

нужда, но есть и ловкачи, открывшие здесь золотую жилу. Такие дельцы ведут дело шире: завязывают дружбу с кладовщиками армейских вещевых складов, со старшинами карантинов и пересыльных пунктов. Тряпье там нужно лишь для счета, а спекулянт добрую вещь несет на рынок...

— Так зачем вы все же ездили в Песчанку?

— Зачем, зачем... Разжуй да в рот положь! Ветошь привезла. Хотела на списанные шмутки сменять. Им ведь все равно — лишь бы по весу... И работы лишней не делать.

Бурлацкому представляется, как к утомленному, продрогшему Студенице заявилась сестра с мешком тряпья... Конечно, так и было. Списанные спецовки и постельное белье полагается изрубить и изорвать в присутствии специальной комиссии. А потом оприходовать, как обтир. Народу же в отряде — раз, два — и обчелся! Кого включать в комиссию, кому рвать и стирать обноски? Ясное дело, жадная старуха рассчитала верно.

— И что же, обменяли?

— А куда денется? Поартачился, поругался... — И опять завсхлипывала: — За что на меня такая напасть? Ить не воровка. Не все равно им, какими тряпками свои железяки обтирать... Думаете, сладкое дело их ремехи стирать да чинить? Как бы не так!

Бурлацкому ясно: надо кончать допрос — к смерти Студеницы эта базарная пройдоха отношения не имеет.

В геологическом управлении старшего лейтенанта ждет очередная неудача. Получив от нормировщиков пачки старых сменных рапортов Песчанского отряда, он долго листает их, но почерка, сходного с тем, что в тетрадке, обнаружить не может. Проходит час за часом, растет гора просмотренных рапортов, а результат прежний — не видит Бурлацкий нужного почерка.

Задумывается. Рапорт должен заполнять и подписывать сменный мастер. Поскольку ничего обнаружить не удается — значит, почерк в тетрадке принадлежит не сменному мастеру. Тогда кому? Механику, шоферу, коллектору? Но таких специалистов у Студеницы не было...

Бурлацкий вспоминает то, уже далекое время, когда сам работал гидрогеологом. В ту пору существовали точ-

но такие же порядки. Впрочем, помнится, старые мастера, к которым рабочими ставили более грамотных мальчишек, предпочитали, чтобы рапорта заполняли эти мальчишки, а они, сменные мастера, лишь подписывали. Так что из того? Не заставишь же всех бывших мастеров и рабочих отряда Студеницы писать диктант! Нежелательно.

Но все же выход надо найти. Любой работник так или иначе оставляет после себя собственноручно написанные документы. Хотя бы то же заявление о приеме на работу или какую-нибудь анкету... А что еще? Расписывается в платежных ведомостях, расходных ордерах...

Осененный догадкой, Бурлацкий возвращает рапорты нормировщикам, а сам спешит в бухгалтерию. Требует у расчетчиков старые авансовые отчеты по Песчанскому отряду.

И опять перед глазами мелькает документ за документом. Сидя в пустынной камералке, Бурлацкий все-таки прячет тетрадку под бумагами, а сам сравнивает, сравнивает... До тех пор пока не начинает рябить в глазах. Заставляет себя откинуться на спинку стула, хочет думать о другом. Получается плохо. Наверное, оттого, что, помимо дела, думать Бурлацкому почти не о чем. Правда, где-то в Караганде живут мать, сестра и отчим, но это очень далеко. И во времени, и в пространстве...

Отца Николай не помнит. Сибирский крестьянин-переселенец, в гражданскую войну он погиб от пули белогвардейца-кулака. Мать поехала в родные края — под Вологду. Через несколько лет вышла замуж за приезжавшего в отпуск донецкого шахтера. Уехала. Николай остался у бабушки.

Только и сохранилось в памяти — старая кривобокая изба на косогоре, морщинистое, доброе лицо бабки Агриппины да сельское стадо, при котором каждое лето он состоял подпаском. И еще классные комнаты: сначала в сельской школе, потом в интернате, потом на рабфаке, потом в институте...

Кажется, всю жизнь только то и делал, что учился. После института учился практической работе в поле. Только-только освоился — был направлен с комсомольской путевкой в органы госбезопасности. И опять учеба. Учился и военному делу вообще, и караульной службе, и оперативным навыкам, и еще многому-многому... Все время под чьим-то началом, под чьим-то руководством, все время в

учениках. Лишь теперь первое самостоятельное задание. И как-то не хочется думать ни о чем, кроме него.

Жены нет. Нет и невесты. Почему-то не получались и не получаются у Николая дела по сердечной линии. Были мелкие романы, серьезного ничего не было. И вспомнить не о чем. Давно ушла из жизни добрейшая бабка Агриппина. Фотографии ее у Николая нет, и он, грешным делом, начал забывать, какой она была. Знает: лицо было морщинистое, ласковое... И все. И ничего больше. А мать так больше и не приезжала. Прислала пять лет назад в родную деревню из Караганды — куда перевели мужа — фотографию и замолкла на том. С карточки глядят: коренастый усатый мужчина с веселым лицом, полная курносая женщина и голенастая пучеглазая девчонка — сестра. Обыкновенные, но в то же время вроде бы совершенно посторонние люди. Даже адреса их нынешнего не знает Николай. Некому послать подарок или хотя бы перевод с получки. Собственно, при желании можно бы раздобыть адресок, но что-то мешает сделать это. Не то времени не хватает, не то настойчивости... Скорее всего — желания. Как ни говори, а люди они Николаю Бурлацкому в самом деле чужие. Ни копейкой, ни посылкой, ни добрым словом не помогли в сиротстве. Впрочем, Николай претензий не имеет. С мальчишества привык быть самостоятельным. К тому же все, кто знал отчима и мать, отзывались о них неплохо... Может, и в самом деле не знали, что еще в тридцатом году остался тринадцатилетний Николка один-одинешенек...

Сейчас, ясное дело, ни мать, ни отчим (о сестре — интересно, с какого она года? — и говорить нечего) даже не подозревают, где служит и что делает он, когда-то брошенный ими Николай Бурлацкий. Но это не столь важно. Важно другое: кто все-таки писал в тоненькой студеницинской тетрадке? Через этого человека лежит путь к разгадке всей песчанской трагедии.

И вновь мелькает документ за документом — бесчисленное количество строк и подписей. Все же много порождается писанины даже крохотным буровым отрядом, в коем нет ни одного канцелярского работника! Но... Стоп! Что это? Вот они — похожие буквы. Посторонние мысли вон. Главное — не торопиться.

Бурлацкий неторопливо роется в пачках документов. Уже не вглядывается в строки. Ищет определенную фами-

лию. Вот перед ним три авансовых отчета. Так и есть. Ошибки быть не может. Почерк сменного мастера Коротеева!

Коротеев? Каков он из себя? Фамилия знакомая, но лица буровика Бурлацкий вспомнить не может, хотя отлично знает, что не раз видел сменного мастера в казарме. Впрочем, теперь это не имеет значения. Теперь этот неприметный Коротеев никуда не денется.

Чувствуя огромное, опустошающее облегчение, Бурлацкий поднимается со стула, с наслаждением потягивается, улыбается своим веселым мыслям: как-то крякнет железобетонный Селивестров, когда узнает новость!

А мысли Селивестрова в самом деле далеки от Бурлацкого и сделанных им открытий. Майор завершает очередное длительное путешествие по району. Ищет Синий перевал. Не допускает мысли, что он, фронтовой офицер, отступит, не найдет то, что сумел найти покойный труженик Студеница.

Вчера вечером глубокий старик, хозяин дома, в котором остановился майор на ночлег, рассказал любопытную историю. Будто бы лет пятьдесят назад приходилось ему бывать в Татарском хуторе, что в тридцати верстах от Песчанки, и удивил его имевшийся там колодец. Во всех селах колодцы глубиной до десяти метров, а этот гораздо глубже, и якобы вода в нем была несказанно сладкой, какой старику ни до, ни после того нигде отведать не доводилось. Он так и говорил: «сладкая» — и клялся святой богородицей.

Подобных историй Селивестров наслышался много, но проверка всякий раз гасила надежды. Рассказчики или что-то путали, или давали волю фантазии, или не понимали, о чем шла речь. Вполне могло случиться так и в этот раз, но Селивестров все-таки нашел в райземотделе дореволюционную карту и к глубокому своему удовлетворению обнаружил на ней Татарский хутор. На новых картах он назывался очень мудрено: деревня Зангартубуевка.

Верный своим привычкам, майор откладывать не стал, и теперь «вездеход» ползет по ухабам к этой странной Зангартубуевке. Сзади сидят лейтенант Гибадуллин и Ваня Зубов. Помпотеха и старшего коллектора — новоиспечен-

ного сержанта — Селивестров взял с собой умышленно. Поскольку путь лежит на юго-запад, независимо от результатов поездки он намерен заложить там несколько поисковых скважин. Потому предстоит сразу обследовать состояние подъездных путей, мостов, выяснить наличие квартир, электроэнергии... Да мало ли дел! Времени на лишние разъезды нет. Все заинтересованные инстанции денно и нощно бомбардируют майора запросами, всем нужна вода, и бесконечно огрызаться нельзя. Подоспела пора для конкретных шагов. А куда шагать?

Утром произошла неприятная телефонная стычка с Батышевым. Директор опять-таки требовал ясного ответа: где строить насосную, куда тянуть магистральный водопровод — и Селивестров чувствовал себя скверно. Потом на несколько минут заехал Купревич и конфиденциально сообщил, что через две-три недели комплекс пороховых цехов будет полностью готов к пуску.

— Следовательно, дело за вами, Петр Христофорович, — озабоченно сказал особоуполномоченный. — Запасов воды в водохранилищах хватит ненадолго. Так что готовьте окончательное решение. Отступать уже некуда.

Селивестров понимал так же — некуда. В поселке и на территории комбината все водопроводы уже уложены в траншеи, засыпаны землей. Везде, где положено, установлены водоразборные колонки, смонтированы краны. Дело за малым — за водой, которую сам Селивестров еще не знал где взять.

Поэтому майор, как все последнее время, неразговорчив и хмур, хотя в машине весело. Молоденький шофер, Гибадуллин и Ваня Зубов оживленно обсуждают весьма важное сообщение из Казани, где у помпотеха родился сын-первенец весом три с половиной килограмма. Никто из них понятия не имеет — много это или мало, и по этому поводу в адрес Гибадуллина-папы как из рога изобилия сыплются добродушные подначки. Благодушно настроенный родитель прощает юным спутникам нарушение субординации и грозится вырастить из сына если не Героя Советского Союза, то уж знаменитого генерала обязательно.

Бездетный Селивестров тоже не знает: много или мало — три с половиной килограмма — и в глубине души тайно завидует расхваставшемуся помпотеху. Это однако не мешает ему размышлять о студеницинской загадке: что все же означает название Синий перевал?

Зангартубуевка оказалась небольшой, частично покинутой жителями деревней. Половина домов стоит с заколоченными окнами. Выбравшись из «виллиса», Селивестров долго озирается, удивляясь людям, покинувшим столь веселое, зеленое место. Сразу за огородами кучно теснятся белые березки, на отяжелевших ветвях которых набухают почки. Внизу — деревня на угоре — куда хватает глаз: деревья, кусты. Для полустепного края местность и впрямь нарядная. Тем не менее люди почему-то отселились отсюда.

— Веселое место, а народу того... — поздоровавшись, обращается майор к вышедшей из ворот ближнего дома женщине.

— Веселое... — огорченно отмахивается женщина. — Красотой-то единой жить не будешь. Есть нечего — так и из рая сбежишь.

— Это почему же нечего? — удивляется майор.

— Это вам лучше дед Лука расскажет. Он тутошний. Вон на том порядке шестой дом с краю...

Дед Лука оказывается древним, замшелым, но чрезвычайно общительным стариком. Он, очевидно, радехонек приезжим людям. Охотно рассказывает и о себе, и о деревне:

— Точно. Бежит народ. Около двухсот дворов ране было, а теперь семнадцать осталось... Хутором Татарским до гражданской войны назывались. Это точно. Нет, татар почти не было. Казахов несколько семей имелось. Пастухами на лето нанимались. Тутося у нас, дорогой человек, издревле скотоводили. Мясом жили, значится. Пахарев не было. Нет. Все коровушек, лошадок, а боле овцу держали...

— С чего же скотина перевелась?

— Дык как сказать... — Дед Лука озабоченно теребит сухой, коричневой рукой свою зеленоватую свалявшуюся бороденку, частит шепеляво: — В гражданскую-то у нас тутося горячее дело получилось. Почитай с самого семнадцатого года до двадцать первого только то и делали, что пластались да стрелялись. Воевали. Н-да... Хозяйствовать было некому. Угодья, стало быть, мил-человек, заросли кустарником, чертополохом, березой... Места-то у нас сам вишь какие. Деревня на угоре, а кругом, стало быть, низина. Сырые места. — Дед обводит вокруг себя рукой. — В прежние-то времена, как сухое лето выпадет — степь выгорит, так из соседских сел к нам скотину спасать гна-

ли. Н-да... У нас не выгорало, стало быть. Это когда угодья по-хозяйски держали...

— А кто сейчас мешает?

— Дык как сказать... — Дед Лука опять хватается за бороденку. — Никто не мешат. Лес корчевать некому. А те пастбища, шо внизу, за лесом, стало быть, были, так их тепересь нетути. Пустыри, стало быть. Мимо ехал, чать видел?

— Видел.

— Во-во! — Дед Лука начинает плачуще моргать. — Тутося у нас семь зим назад колхоз организовали. Хорошо жить стали. А потом, стало быть, председателя нам нового дали. Приезжего. Ну, тот песчанского начальства послушался — давай пахать луга-то... Стало быть, вместо скота с этой земли зерном больше выгоды взять захотели. А получилось... — Дед кривит бесцветные губы. — Получилось негоже, мил-человек. Зерно-то родиться не захотело. Три года кряду емтэеса эта самая пастбища плугами ворочала, три года мы зерно на посев покупали — и все как кобыле под хвост. Вот и дожили. Землю-матушку нарушили — ни хлебушка, стало быть, ни травушки... В засушливый год как пошли буря за бурей — крыши с изб срывало, — а уж голехонькая родящая-то земля, стало быть, вся в пыль...

— Что, весь плодородный слой сдуло?

— Сдуло, мил-человек, сдуло. Не растет там ныне ничево. Вот и останные семьи в бега бросились. Кто в Песчанку, кто в город... Стало быть, помирать никому не охота...

— А вы почему остались?

— Дык как сказать... — Дед грустно крестится. — Куда я с родного погосту? Деды мои, тятя с матерью, жена тутося схоронены. Два сына в гражданскую... Куда я от них? Даст бог, перебьюсь как-нибудь. Вон сноха да двое внучков на руках...

— Вы местный уроженец?

— А как жа... Еще дед моего деда тутось поселился.

— Так... — Селивестров оглядывается, увидев сруб колодца, подходит к нему. — Это ваш, вы копали?

— Нет, тятя мой.

— Глубокий?

— Не шибко. Пять сажен. При мне копали.

— Камни были?

— Нету. Сплошь глина, суглинок, супесь... Вон в огороде я сам копал. Тамося та же история.

— Вода солоноватая?

— Дык как сказать... Мы привышные. Вот только мало ее. Летом, стало быть, аж до дна вычерпываем. Угощайтесь, не жалко. Бадья на месте. Не хороним...

Ваня Зубов с Гибадуллиным извлекают ведро воды, набирают в бутылки пробы. После этого поочередно прикладываются к краю ведра. Прикладывается и майор. Вода и в самом деле чуть солоновата на вкус — такая же, как во всех колодцах Песчанского района. Сделав несколько глотков, Селивестров разочарованно отходит от сруба.

— Вода как вода... — бормочет дед Лука. — Вот в сабуровском колодце — энто да! В праздники, стало быть, на чай да на еду оттудова берем. Хоть и далече... Сладка водица!

— В сабуровском? — вздрагивает майор. — Сладка? Где это?

— Енто на околице. Аж у старой поскотины...

— Вы не покажете нам?

— Можна. Отчегось не показать... — И дед Лука, опираясь на такой же, как сам он, почерневший, высохший березовый посох, семенит по улице, обходя редкие лужи.

Селивестров с надеждой глядит на его худую, сутулую спину и начинает волноваться.

— Глубокий ентот сабуровский колодец, — словоохотливо поясняет на ходу дед Лука. — Восемь лет тому меряли мужики. Аж пятнадцать сажен! Сруб лиственный — лес издаля привезенный.

— Кто его копал?

— А никто не знат. Кличут сабуровским, хошь усадьба та, сколь народ помнит, Пупыревых была. Тамося и сейчас Клавдя Пупырева живет. Мужик-то на войне...

Старая блестящая цепь ползет из колодца ужасно медленно. Так, по крайней мере, кажется Селивестрову. Большой, высоченный, он топчется возле древнего, как дед Лука, темного листвиничного сруба и ждет не дождется появления бадьи.

— Из деревянной посудины ента вода сладше, — тараторит не умеющий молчать дед, ему приятно угостить неожиданных гостей хотя бы водой. — Клавдя, тащи-ка ковшик!

Первым пьет Селивестров. Он делает один маленький глоток, затем другой и, поняв все, все-таки не верит себе — начинает пить быстро и емко. В душе его рождается праздник. Кажется, такой вкусной воды он не пивал ни разу в жизни. Только в карбонатных породах Урала бывает такая вода. Это отмечает для себя майор уже как-то так, попутно, в силу практической привычки сразу искать аналоги.

Шофер, Гибадуллин и Ваня Зубов с любопытством глядят на своего командира. Ждут обычной картины: вздоха разочарования, тяжелого взмаха руки. Но происходит иное. Передав помпотеху ковш, Селивестров вдруг хватает деда Луку под мышки и, как малыша, подымает в воздух.

— Ну, дедушка, спасибо! Знатной водичкой угостил!

Опешивший дед беспомощно болтает тонкими, кривыми ногами, бормочет растерянно:

— Э... э... э... паря...

Все находящиеся во дворе, в том числе и дородная хозяйка двора Клавдия, громко хохочут.

— Вот что,— говорит Гибадуллину майор, поставив старика на землю,— садись в машину, осмотри хорошенько подъезды — и на базу. Электроразведчиков сюда. Два станка колонкового бурения и ударник тоже сюда. В полном комплекте. Геофизики к вечеру должны быть здесь. Понятно?

— Будет выполнено!

— Тогда торопись. А мы с Зубовым тем временем оглядимся, подыщем жилье и всякое прочее.

— Понятно.— И шоферу: — Подгоняй! — Помпотех медлить не любит.

— Здоров, чертяка! — морщась, щупает бока дед Лука.— Ентак и дуба сыграть можно...

— Живи, дедушка, живи! — широко улыбается ему Селивестров и тут только замечает, какие ветхие пиджачишко и брючонки на старике.— А водичка эта возродит твою деревню.— И поворачивается к Гибадуллину: — Ты вот что... Передай Крутоярцеву, чтобы прислал сюда полный комплект обмундирования. Поменьше размером.

— Будет выполнено! — Губы Гибадуллина привычно расползаются.— Переслать комплект обмундирования помельче, сахару, чаю и консервов.

— Совершенно верно,— хвалит его за сообразительность майор.

— Да что ты, мил-человек...— Дед Лука растроганно моргает.

— Ничего, ничего. Так и надо. Новость твоя дороже стоит, хороший ты наш дедуся,— продолжает улыбаться Селивестров.— Ты вот лучше припомни, где тут у вас есть Синий перевал?

Дед Лука с готовностью закатывает выцветшие глаза к весеннему голубому небу, теребит бороденку. Майор с надеждой глядит на него. Но старик огорченно вздыхает:

— Нет, мил-человек. Не помню такова. Нетути у нас такова места.

— А ты припомни. Где-то возле вашей Зангартубуевки такое должно быть. Синий перевал, а?

— Нет, не слыхивал такова,— вторично вздыхает старик.

— Так... Почему же деревня русская, а название такое чудное?

— Дык как сказать... В старину баяли, что когдась-то тутося и в самом деле не то казахи, не то татары жили. Отселя и название. Мы-то попросту Татарским хутором себя доныне называем, а ентой За-га... Занга... Зан... Тьфу! Не выговоришь. Ентак ее только почтовики величают.

— Как точно называется деревня? — вдруг вмешивается Гибадуллин.

— Согласно карте, Зангартубуевка.

— Ха! Так это и есть ваш Синий перевал! — обрадованно хохочет Гибадуллин.— Тут только буква пропущена да конец изменен. И распевно декламирует: — Зангар тау буеы — по-татарски значит Синий перевал. Занга-ар та-ау буе-еы!

— Буе-еы...— пробует повторить Селивестров, безнадежно машет рукой и оглядывается.— А ведь точно. Лес и деревня вроде бы как на водораздельной возвышенности.

Подлетает «виллис». Гибадуллин занимает место рядом с шофером.

— Синий перевал... Так вот в чем дело! — Селивестров расхаживает вокруг сруба колодца.— Черт возьми, как просто! Скажи, дедуся, у вас зимой, примерно в фев-

рале, не был здесь геолог? Такой высокий, худой, в черном полушубке...

— Не-е... Не знаю, — пожимает плечами старик.

— Да как же нет! Был. Был, товарищ начальник! — вмешивается дородная Клавдия.— Как раз в конце февраля и был. Тоже колодцем интересовался.

— Ага! — радуется майор.— Значит, правильно. Значит, все-таки нить верная!

— Какая нить? — удивляется Клавдия.

— А-а...— весело машет рукой Селивестров.— Это я так. Скажите, хозяюшка, а где отвал колодца? Куда землю девали, когда его рыли?

— Господи, какая земля? — Хозяйка беспомощно смотрит на деда Луку.— Отродясь никакого отвала не видывала.

— Но хотя бы камни где-нибудь на усадьбе попадаются? — не желает расставаться с тайной надеждой Селивестров.

— Не-е,—качает головой хозяйка.—Какие у нас камни?

— Так оно так,— поддакивает старик.— По всей округе глина да песок. Из всех камней — один кирпич. Ентого добра вдосталь. Хотя...— Он опять закатывает глаза, морщит лоб, теребит бороденку.— А ведь что-то было... Помнится, в мальчишестве Никишка Пупырев, енто, стало быть, Клашкиного мужика дед, как-то запузырил мне по лопатке таким булыгой, что кость чуть не лопнула. Ну да, у ентих самых ворот...

— Каким цветом был тот камень? Какой вообще? — загорается Селивестров.

— А бог его знат...— Дед пялит в небо глаза, накручивает на корявый палец бороденку.— Булыга как булыга. Почитай фунта на два... Говорю, лопатку чуть не погубил. Долго рукой робить ничево не мог...

— Так...— Майор продолжает улыбаться старику.— Значит, чуть не погубил... — И обращается к хозяйке: — Будьте добры, если есть, дайте нам две лопаты. Позвольте порыться возле вашего дома...

Копать землю возле пупыревской усадьбы майору и Ване Зубову помогают сама хозяйка, ее сын и несколько его товарищей. Никто из них не знает, зачем военным людям обязательно нужно найти в деревне хоть какой-нибудь камень, но чувствуют — это очень важно. Вскоре возле дома собирается почти все население Зангартубуев-

ки. Появляются ломы, кирки и даже сломанные лезвия кос-литовок. Никто ни о чем не спрашивает — все работают сосредоточенно и деловито. Из оттаявшей земли извлекаются куски кирпича, сгнивших досок, черепков, сломанных подков и бесчисленное множество коровьих, лошадиных и овечьих костей. Каждая находка сначала сопровождается обрадованным восклицанием, а затем гулом всеобщего разочарования. Особенно шумно огорчается дед Лука, который за неспособностью работать бегает с посошком в одной руке и с печной клюкой в другой от находки к находке.

Так проходит час за часом, но никто не уходит. Видимо, уже давно в деревне не работали вот так, сообща, так как, несмотря на усталость и обилие домашних дел, не только не слышно жалоб, а как раз наоборот, то и дело звучат смех, веселые подначки над неудачниками. Селивестров поглядывает на своих добровольных помощников, и в душе у него крепнет убеждение — с этими работящими людьми он найдет то, что ищет.

И находка приходит. Как всегда в таких случаях, неожиданно. Ваня Зубов, прощупывая землю возле плетня, где до него уже копались многие, вдруг чувствует — в который раз! — под острием лопаты что-то твердое. Раскапывает. Извлекает на поверхность большой тяжелый камень с острыми углами, испещренный ноздреватыми кавернами. Не веря себе, обтирает камень рукавом гимнастерки. Потом подает находку майору. Селивестров восхищенно крякает, знаком просит молоток. Все это молча, без броской жестикуляции.

Удар молотка. Еще удар. Пористый, изъеденный водой и временем камень разваливается пополам, обнажив свое светло-серое нутро. Селивестров бережно проводит пальцами по кристаллическому излому, подмигивает Ване.

— Что? — шепчет тот.— Что это? Известняк?

— Известняк, Ваня,— улыбается Селивестров.— Это батюшка Урал протянул нам руку... Ответвление уральской известняковой полосы.

— Значит...— Ваня простодушно приоткрывает рот.

— Товарищи! — зычно произносит майор, поднимая над головой обе половинки камня.— Кончайте. То, что надо, нашли!

— Дык што енто, мил-человек? — удивляется дед Лука.— Руда какая? Для войны с супостатом?

— Для войны, товарищи, хоть и не руда. Это еще важнее в данных условиях. Это вода. Отличная, качественная вода, которая тоже ой как нужна для победы!

12. ВРЕМЯ ОЖИДАНИЯ

Бурлацкий занимается в областном управлении, где ему предоставили небольшой кабинет. Веселый апрельский день кончается, основательно припекавшее солнце скатилось на край чистого, умытого неба и сквозь зарешеченное окно иронически смотрит на кипу бумаг, лежащую перед старшим лейтенантом. Иронически — потому что сам Бурлацкий глядит на эту кипу с усталым раздражением. Ничего дельного в ней нет.

Казалось бы, главные нити находились в руках, оставалось лишь получить неопровержимые улики и требовать санкции на арест Коротеева, но все ответы на запросы, сделанные Бурлацким, начисто реабилитируют сменного мастера. Как родился в Зауральской области, так ни разу за всю жизнь не выезжал за ее пределы. Окончил семь классов сельской школы, а потом работал. Все время на рабочих должностях. К чему ему умерщвлять Студеницу?

Правда, отец — мелкий шабашник, халтурщик, да и о самом Коротееве в характеристиках лестного мало: индивидуалист, политически инертен, в коллективе держится особняком, а начальник Зауральской партии прямо характеризует его трусом, личностью с собственнической психологией. Но что из того? При чем здесь Студеница и исчезнувшие геологические документы? Зато в тех же характеристиках о том же Коротееве единодушно говорится, что работящ, исполнителен, дисциплинирован, что дело знает, по своей квалификации может занимать должность старшего мастера и даже прораба, но... И опять оговорка — не пользуется авторитетом у буровиков. Довольно пестрая личность. И в то же время совершенно ординарная.

— Бррр...— произносит вслух Бурлацкий и встряхивает головой.— Не человек — шарада!

А решение принимать надо. Вообще-то оно уже есть — у Бурлацкого давно созрело убеждение, что спешить не надо, что — хочешь не хочешь — придется ждать, но он заставляет себя искать иной выход. Но иного выхода

нет, и старший лейтенант зол на себя, на бесполезные бумаги, стопкой высящиеся перед ним, на щуплого, неприметного Коротеева...

Человек как человек. На жаргоне деревенских баб — мужичонка. Не велик росточком, не мастит фигурой, не вышел и лицом. Лицо... Бурлацкий видит перед собой Коротеева в мешковатой, вздувшейся на спине и животе гимнастерке, в широченных галифе, в кирзовых сапогах, грубые раструбы которых бьют по тонким ногам. А лица не видит. Ни белое, ни загорелое, нос и не картошкой, и не скажешь, чтобы утиный или прямой, волосы какого-то неопределенного цвета, что-то вроде грязной пеньки, а глаза... Бывают такие глаза, цвет которых даже опытный физиономист не определит, если к тому же владелец их прямо никогда не смотрит, а все поглядывает как-то вскользь, куда-то мимо. Ни серые с рыжинкой, ни рыжие с буринкой... Все в коротеевском лице расплывчато, аморфно. Не велик человечишко, а попробуй раскусить! Тут загадка посложней, чем у Селивестрова...

Нет, майору не легче. Перед ним, перед Бурлацким, хоть и расплывчатый, но конкретный объект исследования, а перед Селивестровым куча проблем — и все в тумане. Сейчас майор должен быть у Батышева — принимают окончательное решение.

Бурлацкий выбирается из-за стола, начинает расхаживать по кабинету.

Странные вещи случаются в жизни. Взять хотя бы взаимоотношения директора и бывшего комбата. Оба мастаки в своем деле, оба, как говорится, от пяток до макушки бескорыстные работяги, а на же тебе, встретятся — глядеть друг на друга иначе, как исподлобья, не могут.

Ну, принял Батышев майора за тыловую крысу... Бывает. Но Купревич русским языком объяснил ему, кто таков в самом деле Селивестров. И что? Удивился директор, почесал седой затылок, а отношения своего не изменил. Выходит, привык в принятых решениях быть упорным, сложившееся мнение в самом себе быстро ломать не умеет. Хорошо это или плохо?

Смотря где и как.

А Селивестров о Батышеве все разузнал заранее. Знает, какой талантливый руководитель, знает, какой он патриот — отдавший и всю свою энергию родной стране,

и самое дорогое — обоих сыновей на передовую линию огня. И тем не менее тоже глядит букой, на резкость отвечает резкостью. Отчего?

Директор нетерпелив, требует быстрейшего решения проблемы водоснабжения, уклончивых ответов не принимает. Его можно понять. Но и Селивестров ясен, как божий день. Чтобы найти ключ к расшифровке проблемы — нужно время, а времени не дают. Тот же Батышев словно клещами за горло держит: давай воду! Два знающих специалиста, по деловой хватке очень похожие друг на друга люди, ведут себя как два медведя в одной берлоге. Он, Бурлацкий, несколько раз пробовал поговорить с майором, но куда там — отмахивается и гнет прежнюю линию... Столкнулись два характера... А может быть, иначе нельзя? Может быть, это даже к лучшему? Трудно понять. Хорошо хоть есть Купревич. Этот смягчает стычки. На него вся надежда.

Вспомнив о Купревиче, Бурлацкий озабоченно запускает пятерню в короткий русый чуб. Во время недавнего посещения Песчанки генерал Кардаш конфиденциально сообщил старшему лейтенанту, что у особоуполномоченного погибла на фронте жена, просил поглядывать за ним. Похоронную направили на пустующую московскую квартиру, но мало ли что... Генерал очень боялся, что Купревич узнает об этом и психологически выйдет из строя. И это в такой ключевой, предпусковой момент!

Выполняя просьбу Кардаша, Бурлацкий по возможности «поглядывал». Но Купревич вел себя молодцом. Был энергичен и деятелен. Правда, похудел, осунулся, но... в такое время только редкие прохвосты полнеют. На днях Бурлацкий провел более часа в кабинете особоуполномоченного. Все это время Купревич толково консультировал руководителей многочисленных монтажных организаций, звонил, ругался, даже грозил. Бурлацкий поглядывал на него и удивлялся: откуда у такого белолицего, чем-то похожего на девушку молодого человека находятся резкие, сердитые слова? Выходит, обманчивая штука — внешность, выходит, есть у Купревича нечто такое, что не позволит ему опустить руки, даже узнай он о гибели любимой жены. А потому, если схлестнутся директор с майором, — у Купревича достанет твердости не допустить бестолковой драчки.

И тем не менее Бурлацкий уверен, что в кабинете

директора сейчас дым стоит коромыслом. Рискованное, необычное предложение должен внести Селивестров. У Бурлацкого даже мурашки по спине пробежали, когда майор поделился с ним своими окончательными выводами. И не посмел он рассказать о встрече, которая случилась у него на днях в геологическом управлении.

А дело было так. В коридоре подошла к старшему лейтенанту миловидная женщина лет тридцати с немногим. Поинтересовалась:

— Извините, товарищ. Вы случайно не из подразделения майора Селивестрова?

— Да.

— Скажите, имя-отчество майора Петр Христофорович?

— Так точно. Петр Христофорович.

Обветренное лицо женщины слегка порозовело, в карих глазах мелькнуло что-то затаенное, чисто женское.

— Тогда передайте ему привет от меня. Скажите: от Сони.

— Сони? Гм... А отчество?

— Просто от Сони. Он знает.

— Ну, это он. А я? — неожиданно для самого себя проявил любопытство Бурлацкий.

— От Софьи Петровны, если это вам так важно.

— Очень важно, — подтвердил Бурлацкий и, чувствуя, что поступает бестактно, все-таки не сумел сдержаться: — А еще что сказать ему? Где вы, откуда, в каком качестве?

Настырность молодого офицера не смутила Софью Петровну. Она чуть улыбнулась, прищурилась, разглядывая Бурлацкого.

— Откуда? Эвакуирована с Кольского полуострова. Теперь работаю здесь. О семейном положении тоже доложить?

— Желательно,— брякнул Бурлацкий.

— Была замужем. Разведена. Детей нет,— с подчеркнутой иронией сказала Софья Петровна, видимо, не желая принимать всерьез нахальство собеседника.

— Понятно,— улыбнулся Бурлацкий, самым странным образом радуясь отчего-то за майора.— Привет будет передан...

Передать привет сразу, однако, не смог — Селивестров почти круглосуточно находился в Синем перевале. Остать-

ся наедине ни разу не пришлось. А когда это случилось, Бурлацкий почему-то промолчал. Не то чтобы побоялся в столь важный момент отвлекать майора, а просто решил подождать. В Бурлацком крепло убеждение, что в привете Софьи Петровны для Селивестрова может быть много значительного. Пусть Купревич с Селивестровым вершат свои дела спокойно. А то, что суждено узнать, так или иначе будет узнано. Только не теперь.

Расхаживая по кабинету, Бурлацкий ловит себя на мысли, что сейчас ему очень хочется оказаться на совещании, в кабинете Батышева, в котором наверняка — иначе и быть не может — дым стоит коромыслом.

...В кабинете директора химкомбината в самом деле дымно. И шумно. Шумно, хотя спорят всего двое: Батышев с Селивестровым. Все прочие участники совещания уже высказались и теперь сосредоточенно курят, ожидая, когда директор с майором выговорятся до конца.

— Тридцать километров магистрального трубопровода. Три насосные станции. Шутка сказать! — гремит Батышев.— Каким проектом, какой сметой это предусмотрено?

— Никакими не предусмотрено,— хмуро роняет Селивестров.

— Вот именно! Вы толкаете нас на авантюру! — взмахивает короткими, толстыми руками директор.— Нам предлагают вогнать все наличные материальные ресурсы и средства в мероприятие, которое может оказаться стопроцентной фикцией.

— Я повторяю, это единственный наш шанс пустить все комплексы комбината на полную мощность еще в этом месяце. Иного выхода нет.

— Шанс? Какой? Не вижу этого шанса. Что даст нам ваш пресловутый Синий перевал? Там еще не пробурено ни одной скважины, не добыто ни грамма воды.

— И тем не менее, не дожидаясь результата буровых работ и опытных откачек, предлагаю начать строительство насосных станций и трубопровода от Песчанки к Синему перевалу.— Селивестров кладет на стол стиснутые кулачищи.— Чем раньше мы приступим к строительству, тем раньше вода придет на комбинат.

— Какая вода?

— Которую даст нам Синий перевал.

Батышев гневно хлопает себя по бедрам, оглядывается на присутствующих, как бы желая сказать: «Ну что прикажете делать с этим твердолобым солдафоном?!»

— Значит, другого варианта не будет? — тихо спрашивает Купревич.

— Не будет! — Селивестров пристукивает кулаками по столу.

Как ни трудно майору сказать так, он произносит это. Произносит, хотя ясно сознает, что в случае неудачи первым примет всю тяжесть расплаты за провал.

Трое суток вынашивал майор в себе этот план. Колебался, убеждал самого себя не спешить — и все-таки решил действовать. Конечно, лучше всего дождаться результата буровых и опытных работ. Спокойно и безопасно. Никто не сможет упрекнуть гидрогеологов в медлительности. Но ведь это минимум три недели. Три недели военного времени. В переводе на готовую продукцию — сотни тонн порохов и взрывчатки. Было над чем подумать.

Трое суток не уезжал Селивестров из деревни. Ждал результата работы геофизиков. Электропрофилирование дало хорошие результаты. Майор убедился — в районе Синего перевала в самом деле залегают водоносные известняки. Не купол, не изолированный массив, а ответвление от общеуральской полосы. Электроразведчики шли на запад и ежедневно подтверждали эту гипотезу.

Тогда-то и оформилась идея. Он знал — если и удастся где-то найти воду, то только здесь. Значит, водопровод надо тянуть именно сюда. И он незамедлительно бросил топографов на изыскание трассы. А сам взвешивал, сомневался. Известняки известнякам рознь. Все зависит от площади и условий их питания, от трещиноватости, водопроницаемости. В прошлом не раз случалось встречать настолько монолитные массивы известняков, что скважины были практически безводными. Правда, их можно торпедировать — производя взрывы на глубине, создать искусственную трещиноватость, но таким путем «большой воды» не получить.

Окончательным толчком послужило неожиданное воспоминание.

Ночью сидели у костра. Крутоярцев с Гибадуллиным вспоминали недавнюю фронтовую жизнь. Военная судьба

у обоих сложилась довольно удачно. Попали на передовую лишь осенью прошлого года. Участвовали в наступлении: один на Северо-Западном фронте, другой под Ростовом. Не отступали, в окружении не бывали. А Селивестров всех этих горестей вкусил полной мерой.

Тут, у костра, вспомнилось ему вдруг, как дивизия выходила в последний раз из окружения. Вспомнилось и совещание у полковника Гурьевских, на котором решалась судьба соединения.

Случилось так, что дивизия рывком вышла к такому участку фронта, где сконцентрировались значительные фашистские силы. Времени для маневра не оставалось. Уходить куда-то в сторону не имело смысла: более подвижные немецкие моторизованные части тотчас организуют преследование — это понимали все.

Решали, каким путем организовать прорыв. Большинство командиров сошлось во мнении, что необходимо прорываться «по всем правилам», то есть эшелонироваться, обеспечить сильное прикрытие с флангов, сильный арьергард — и тогда вгрызаться в тылы гитлеровцев. Но Гурьевских решил по-иному. Все полки выдвинул в один эшелон, все силы бросил в прорыв. Буквально за цепями красноармейцев потоком шли автомашины, повозки, артиллерия в походном порядке... Это был смертельный риск. Но, как впоследствии оказалось, риск спасительный.

Противник, оказывается, уже готовился нанести дивизии смертельный удар и неожиданно для себя попал под удар сам. Гурьевских на несколько часов опередил немецких генералов. Едва забрезжил рассвет, все полки одновременно рванулись на юго-восток, по касательной к линии фронта. Приготовившаяся к обороне, закопавшаяся в траншеях фашистская пехота в восточном секторе, где немцы ждали прорыва, так и осталась не у дел. Дивизия вышла к своим. Потерь оказалось настолько мало, что этому вначале не поверили. Ударившие с флангов подвижные немецкие части угодили по пустому месту. Риск оправдал себя.

Сидя у костра, Селивестров вспомнил счастливые лица бойцов и командиров, вспомнил полковника Гурьевских... Глаза неулыбчивого комдива светились радостью, а в темных волосах четко обозначилась новая седая прядка. Это была цена риска лично для него.

И тогда Селивестров понял, что, позволив себе ждать три недели, он тем самым обеспечивает лично для себя сильные фланги и арьергард, спасает себя от будущих неприятностей. Но он не мог променять свой спокойный тыл на многодневную работу огромного комбината и решился.

Теперь, находясь в кабинете Батышева, он и не думает об отступлении, его лишь злит шумливость директора.

— Послушайте, майор,— глухо говорит Батышев,— вы понимаете, какие потери в дефицитных материалах, деньгах и во времени мы понесем, если построенные станции и водопровод окажутся ненужными?

— Понимаю. В полном объеме.

— Тэк-с...— Батышев проводит ладонью по седому ежику.— И вы сознаете, что такая акция может быть воспринята как вредительство? И сознаете, что нас с вами могут расстрелять? Ведь это... По законам военного времени!

— Вы ни при чем. Всю полноту ответственности беру на себя.

— Каким образом? — вскипает директор.

— Письменное заключение за моей подписью у вас под руками.— Селивестров заставляет себя говорить спокойно.

Батышев хватает лежащие на столе листки, глядит на них — вроде бы не читал — и протягивает зачем-то Купревичу.

Купревич поправляет очки. Наступил решающий момент. Сейчас он должен взять на себя свою долю ответственности. А стоит ли? Стоит. Перед ним возникает незабываемое улыбчивое лицо жены. Она не простила бы ему трусости... Он, Купревич, мало понимает в гидрогеологии, но верит в те решительность и упорство, какими дышит лицо Селивестрова. Разумеется, такой нематериальной вещью, как внутренняя вера, руководствоваться в решении вопроса государственной важности нельзя, но иного не дано.

Купревич кладет листки перед собой, неторопливо достает авторучку. Заключение майора давно прочитано и обдумано. Все ясно. Как ясно и Батышеву, который завел эту шумную дискуссию ради того, чтобы убедиться в непреклонности и уверенности гидрогеолога. В конце концов за то, что впустую растрачены огромные средства

и драгоценное время, отвечать все-таки придется и Батышеву. Случись неудача — заявятся к нему многочисленные ревизоры с многочисленными инструкциями о порядке оформления и обоснования капиталовложений. Селивестровское заключение — весьма сомнительное обоснование. Следовательно, директор идет на риск. Купревич четко понимает это и потому не сердится на Батышева за излишнюю резкость и многословие.

Итак, решено. Купревич проверяет перо, потом медленно пишет в углу: «Согласовано». И подписывается.

По притихшему кабинету прокатывается шумок. Батышев опять проводит ладонью по седым волосам, берет листки, смотрит на подпись Купревича. Потом поднимает взгляд на Селивестрова:

— Ну что ж, майор, уломали, а?

И Селивестров, к огромному своему удивлению, видит в зеленых выпуклых глазах директора веселые, дружелюбные искорки.

— Никого я не уламывал.

Батышев оставляет его реплику без внимания, оглядывает присутствующих, обычным властным голосом отдает распоряжения:

— Главный инженер, главный механик, начальник ОКСа, обеспечить быстрейшее составление проекта. По составлению — всю землеройную технику на трассу. Всю! Водопровод — объект номер один.

Так вот он каков, этот настоящий, деловой Батышев! Селивестров как сидел в неудобной позе, так и сидит, окаменев.

— Начальник техснаба! Выяснить возможность получения труб. Подготовьте срочные запросы в Москву, выясните наличие труб по сортаментам на ближайших государственных базах резерва...

Руководители служб и отделов, которых называет директор, торопливо строчат в блокнотах.

Батышев продолжает отдавать распоряжения, и Селивестров, глубоко передохнув, с облегчением откидывается на спинку стула. Он знает: коли Батышев взялся за дело — оно будет завершено в возможно короткий срок. Этот не остановится ни перед чем. И разом прощает директору и грубоватость, и нетерпеливость, и неприязнь к себе самому. Впервые он не только умом, но и сердцем ощущает — они с Батышевым идут в общей упряжке.

13. ГЛАВНАЯ ВАКАНСИЯ

Рыбников встретил гостей радушно. Резво выскочил из-за стола, широко, гостеприимно развел сильные руки, заулыбался, обнажая ослепительно-белые пластмассовые зубы. Свои он потерял во время не столь давней автомобильной аварии, о которой напоминали лишь тонкие беловатые швы на ярких пухловатых губах.

— Какой сюрприз! Милости прошу!

Гости переглянулись.

— Ого! Как нас встречают! — ухмыльнулся Прохоров, обмениваясь с начальником геологического управления мощным рукопожатием.— Надеюсь, провожать так же будут?

— За кого вы нас принимаете? Мы, хоть и плохонькие, да все-таки геологи! — шутливо обиделся Рыбников, подставляя стулья Дубровину и Кардашу, но, очутившись вновь за столом, поинтересовался настороженно: — Чем могу служить?

Гости опять переглянулись, загадочно улыбнулись.

— Вам известно, что Селивестров в широких масштабах разворачивает буровые работы? — прикуривая, спросил Кардаш.

— В некоторой степени,— сказал Рыбников, настораживаясь еще более.

— Давайте без дипломатических экивоков,— проворчал Дубровин.— Времени на долгие разговоры у нас нет. Товарищ Прохоров, объясните ситуацию. Вам это более с руки.

Доктор наук принужденно прокашлялся в кулак, помедлил и огорошил Рыбникова:

— Ситуация такова. Селивестров форсирует разворот полевых работ. Буквально днями могут быть получены положительные геологические результаты. Следовательно, встает задача, чтобы эти результаты были вовремя и грамотно задокументированы, как говорится, приведены в божеский вид. Эти материалы тотчас будут отправлены в Москву. Потому вашему управлению все-таки придется еще раз поделиться кадрами. В подразделении Селивестрова необходимо немедленно сформировать камеральную группу для срочной чистовой обработки полевой документации.

— То есть как поделиться? — Начальник управления вскочил со стула.

— Очень просто.— Взгляд желтоватых прохоровских глаз стал жестким.— Безотлагательно подберите начальника этой группы и ему в помощь несколько техников и чертежников. Они по всем статьям должны быть годными для службы в армии.

— Что, на нашем управлении свет клином сошелся? Мы и так бедны! Поищите людей в другом месте,— взмолился Рыбников.— Ну, хотя бы в Москве...

— Нет свободных людей ни в Москве, ни в других управлениях,— хмуро произнес Прохоров.— Специалисты, прибывшие из армии, и те, что еще прибудут,— давно распределены по первоочередным объектам. К тому же это в основном производственники, полевики. Камеральщиков приходится изыскивать на месте.

— Нет у нас свободных специалистов!

— Товарищ Рыбников! — властно перебил Дубровин.— Давайте без мелодрам. Людей вам придется выделить. Несмотря ни на что. Это окончательное решение. Приказ, если хотите!

— Песчанка — наиважнейший объект,— сурово подтвердил Кардаш.— Для ускорения работ на этом объекте средства и люди будут изыматься отовсюду. Так что вам остается лишь принять эту установку к исполнению. Кстати, в ваше управление недавно прибыла группа геологов, эвакуированных с Кольского полуострова. Разве не так?

Рыбников поглядел на пасмурные лица нежданных гостей и, очевидно, понял — спорить бесполезно. Вздохнул, вяло опустился на стул, охватил красивую голову широкими ладонями:

— Ну кого и откуда я сниму?!

— Отличным начальником камеральной группы может стать Шевелева. А уж нужных работников она себе сама подберет.

— Почему именно Шевелева?—встрепенулся Рыбников.

— Она несколько лет работала ведущим геологом, долго руководила камеральными работами в Западно-Кольской экспедиции. Так что опыта не занимать.— На скуластом лице Прохорова вспухли упрямые желваки, он начал сердиться.— К тому же она уже освоилась в вашем управлении. Подберет себе специалистов так, чтобы уход их сказался на производственных делах наиболее безболезненно.

— Вот именно, — безрадостно хмыкнул начальник управления.— Настолько безболезненно подберет, что останутся нам рожки да ножки. Ей палец в рот не клади! Начисто отцапает.

— Вы хорошо знаете ее? — поинтересовался Кардаш.

— Еще как! — Рыбников озабоченно сморщился.— Вместе на севере работали. К тому же задушевная подружка моей жены. Вместе они в институте учились... Попробуй такую на вожжи взять...

— Вот как! — удивился Прохоров.— Ну, тем лучше. Быстрее договоритесь. Значит, кандидатура согласована?

— Нет. Не пойдет Шевелева к Селивестрову. У нее мать больная на руках.

— Пойдет! — уверенно сказал Прохоров.— С удовольствием пойдет!

— Почему вы так уверены? — удивился Рыбников.

— Пойдет! — упрямо повторил Прохоров.— Пригласите ее сюда.

— Хм...— Начальник управления потянулся было к внутреннему телефону, но передумал, поворошил густой каштановый чуб, решил внезапно: — Ладно. Сам за ней схожу.

— Почему вы остановили свой выбор именно на Шевелевой? — спросил Дубровин, когда Рыбников вышел.

— Я уже объяснил почему. Она в самом деле очень знающий специалист.

— М-да... Но откуда такая уверенность, что она согласится надеть военную форму?

— Уверен. Наденет.— Прохоров улыбнулся какой-то неожиданной веселой мысли.

— Но Селивестрова-то об этом не спросили. Он может отвергнуть вашу кандидатуру. Все-таки производитель работ он, а не вы! — не унимался Дубровин.

— Не отвергнет! — с беззаботной веселостью отмахнулся Прохоров.— Еще спасибо скажет.

— Хм...— Профессор с сомнением поглядел на повеселевшего геолога.— Мне тут не все понятно. Вы что-то не договариваете...

— В самом деле, откуда у вас такая уверенность? — поддержал его Кардаш.

— Потому что Шевелева с Селивестровым будут рады встретиться, а еще больше будут рады возможности работать вместе.

— Почему?

— Потому что они любят друг друга.

— Что? — Дубровин изумленно сдвинул очки на лоб, близоруко заморгал.

Кардаш поперхнулся табачным дымом:

— Как это понимать?

— Буквально. В свое время они были женихом и невестой и не соединили жизни лишь из-за дурацкого стечения обстоятельств. Можно сказать, по собственной глупости не соединили...

— Тэк-с...— Кардаш ткнул папиросу в пепельницу.— Дела... А не обернется эта затея во вред делу? Амуры, семейственность и всякое такое...

— Ну как вы могли так подумать? — упрекнул Прохоров.— Неужели до сих пор не заметили, что Селивестров не такой человек, чтобы допустить что-либо подобное!

— Пожалуй,— согласился профессор.

— Будет большой удачей, если Шевелева согласится. Она полностью освободит Селивестрова от бумажной волокиты! — с неожиданным темпераментом взмахнул волосатыми кулаками Прохоров.— Смею уверить, оказавшись рядом, они будут работать с тройной отдачей.

— М-да... Если так...— Дубровин вернул очки на переносицу.— Если так, то не имею ничего против такого союза. Не знаком с этой дамой, но майор мне весьма симпатичен... У таких бессребреников обычно нелады с личной жизнью. Им часто нужна чья-то помощь...

— Да-да! — охотно поддакнул Кардаш.— Елико так, то надо уговорить Шевелеву, надо помочь с устройством матери...

— А не разубедит ее этот хитрец Рыбников? — спохватился Дубровин.— Ведь неспроста он не стал звонить, а пошел за ней сам.

— Не разубедит! — заверил Прохоров.

— Вам не кажется, товарищи, что мы похожи на старых сводников, а? — вдруг лукаво сощурился Кардаш.

— В самом деле похожи! — согласился профессор и захохотал первым, схватившись за большой колышущийся живот.

Вернувшись от начальника управления, Софья Петровна заперла дверь кабинета на ключ, пощупала виски, по-

дошла к окну и прижалась лбом к холодному стеклу. Ей все еще не верилось, что совершенно внезапно свершилось то, во что она давно перестала верить.

Рыбников сам пришел за ней, сказал, что ее хотят забрать из управления (куда и кто — не объяснил), просил не соглашаться. Софья Петровна успокоила его — уходить она не собиралась, даже если бы ей предложили значительное служебное повышение. После долгих эвакуационных мытарств ей в самом деле не хотелось покидать Зауральск, где ее полностью устраивало все: и работа, и жилье, и люди, с которыми трудилась бок о бок... Потому, следуя за Рыбниковым в его кабинет, Софья Петровна ничуть не волновалась и лишь с холодным любопытством гадала: что ей предложат?

А потом все рухнуло. Разлетелось вдребезги ее внутреннее спокойствие, она разом забыла имя-отчество сурового, властного старика и подтянутого седого генерала с усталыми рыжими глазами, с которыми ее только-только познакомил начальник управления. Очень знакомый некрасивый желтоглазый человек с еще более знакомой фамилией (сразу подумала: «Прохоров... Прохоров... Слыхала. Где же мы встречались?») вдруг сразу, без обиняков, предложил ей подать заявление в военкомат с тем, чтобы ее можно было направить начальником камеральной группы в подразделение Селивестрова.

— Да, да. Согласна! — сразу выпалила она, не дождавшись последовавших объяснений, чем повергла добряка Рыбникова в величайшее изумление.

Прохоров и генерал что-то говорили, но Софья Петровна не слушала, зная одно — что бы там ни было, что бы они ни сказали, она повторит еще раз: «Да, да. Согласна». Из этого состояния оглушенности ее вывел сердитый голос оправившегося от шока Рыбникова:

— Подумайте, товарищ Шевелева, что вы обещаете! А ваша мать? Она же... Как она будет без вас?

— Почему без меня? — вздрогнула Софья Петровна.

— Насколько я в курсе дела, для товарища Шевелевой и ее матери найдется квартира на базе Селивестрова,— полупредположил-полуспросил генерала старик, искоса разглядывая Софью Петровну.

— Да. Товарищ Шевелева может не беспокоиться. Бытовые вопросы будут решены незамедлительно.

— Я и не беспокоюсь, — произнесла Софья Петровна, несколько смущаясь от того, что забыла, как звать собеседников.

— Ну, тогда вопрос можно считать исчерпанным,— профессор (она наконец вспомнила, что Рыбников отрекомендовал его так) хлопнул пухлой рукой по краю стола,— главная вакансия заполнена.

— Да,— подтвердил генерал.— Остается поторопиться с выполнением некоторых формальностей...

— А также подбором специалистов для будущей камеральной группы,— добавил Прохоров.

— Понятно,— окончательно обрела себя Софья Петровна, переполняясь неясной радостью и отмечая про себя, что и толстяк профессор, и заморенный рыжеглазый генерал, и полузабытый некрасивый Прохоров, очевидно, добрые, участливые люди.

— Вот те бутербро-о-од! — озадаченно пропел Рыбников.

Сейчас Софья Петровна глядела в заледенелое окно и ничего не видела. Ей и не нужно было видеть. Мысли неслись рваной лентой, как низкие облака, подгоняемые шальным ветром.

Предложение, сделанное Прохоровым, было и в самом деле совершенно неожиданным. Оно взволновало Софью Петровну ничуть не меньше, чем известие о том, что в Песчанке будет проводить работы специальное воинское подразделение, возглавляемое неким майором Селивестровым. Тогда, несколько недель назад, услышав об этом впервые, она была оглушена точно так же, точно так же заперлась в кабинете и простояла остаток дня у окна, забыв о срочной работе и деловых бумагах, ожидавших ее резолюции. Она ничуть не сомневалась, что этот загадочный майор — Петр Селивестров, ее давным-давно потерянный Петька. Первым желанием было бежать на вокзал, сесть в поезд и мчаться к нему в Песчанку, но что-то не позволило... Что — Софья Петровна сама не знала.

Спустя некоторое время, преодолев скованность, она все-таки осмелилась заговорить с молоденьким старшим лейтенантом из подразделения Селивестрова. Передала привет. Зачем? Опять-таки не знала. Просто дала знать о себе Петру, хотя наперед знала, что он тоже не примчится к ней, не напишет, не позвонит... Уж так он

устроен. Она слишком хорошо знала его, чтобы надеяться на чудо. Петр не был бы Петром, если б поступил иначе.

Мысли Софьи Петровны как-то сами собой обратились к прошлому.

Она любила Петра долго и трудно. Потому трудно, что иначе любить его невозможно. Она и сейчас убеждена в том. Не может быть легкой любовь к человеку, который способен на любое самопожертвование ради другого, способен на любой отчаянный шаг ради пользы дела и совершенно неспособен сделать что-то для себя лично... Может быть, за это она и любила его, а может, и за что-то другое — любовь не поддается расчленению на составные...

И он любил ее. Софья Петровна знала это раньше, знает и сейчас, как знала и то, что он никогда не сможет сказать об этом. На то он и Петр Селивестров. Потому и была любовь ее трудной. Сначала она долго ждала, что он все-таки заговорит о личном, потом долго готовилась к такому разговору сама... А это очень трудно. Вдвойне трудно красивой гордой девушке, одолеваемой многочисленными претендентами на ее руку и сердце.

Но первое слово все же сказал Петр. Нет, это не было традиционным объяснением, которого жаждут любящие сердца, он так и не сумел сказать простых обязательных слов: люблю, или будь моей, или что-нибудь в этом роде. Он попросту промямлил что-то невнятное и обреченно замолчал, уставившись на начищенные верха своих огромных тупоносых ботинок. Но ей было достаточно и этого.

Даже сейчас, много лет спустя, вспоминая о той минуте, Софья Петровна готова расплакаться от переполняющих ее счастья и нежности.

Огромный, мощный Петр стоял перед ней с бессильно повисшими тяжелыми руками, и от волнения у него потела шея. В это мгновение, несмотря на всю свою внушительную наружность, он чем-то напоминал беззащитного мокрого котенка, сгорбившегося на пятачке среди широкой дождевой лужи.

Не было в жизни Софьи Петровны минуты более счастливой. Не стой они возле главного входа Третьяковки, не будь вокруг столько народу — кинулась бы она Петру на шею, расцеловала, сказала бы такое... Но они в самом деле стояли возле парадного подъезда Третьяков-

ской картинной галереи, действительно вокруг было много народу, и она позволила себе лишь улыбнуться сквозь счастливую поволоку, затуманившую глаза, да крепко ухватилась за его сильную руку. А сердце стыло от сладкого ужаса — отныне этот большущий умный человечище весь безраздельно принадлежал ей!

Они провели вместе еще несколько счастливых дней, не подозревая, что эти дни последние. Намеченная окончательная встреча не состоялась.

Все началось с болезни матери. Неожиданное кровоизлияние в мозг вывело ее из строя. Врачи были бессильны. Еще далеко не старая жизнерадостная женщина вернулась из больницы полуослепшей, прихрамывающей старухой, и горе прочно поселилось в маленькой квартирке на Солянке. Несчастье сломило мать. Она часто плакала, жаловалась на судьбу, стала бояться предстоящего замужества дочери. Уже много позже повзрослевшая Соня поняла, что этому много способствовала младшая сестра матери, жившая с ними вместе.

Тетя первая восстала против намерения Сони ехать на Урал к Селивестрову.

— Сама? К этому дикарю? Этого еще не хватало! — возмутилась она.— Какое бесстыдство! И это говорит порядочная девушка. Ехать куда-то к черту на куличики к полузнакомому мужику... Ну и ну!

— Позвольте это решать мне самой! — Соне хотелось ответить резкостью, но было непривычно дерзить тете.

— Самой... Да что ты можешь решать сама, наивная девчонка? Уж сам выбор говорит о твоей глупости. Нашла красавца! Была б ты дурнушка или необразованная деревенская девка, а то... Столько достойных молодых людей тебе внимание оказывают, а ты... Чем плох Илья Фокич? Перспективный молодой ученый, отдельная квартира в Москве, собой хорош, приличный оклад...

— Я не собираюсь выходить замуж за оклад и квартиру!

— Тебя никто на них и не женит,— спохватилась тетя.— Не это главное. Главное, что он в тебе души не чает. Он настоящий рыцарь. Он на руках тебя носить будет! Не то что этот... как его... Мужлан! Ты унижаешься, целуешь его, а он... Стоит как столб с вытаращенными глазами. Даже пальцем не пошевелил. Срам!

— Как вам не стыдно! — Соня передернулась от отвращения: она никогда не подозревала, что тетя способна шпионить, подглядывать за ней и Селивестровым.

— Это тебе должно быть стыдно,— тетя уязвленно пожала плечами.— Я добра желаю. Ну, хорошо. Пусть ты считаешь Илью Фокича мещанином, приспособленцем. Допустим. Бог с ним. А другие? Ну, пусть тот такой, другой сякой... Но чем плох Димка? Он же за тобой на край света пойдет! Не мещанин. Бессребреник. Энтузиаст. И к тому же много моложе твоего дикаря. И много красивее.

Соня промолчала. Возразить было нечего. Ее однокурсник Димка Шерстобитов действительно был бескорыстным энтузиастом, был красив и правдив, уже более двух лет добивался взаимности...

Ее молчание не охладило тетю, она продолжала наступать:

— Хорошо. Об избраннике своем ты разговаривать не желаешь. Пусть будет так. А о матери ты подумала? Куда ты повезешь ее, где вы будете жить? В палатке? Ведь здесь за ней ухаживать будет некому. А прислугу содержать нам не по карману.

— Не беспокойтесь. Мама будет устроена,— убежденно сказала Соня. — Это наша с Петей забота.

— С Петей...— Тетя замахала руками.— Глупая-преглупая девчонка! Что ты знаешь о своем Пете? Все они хороши, пока в женихах ходят. Не знаю, как он там... В крайнем случае ему нужна только ты одна. Да, да. Одна! Зачем ему нахлебница-теща? Да еще больная... К тому же я на сто процентов уверена, что вы с ним о матери и словом не обмолвились. Ну скажи, обмолвились? Он знает, что ты привезешь с собой больную мать?

Соня растерялась. Вопрос был неожиданным. Все ее ясные и простые планы смешались, рассыпались разом. О матери у них с Петром речи действительно не было. Совместный отъезд на Урал всегда представлялся Соне само собой разумеющимся.

— Не говорили, — призналась она. — Но это ничего не значит. Петя не такой человек... Вы не знаете, какой Петя...

— И знать не хочу! — гневно закричала тетя и сжала в кулак тонкую руку. — Знаем мы этих женишков. Ты вон ее спроси. Спроси, как твой папаша ее с матерью встретил!

Соня резко обернулась, и сердце ее облилось кровью. В дверях смежной комнаты, привалившись к косяку, стояла мать. Лицо ее было мертвенно-бледным, правая щека дергалась. Соня поняла: она все слышала.

— Мама!

Но было поздно. Ноги матери подломились, она рухнула на пол.

Провожая мать к карете «скорой помощи», Соня держалась за край носилок и безутешно рыдала:

— Не надо, мамочка. Не расстраивайся. Не хочешь — никуда я не поеду. Не хочешь — никакой свадьбы не будет...

А вечером она впервые услышала печальную историю о том, как ее отец отказался принять к себе жену и семилетнюю дочь только из-за того, что с ними приехала в Москву и теща. Шел второй год гражданской войны, Москва бедствовала, и несчастные женщины оказались в чужом холодном, голодном городе без крова и пищи. Пути назад тоже не было — в родном Архангельске властвовали англичане и белогвардейцы. От голодной смерти спасла их случайно встреченная землячка.

Ничего этого Соня не помнила. Отец, так жестоко обошедшийся с семьей, как ни выкручивался, как ни старался пережить лихую годину (он работал на железной дороге и кормился за счет мешочников), так и не уцелел — скосил его той же зимой брюшной тиф. А еще через год не стало бабушки. Что и помнила Соня, так это протяжную, бесконечную колыбельную песню да грубые костистые руки, бережно кутавшие ее в тряпье лютыми морозными ночами.

На следующий день Соня села за письмо. Это письмо так и не было никогда закончено, не было отправлено. Она не нашла нужных слов. Все в их отношениях с Петром было настолько чистым, лишенным всякого практицизма, расчетливости, что вторжение каких-то других, более низменных, земных мотивов казалось ей кощунственным. В их отношениях с Петром всегда незримо присутствовало равенство, никто никого ничем не обременял. Это бескорыстие было основой их близости. А теперь Соня должна была о чем-то просить, что-то навязывать Петру...

Как раз в то время в Москве появился бывший комсорг института Валька Муромцев. Он приехал из Хибиногорска с откровенной целью: навербовать как можно больше

молодых геологов в геологоразведочные организации Кольского полуострова. Соня когда-то была дружна с ним и теперь поделилась своими горестями.

— В палатке больной женщине не житье. Факт. Слушай, Шевелева, езжай к нам. Не пожалеешь! — Валька Муромцев не признавал обходных путей — сразу брал быка за рога. — Насчет романтики и государственной необходимости я тебе распевать не стану. Сама сознательная. Легких условий работы тоже не обещаю. Но квартиру дадим. Тебя с мамашей жильем обеспечим. И больница у нас есть, и врачи дельные... Так что думай. Глядишь — и женишок твой, когда за тобой пожалует, у нас останется...

Соня колебалась. Сама мысль о разрыве с Селивестровым была для нее настолько неприемлемой, что она промучилась не одну ночь, пока приняла решение.

И все-таки сделала еще одну попытку. Когда мать вернулась из больницы, попробовала поговорить с ней. Дело кончилось очередным вызовом «неотложки».

— О, господи! — заплакала мать. — И за что на нас такое наказание! И чего хорошего ты в нем нашла? Сама сраму не боишься, так хоть меня-то не срами. Где это видано, чтобы девушка сама в жены набивалась! Поедем к Муромцеву. Ничего, что тундра. Зато квартиру дадут, зато товарищей твоих там много... Вон и Димка там. Все свои люди, все не в палатке!

— Мама! — Как ни трудно было Соне, она решилась сказать: — Мама, я люблю его. Никто, кроме Пети, не нужен мне. Я так люблю его, так люблю...

Но эти слова возымели обратное действие.

— Вижу, что дороже родной матери он тебе, — всхлипнула мать. — На кого променяла... Езжай. Бог с тобой. А я не поеду. Нету на то моего согласия! Здесь помирать буду...

— Мама, зачем ты так?

— Доченька! — Мать охватила шею Сони исхудавшими руками. — Поедем на север. Христом богом прошу! Никуда он не денется. Уж коли судьба, уж коли любит он тебя — приедет. Сам приедет, коли нужна ему... — Правая сторона лица ее искривилась, щека задергалась, она бессильно упала на подушки — начался очередной приступ.

— Мама, успокойся! Мама, не надо! — взмолилась Соня, падая на колени. — Будь по-твоему, поедем в Хибиногорск.

Это был компромисс. Соня втайне надеялась, что все образуется, что Петр приедет за ними и увезет их с матерью к себе. Напрасно надеялась, напрасно обманывала себя. Едва тронулся поезд, она поняла: назад возврата не будет. Изменить себе наполовину нельзя. Предаешь или все, или ничего.

— Не волнуйся, Софья! — кричала тетя вслед уплывающему вагону. — Если твой Селивестров напишет или приедет, я тебе сообщу.

У Сони не поднялась рука для прощального взмаха, силы покинули ее: она знала, что сообщать тете будет нечего.

А потом поплыли годы, похожие один на другой. Работа, работа, работа... Грех жаловаться, работа интересная, нужная и нелегкая. Она целиком заполняла Сонину жизнь, помогала не замечать личное одиночество, скрашивала эти годы тайного ожидания. Как ни странно, она все-таки чего-то ждала от Петра, хотя понимала, что ожидает напрасно. В конце концов чувство одиночества победило...

Все это время Димка был рядом — работал в той же экспедиции. Получив однажды решительный отказ, он больше не приставал с ухаживаниями — просто появлялся в квартире Шевелевых как старинный приятель, и не больше. Зато сколько шума и суеты вносило всякое его редкое появление! Димка не умел предаваться печали, не умел долго сидеть на одном месте — поболтав немного, он брался колоть дрова, подшивать валенки, замазывать щели в печи, не находилось дел по хозяйству — объявлял, что хочет пельменей, и принимался крутить в мясорубке мясо. И все это вперемежку с анекдотами, побасенками, бескорыстно-хвастливыми рассказами о своих изобретениях и новшествах, примененных на откачках (он работал помощником прораба). Эти шумные визиты кончались веселым прощанием, после чего хозяйки — из песни слова не выкинешь! — с облегчением вздыхали и ложились отдыхать. Все-таки они очень привыкли к домашней тишине, и всякое долгое нарушение ее выбивало их из колеи.

Это случилось вьюжной полярной ночью. Загорелось общежитие геологов. Как это часто бывает, не все сразу бросились тушить пламя. Кто растерялся, кто испугался, а кто в первую очередь кинулся спасать свое личное иму-

щество. Борьба с огнем была недолгой и бесполезной. Стихия победила. Барак сгорел дотла.

Продрогшая на пожаре Соня только-только легла спать, как в окно нерешительно постучали.

Это был Димка, в обледенелом полушубке, без шапки, густые рыжие волосы покрыты сверкающей коркой. Прикрыв за собой дверь, гулко стукнув пудовыми валенками, он привалился к косяку и по-незнакомому беспомощно улыбнулся.

— Негде в конторе. Все занято. Некуда мне. Вот я и...

У Сони что-то сжалось в груди от внезапной острой жалости: она уже знала, что Димка из числа тех, кто первым бросился в огонь, у кого сгорели все вещи, до последней авторучки...

— Вот я и... — Димка еще раз жалко улыбнулся и, расценив молчание Сони по-своему, отстранился от косяка, захрустел полушубком. Он взялся за дверную ручку. — Вот я и... зашел... Не случилось ли и у вас чего... Раз все в порядке, я уж пойду...

— Ты что? — Неизведанная доселе могучая потребность ласкать и опекать бросила Соню к Димке. — Ты что? Ну-ка раздевайся! — И скомандовала поднявшейся матери: — Мама, растапливай печь!

— Да я... — Димка растерянно ткнулся в порог гулкими валенками.

Переполняясь незнакомым нежным материнским чувством, Соня запустила пальцы в заледеневшие Димкины волосы, повернула его лицо к себе, долго смотрела в расширившиеся оробелые глаза. Потом опустила руки, огляделась:

— Снимай полушубок, валенки.

Димка подчинился.

Соня еще раз оглядела квартиру: большую квадратную комнату и отгороженную от нее маленькую кухоньку, взяла с полки молоток, большой гвоздь, протянула Димке:

— Вбивай! — Подбежала к дощатой перегородке, ткнула пальцем. — Вот сюда!

— Зачем? — Димка побледнел.

— Мы с тобой будем спать там! — Соня указала на свою кровать. — Ширмы нет. Пока что сделаем полог...

Впоследствии она жалела о содеянном, но что было сделано, то было сделано. Собственно, жалела она не потому, что ошиблась в Димке, что он оказался хуже, чем

представлялся со стороны. Не потому. Димка был все-таки неплохим человеком и мужем. Но он не мог заменить потерянного Петра. Димка был Димкой, а Петр оставался Петром.

Вспоминая иногда о недолгом своем замужестве, Софья Петровна не испытывает ни радости, ни грусти. Оно несло на себе печать Димкиной легковесности. Нет, он действительно был простым и отзывчивым человеком, подобно Петру, он был бессребреником и энтузиастом, он не искал легкой жизни... Но уже вскоре Софья Петровна поняла, что простота Димкина пустая, что энтузиазм мелок, узок, как старинный кавказский ремешок с красивыми, но бесполезными серебряными бляшками...

До замужества она как-то не обращала внимания, что все их однокурсники давно выросли в крупных специалистов, ученых и руководителей (сама она уже не первый год работала старшим геологом партии), а Димка все так и оставался Димкой (его только так и именовали — никак не иначе). Несмотря на всю свою предприимчивость и безотказность, он продолжал пребывать на рядовых постах, часто меняя должности, что ничуть не огорчало его.

«Что это? Полное отсутствие честолюбия?» — удивлялась Софья Петровна. Первое же столкновение на деловой почве прояснило ей все.

К тому времени Димка исполнял обязанности инженера-гидрогеолога в ее партии. Приближалась весна. Партия заканчивала детальную разведку крупного полиметаллического месторождения. Оставалось лишь произвести опытную откачку воды из нескольких скважин на отдаленном участке, чтобы окончательно определить степень обводненности месторождения. Это дело поручили Димке. Он с обычной веселой безотказностью принял приказ к исполнению и немедленно выехал на участок.

Велико же было удивление Софьи Петровны, когда через две недели начальник партии, вернувшийся после объезда полевых отрядов, сказал, что у Димки еще ничего не сделано. По Димкиным же ежедневным рапортичкам все обстояло как раз наоборот.

— Там такое творится... такое... Ну и делопут! — клокотал возмущением начальник. — Поезжайте сама, голубушка, и разберитесь со своим эдисоном. Только подумать: на базе несколько новехоньких дизель-компрессоров, а этот кустарь мастерит какую-то допотопную колымагу!

Софья Петровна поехала.

— А что? — невинно пожал плечами Димка. — Мы полезное дело делаем. Вот хотим приспособить обычный штанговый насос и качалку для откачек с глубины сто метров. Сама посуди, какая удобная штука для изыскателей... Вес у качалки небольшой, вози с собой на здоровье. Но воду она берет с глубины не более полусотни метров. Мы же приспособим, чтобы с сотни... Никаких компрессоров привозить не надо, никаких насосов...

— Нам сейчас не до твоих конструкторских изысков! — возмутилась Софья Петровна. — Вот-вот нагрянет ростепель! Надо срочно провести откачки и выбираться отсюда. Ведь весной тут не пройти и не проехать. Все раскиснет!

— Подумаешь, раскиснет... Не такое видали! — беззаботно отмахнулся Димка. — За такую качалку еще спасибо скажут.

— Боже! Неужели ты не понимаешь, что летом у нас срок предоставления отчета? Мы должны сдать месторождение промышленности!

— Ну и сдадим.

— Каким образом? Если мы не успеем до оттепели произвести откачку, то все планы полетят в тартарары. Ведь уже осенью сюда должны приехать проектанты, а за ними шахтостроители... К тому же и своих поисковиков подведем. Не сдадим вовремя геологический отчет — не видать им их законной премии как своих ушей!

— Премии... — Димка презрительно покривился. — Настоящие люди сюда не за длинным рублем едут. Мы качалку не ради премии мастерим... — В больших, небесночистых Димкиных глазах не было ни облачка. Он в самом деле был выше всяких меркантильных расчетов.

Софья Петровна в тот же день назначила начальником участка геолога-практика, а дипломированного прожектера отправила в базу партии. В конторе долго ломали голову: куда бы пристроить Шерстобитова, и в конце концов спровадили его в гидрометрический отряд, где была острая нехватка в людях.

Вернувшись после завершения откачек домой, Софья Петровна застала мужа в полном здравии и благополучии. Он уже забыл о злополучной качалке, о своем очередном смещении и за обеденным столом с энтузиазмом рассказывал, какую безотказную и удобную гидрометрическую

вертушку (для замера скорости течения воды) они с начальником отряда задумали сконструировать.

Софья Петровна не сомневалась, что вертушки этой никто никогда не увидит, как не увидели завершенным ни одного из благих Димкиных начинаний. Она смотрела на ясноглазого красивого мужчину, и ее не покидало ощущение, что она связала жизнь с неиспорченным бородатым мальчиком, который топчется где-то в своих давних семнадцати — девятнадцати годах и не имеет никакого желания перешагивать через них в глубину и сложность жизни.

Подумала так — и острой болью кольнуло раскаяние, чувство вины перед Петром.

В ту ночь, впервые за многие годы, Софья Петровна долго и горько плакала, выдумывала ласковые слова, которые она скажет Петру Селивестрову при их будущей встрече. Жажда этой встречи с новой силой вспыхнула в ней. Она вдруг сделала открытие: достаточно им с Петром лишь встретиться, чтобы все в ее и в его жизни перевернулось, пошло новым путем.

Димка ушел из ее жизни так же легко и обыденно, как и пришел. Летом, за неимением свободных людей, его командировали в Мурманск. Надо было получить в торговом порту буровые станки, прибывшие из Швеции. Получение импортной техники по каким-то канцелярским причинам затянулось, и Димка прожил в городе более двух месяцев. За это время его успела прибрать к рукам развеселая вдовая официантка портовой столовой. Димка даже переселился из гостиницы к ней на квартиру.

Об этом стало известно в экспедиции. Многие смотрели на Софью Петровну с состраданием, но сама она Димкину измену восприняла спокойно и даже с облегчением. В конце концов они с мужем были настолько разные люди, что все равно должны были расстаться. Теперь отпадала необходимость в тягостном объяснении. На Димку она не сердилась. Рано или поздно это должно было случиться. Она сама своей отчужденностью толкала его к разрыву.

Он приехал в воскресенье и, как тогда, ночью, после пожара, встал у двери, привалился к косяку и жалко, виновато покривился. Должно быть, этим кончилась его попытка улыбнуться. Руки мяли новую кожаную шапку, рыжие, по-городскому подстриженные густые вихры покаянными прядями рассыпались по лбу и ушам.

— Чего встал? — обыденно сказала Софья Петровна, не отрываясь от кипы документов, принесенных с собой из конторы. — Собирайся сам. Что забудешь — себя потом ругай. — И уткнулась в бумаги.

Димка быстро и бесшумно собрался. Потоптался недолго у порога, несколько раз кашлянул, а потом вышел на цыпочках, осторожно прикрыв за собой дверь. Тогда лишь Софья Петровна позволила себе поднять голову, посмотреть в окно на удаляющуюся сгорбленную Димкину спину. Ей не хотелось на прощание оскорбить его своим невольным равнодушием.

После ухода Димки мать наконец-таки поняла, на какую жертву ради нее пошла дочь. А поняв, не могла простить себе этого. Здоровье снова ухудшилось, опять участились слезы, жалобы на судьбу, возобновились припадки.

— Дура я, дура! — ночами вслух казнила она себя. — Собственное дитя счастья лишила! Не мог ты, господи, прибрать меня вовремя... Собственной дочери дорогу заступила. Казни ты меня, Сонюшка, казни! Казни дуру старую!

— Спи, мама. Успокойся. Давай спать. Мне завтра на работу.

— Ох-хо-хо... Грех ты мой тяжкий... Хоть бы нашла ты его, Сонюшка. Может, не женатый он еще, может, помиритесь...

— Успокойся, мама. Найду.

— Ох, дал бы господь! Хоть бы грех с души снять... Поищи, поищи его, доченька. Должны в Москве знать, где он сейчас. Человек — не иголка. Особливо такой... Напиши куда-нибудь. Напишешь?

— Напишу, мама.

И Соня в самом деле написала нескольким подругам на Урал: попросила сообщить все, что знают о Селивестрове. Наказала и задушевной подружке своей Наташке Рыбниковой (Рыбниковы покинули Кировск лишь в конце 1940 года), когда уезжали они с мужем в Зауральск.

Время шло, приходили ответные письма с Урала, писала Наташка, но о Петре... не было ни строчки. Где-то кто-то слыхал, что будто бы кочует Селивестров по Казахстану, но конкретно никто из северян ничего не знал.

Тогда Софья Петровна решилась. Подталкиваемая матерью, а еще более собственным нетерпением, за несколько недель до войны съездила она в Москву и в управлении

руководящих кадров узнала, что инженер-гидрогеолог Селиверстов из системы геологоразведочной службы страны выбыл, призван в армию.

Так рухнула возродившаяся было мечта. Приехав домой, она с матерью целую ночь просидела у окна, оплакивая одно общее горе, хороня общую надежду.

Вскоре грянула война.

Долгий и мучительный путь вел группу кольских геологов в тыл. Много эшелонов и поездов, много временных пристанищ сменили они, пока этот путь привел их в Зауральск. И не знала, не ведала измучившаяся Софья Петровна, что этот тяжкий путь вел ее к встрече, которую она перестала ждать...

В дверь кто-то несколько раз толкнулся, но Софья Петровна не шелохнулась. Она продолжала стоять у окна, упершись лбом в студеное стекло, и все еще не верила в близость возможного счастья. Лишь резкий и требовательный телефонный звонок вывел ее из оцепенения. Она неохотно подняла трубку.

— Ты чего прячешься? — сердито и звонко загремел рыбниковский голос. — Набедокурила — и в кусты, так? Зачем ты дала согласие? Мы могли назначить мужчину.

— Ты полагаешь, что я не подхожу?

— А-а... Разве в этом дело! Я не понимаю тебя, Софья. То заверяешь, что не собираешься уходить из управления даже в рай, то вдруг даешь согласие... Да еще как даешь! Какого черта тогда мне голову морочила?

— Так получилось, Владимир.

— Так получилось... Что-то в последнее время у тебя все получается шиворот-навыворот. Ходишь целый месяц, словно контуженая... Чего ты задумала, упрямая девка?

— Ничего, Володя. За меня в данном случае подумали другие.

— Слушай, Софья, я в самом деле не понимаю тебя. Куда ты денешь мать? Ведь сегодня это подразделение в Песчанке, а завтра... Армия — не шутка. Там жилищно-бытовых комиссий нет. Где вы с ней будете жить завтра? Ты подумала?

— Нет еще.

— Вот то-то и оно! Давай-ка зайди ко мне. Будем бить отбой, пока не поздно. Иначе тебе Наташка голову оторвет. Ей-богу! Я как позвонил ей, так она от злости чуть телефонную трубку не сгрызла. Дура, говорит, ты.

— Она сама дура.

— Вполне согласен. Только прошу сегодня вечером повторить сие ей лично.

— Она уже слышала.

— Софья! — Рыбников озлился всерьез. — Хватит юлить, хватит упорствовать в допущенной глупости. Надо срочно исправлять ошибку.

— Ничего не надо исправлять, Володя. Ошибки не было. Так и передай Наташке.

— Да ты в самом деле...

— Да, в самом деле. Я должна работать в подразделении Селивестрова. Если откажете, буду проситься.

— Вот те бутербро-о-од!

— Так надо, Володя.

— Кому надо?

— Мне надо. Очень надо.

В трубке раздалось невнятное мычание. Софья Петровна улыбнулась, ясно представляя себе, с каким недоумением Рыбников запустил пятерню в свой встрепанный чуб.

— В общем, хватит об этом. Считай данный вопрос исчерпанным. Я ухожу к Селивестрову.

— М-да... Значит, к Селивестрову... К Селивестрову... Послушай! — Какая-то мысль, очевидно, только-только осенила Рыбникова, ибо даже в трубке было слышно, как он плюхнулся на стул. — Послушай, Софья... Этот Селивестров, случаем, не тот самый странствующий рыцарь, которого разыскивала перед войной моя Наташка?

— Предположим. А что?

— Елки-палки! — восторженно взвыл Рыбников. — Так какого черта ты со мной в прятки играешь! Поздравляю, упрямая девка! Сейчас же отопри кабинет — я бегу к тебе!

В трубке звонко клацнуло. Софья Петровна еще какое-то время подержала ее у виска, а потом медленно положила на рычажки.

14. АВАРИЯ

— За Коротеевым глаз да глаз нужен, — сказал Бурлацкий Селивестрову.

— Конечно, — сразу согласился тот. — Синий перевал — ключевой объект. Не надо было посылать его туда.

— Теперь поздно об этом говорить, — нахмурился старший лейтенант. — Вы же сами поспешили. Перебро-

сили туда бригады в пожарном порядке. Надо было хотя бы поставить меня в изестность.

— Пожалуй, — опять согласился Селивестров. — Упустил из виду. Не до того было... — Он досадливо крякнул. — Что же теперь делать? Не убирать же его оттуда?

— Нежелательно. Вспугнем. — Бурлацкий пытливо посмотрел на майора. — Вы знаете Крутоярцева и Гибадуллина. Им можно доверять?

— Абсолютно! — Селивестров оживился. — А ведь это идея! Надо ввести их в курс дела. И еще Зубова да старшину технической роты, за которой числится Коротеев. Тогда этот тип будет у нас под контролем и на участке, и в казарме.

— Я то же самое хотел предложить. По моим наблюдениям, Коротеев что-то не особенно рвется в увольнения и командировки. Даже наоборот. С чего бы? Или боится кого-то в городе?

— Все может быть. Соберем вечером товарищей.

Беседа не затянулась. И Гибадуллин, и Крутоярцев, и старшина технической роты — кряжистый мужчина лет сорока, бывший пограничник — восприняли необычное распоряжение спокойно. Бывалые солдаты, они давно научились ничему не удивляться в военное время. Лишь Ваня Зубов опешил. Долго моргал куцыми белесыми ресницами, вытаращив прозрачно-синие глаза. В конце концов пришел в себя и он. И все же не удержался от наивного:

— Ну и гад... Кто бы мог подумать!

Вечером приехал Купревич. Он тоже хотел побывать на участке, где утром, по предположению майора, скважины должны были вскрыть коренные породы. Поскольку выехать предполагали на рассвете, решили лечь спать пораньше.

— Грубею, матерщинником становлюеь, — пожаловался Купревич, укладываясь на раскладушке в тесной командирской комнатке. — Сегодня были представители предприятия, что поставило нам недоброкачественное кварцевое сырье. Внушал, внушал и, кажется, сорвался... Наговорил такого... Даже через мать! — Купревич болезненно улыбнулся и зачем-то пощупал побледневшие, ввалившиеся щеки. — Надо брать себя в руки...

«Ты и так молодцом держишься, — сочувственно подумал Селивестров, уже знавший о горе молодого ученого. — А на бракоделов вежливые слова в такое время тратить...»

За окном вбирало в себя вечернюю синеву безоблачное апрельское небо. Бледная желтая полоска заката, как бы нехотя, гасла у горбатой кромки горизонта. В неспешных тихих сумерках слышались мерные шаги часового возле штаба подразделения да издалека доносящийся рокот. Верный своим правилам, пробивной Батышев форсировал события. Экскаваторы двинулись на Синий перевал.

Селивестров снова посмотрел в окно. Желтая полоска еле светилась за степной горбиной. И майору вдруг подумалось, что все это он уже видел и слышал. Давным-давно. Все это было. И чьи-то шаги под окном, и далекий рокот...

Когда? Селивестров беспокойно поправил сползшее к стене одеяло. Снова закрыл глаза. Не все ли равно... Бестолковый вопрос. Былые времена... В любой весенний вечер засыпавший гидрогеолог Селивестров слышал шаги за палаткой, стук двигателей дальних и близких буровых, видел то розовую, то желтую, как сегодня, полоску позднего заката. И тем не менее сегодня угасающая полоска света словно магнитом притягивает взгляд майора.

Бурлацкий рассказал о Соне... Селивестров буркнул ему: «Из одного института. Дружны были». — И занялся текущими делами. Но старший лейтенант почему-то не удовлетворился ответом. Продолжал наседать в свободные минуты: «Что, на одном курсе?», «Что, и мужа знали?», «Что, и на свадьбе были?» Далась ему эта свадьба!

Селивестров поглядел на Бурлацкого. Старший лейтенант спал крепким юношеским сном. Как ему хотелось, чтобы он, Селивестров, обрадовался! А тут дела, хлопоты, текучка...

Когда все-таки такое было? Ну да... В тот вечер, когда он узнал, что Соня поехала на Кольский полуостров. Помнится, он точно так же, как сегодня, лежал навзничь на койке и смотрел на угасающий закат, с которым угасали его надежды. Вполне возможно, что закат тот был не таким — Селивестров не помнит, но то, что лежал он вот так же — это точно.

И на Селивестрова нахлынуло... Вспомнились влажные Сонины глаза при последнем прощании, ее поцелуй, его собственные бестолковые мечтания. А еще отчетливее

вспомнилась беспомощность. Почему она так поступила? Может, он, Селивестров, в самом деле сам виноват во всем происшедшем? Может, сделал или сказал что-то не так... А может, действительно не надо было сидеть сиднем, а мчаться за ней самому? Все-таки мужчина есть мужчина, и в равенстве любящих есть какие-то разные обязанности.

Растаяла мерклая полоска на краю степи, ночной косынкой прикрылось уснувшее небо, засветились сторожевые светлячки звезд, а Селивестров все думал, мечтал, волновался и не замечал, что Купревич тоже не спит, тоже ворочается. Лишь когда вспыхнула в темноте спичка и заморгал красный огонек папиросы, майор очнулся.

— Не спится?

— Да, что-то не дремлется.

— Тоскуете? — забыв о строжайшем наказе Бурлацкого, спросил майор.

— Да. — Купревич, не таясь, тяжело вздохнул. — Не могу поверить. Не знаю, что бы отдал, чтоб это было ошибкой...

— Бывают и ошибки, — неуверенно пожалел молодого человека Селивестров, стыдясь убогости своих слов. — Бывают. Крепитесь.

— Стараюсь. — Красный огонек осветил обострившийся нос и горестно сомкнутые губы Купревича.

«Черт возьми... Он, оказывается, знает! — поразился Селивестров. — А держится. Молодчага парень!»

— Держусь, — будто угадав мысли майора, вздохнул Купревич. — Пока комбинат не раскрутится на полную, слабинки себе не дам. А потом... — Он опять жадно затянулся. — Скажите, Петр Христофорович, к кому надо обратиться, чтобы взяли в действующую армию? Чтобы наверняка?

— К чему это? — упрекнул Селивестров. — Здесь вы в сотни раз полезнее. Здесь вы вроде бы генерал. А там... Рядовой пехотинец.

— Хочу быть рядовым пехотинцем! — мрачно рубанул Купревич. — Не могу иначе. Пока не убью хоть одного фашиста, нет мне места на нашей земле.

— Здесь вы их убиваете в тысячу раз больше! — перебил его Селивестров, а сам подумал, что особоуполномоченному, с его неизлечимой душевной болью, в самом деле уже не будет покоя в тылу — изъест тоскливое чувство вины перед погибшей женой-фронтовичкой.

Купревич не ответил. Ткнул папиросу в пустую консервную банку, служащую пепельницей. Накрылся с головой одеялом.

Затихли в темноте, отдавшись каждый своим думам. И вдруг из-под одеяла раздалось:

— Не знаю, что у вас было когда-то, но если она здесь... Не теряйте своего счастья, Петр Христофорович. Не вздумайте пустить события на самотек.

«Вот чертов мальчишка, успел разболтать!» — без всякой злости, однако, подумал Селивестров о Бурлацком. Не найдя нужных слов, он тоже накрылся одеялом с головой.

...Селивестрову снилась Соня. Они шли с ней по довоенной Москве и крепко держались за руки. Ему очень хотелось сказать девушке, что у них не только дружба... Но Соня смотрела так доверчиво, что Селивестрову стало стыдно своих слов. К тому же мешали Купревич, Гурьевских и Бурлацкий. Они сзади по-приятельски подталкивали Селивестрова и уговаривали Крутоярцева с Гибадуллиным, которые ехали на «виллисе» рядом с тротуаром, чтобы те остановились и посадили молодых людей в машину. В конце концов Селивестров рассердился и велел всем ехать в Синий перевал...

— Товарищ майор! Товарищ майор! Вставайте!

Прошло немало времени, пока Селивестров очнулся от дремы и понял, что его в самом деле толкают в спину, а за окном на малых оборотах рокочет двигатель автомобиля.

— Что такое? — Селивестров сел на койке.

— Авария, товарищ майор! — Крутоярцев в рабочем комбинезоне, забрызганном буровым шламом, пилотка заткнута за ремень, взъерошенные потные волосы черными прядями прилипли к покатому лбу.

— Синий перевал? — Селивестров проснулся окончательно, увидел в полусвете настольной лампы: Купревич с Бурлацким уже одеваются.

— Да, на буровой номер шесть. На забое что-то металлическое. Я приехал за электромагнитом и запасным двигателем.

— Та-ак... — Майор быстро натянул галифе. — А зачем двигатель?

— На седьмой поплавили бортовые подшипники.

— Та-ак... Давай быстрее с магнитом и движком. И следом за нами. Одна нога здесь, другая — там.

— Старшина! — крикнул в коридор Бурлацкий, проверяя обойму пистолета. — Вызовите «летучку». Вооружите дежурный взвод. Оцепить участок и все подходы к нему. Чтобы муха не пролетела!

Ночной безветренный лес тих и таинственен. Над узкой проселочной дорогой недвижно висят тяжелые плети берез. В прыгающих лучах автомобильных фар они кажутся майору скорбно распущенными косами обнаженных, белотелых женщин. Тревога и злость грызут майора: «Сразу на двух... Случайное совпадение?»

Сзади в темном кузовке «виллиса» трясутся Купревич с Бурлацким. Они тоже хмуры и молчаливы. Им, и особенно Бурлацкому, не хочется верить, что случившееся произошло из-за не принятых вовремя мер предосторожности.

Перед деревней лес редеет. Березы отступают от дороги. Ветви их уже не хлещут по брезентовому тенту. И тут же фары выхватывают из темноты черный силуэт копра. Селивестров закуривает. Как знакома эта картина! Сколько аварий и поломок пришлось видеть на своем веку, и все равно всякий раз вид замолкшей буровой рождает безотрадное чувство. Молчаливая, без рабочего шума и огней, вышка всегда чем-то напоминает ему больного человека.

К остановившейся машине подбегает Гибадуллин. Хочет докладывать, но майор машет рукой — не требуется. И без того все ясно. При тусклом свете керосиновых фонарей буровая бригада вытаскивает из тепляка тяжелый, высокий, похожий на большой черный самовар нефтяной двигатель.

— Когда? — мрачно и коротко спрашивает майор.

— В конце второй смены.

— Проспали, забыли добавить смазки?

— Никак нет. Бурили. Проверено — масла было по уровню.

— Так в чем дело?

— Будем выяснять.

— В коренные врезались?

— Так точно. На три метра. Известняк. Сильно трещиноватый.

Селивестров дает знак шоферу. Машина срывается с места.

На буровой номер шесть копер и тепляк ярко освещены электрическими огнями. Гулко стучит в ночной тиши работяга-движок. Селивестров входит в тепляк первым. Сидящие у печки бойцы-буровики вскакивают.

— Товарищ майор! — начинает докладывать сменный мастер.

Майор опять машет рукой. Приказывает:

— А ну, попробуйте забой.

Бригада занимает рабочие места. Словно сбившись с шага на бег, громче и чаще стучит двигатель. Сменный мастер дает вращение станку и медленно, осторожно действуя рычагом, опускает снаряд. И вдруг треск, грохот. Станок содрогается, трясется, пытаясь сорваться с ряжей, вращающийся снаряд пружинится, бьет о железную пасть кондуктора. Сменный мастер налегает на рычаг, где-то в глубине колонковая труба приподнимается над забоем — и нет грохота, нет рвущегося из устья скважины треска, ровно и быстро крутится шпиндель станка.

— Так! — угрюмо констатирует майор. — Ясно. Делайте подъем.

Пока производят подъем, он не произносит ни слова, и лишь тогда, когда из скважины выныривает мокрая, блестящая колонковая труба, подходит к станку. Навернутая на конец трубы буровая коронка щербата, изуродована... Вчеканенные в ее торец победитовые резцы частью сломаны, частью выбиты начисто.

— Неужели об металл? — спрашивает Купревич.

— Не иначе, — подтверждает майор и обращается к буровикам: — Как и когда это произошло?

— Сразу после пересменки. Сделали спуск и...— Сменный мастер недоуменно разводит руками, на лице виноватое выражение. — Когда мы на смену пришли, бурение шло полным ходом.

— Может, уронили что?

— Никак нет, товарищ майор. Как предыдущая смена подъем сделала, сам закрыл скважину предохранительным фланцем.

— Не помните, не случалось, что выходили из тепляка все, никого на вышке не было?

— Было. Во время пересменки. Сразу обеими сменами трубы обсадные сортировали — готовились к обсадке.— Мастер кивает на трубы, поднесенные к самой двери тепляка.

— Кто в это время приходил?

— Никого не было. Только старший мастер да Крутоярцев с Зубовым. Известняк в ящиках за вышкой смотрели.

— А если получше вспомнить? — вмешивается Бурлацкий.

— Да нет... Больше никого не видели. — Мастер пожимает плечами.

— Так... — Селивестров поворачивается к своим спутникам. — Придется подождать электромагнит. Без него здесь делать пока нечего. — И выходит из вышки.

Купревич с Бурлацким следуют за ним.

Метрах в ста, за деревьями, — тоже электрические огни. Там, почти у самых домов, рокочет дизельная электростанция, веско и глухо поухивает станок ударно-механического бурения. При каждом ударе тяжеленного долота вздрагивает под ногами земля. Ударник только вечером забурился.

— И как вы понимаете, Петр Христофорович, всю эту историю? — нарушает тяжкое молчание Купревич.

— Делать выводы рано, Юрий Александрович, — неохотно откликается майор. — Надо подождать. Давайте-ка сходим на ударник.

Через час возле ударника появляется злой, взопревший Гибадуллин. Он очень возбужден и взволнован.

— Вот, товарищ майор. Полюбуйтесь. — И протягивает листок гладкой, глянцевой бумаги.

Майор идет ближе к станку — там светлее. На листке большое масляное пятно с темными крапинками. Селивестров непонимающе оглядывается на лейтенанта.

— Видите... — Гибадуллин тычет грязным пальцем в крапинки. В моторном масле оказался песок! Это лишь на седьмой. На шестой масло чистое. Весь бочонок профильтровали — чистое! А на седьмой... Поэтому подшипнички того...

Селивестров с Бурлацким обмениваются понимающими взглядами. Майор утвердительно кивает. План действий уже обсужден в деталях.

— Зубов! — кричит в сторону станка старший лейтенант.

Из-за кучи керновых ящиков появляется старший коллектор — он будто ждал, что его позовут.

— Далеко у вас контора? — спрашивает его Бурлацкий.

— Совсем рядом. Вон тот пустующий дом под контору сняли.

— Добро. Слушайте внимательно... — Старший лейтенант понижает голос. — Идите в общежитие и поднимите всех старших и сменных мастеров. Всех свободных от вахты. Постройте — и всех в контору. Захватите на каждого из них по листу чистой бумаги и карандашу.

— Будет сделано.

— И вот еще... — Бурлацкий оглядывается на Селивестрова. — На всякий случай возьмите личное оружие. В карман. Если кто-либо сделает попытку к бегству — делайте сигнальный выстрел в воздух. Но не по беглецу!

У Зубова, совсем недавно ставшего солдатом, растерянно опускаются длинные, нескладные руки.

— Ничего, ничего! — старший лейтенант хлопает его по плечу. — Привыкайте. — И опять оглядывается на Селивестрова.

Майор одобрительно кивает.

Бурлацкий с Зубовым уходят в темноту.

— Может быть, мне с ними? — неуверенно спрашивает Купревич, с надеждой взирая на кобуру Селивестрова.

— Не требуется, Юрий Александрович, — мягко произносит майор. — Пусть каждый делает свое дело. — Оживляется, заметив в лесу огни автомашины. — Пойдемте-ка лучше на шестую. Сейчас нам предстоит увидеть нечто любопытное...

— Электромагнит привезен! — вскидывает руку к виску вывалившийся из кабины Крутоярцев. — Запасной двигатель разгружен на буровой номер семь. Через час будет смонтирован.

— Очень хорошо, капитан, — внешне невозмутимо говорит Селивестров. Купревич, которого с непривычки бьет внутренняя дрожь, невольно завидует его твердокаменному характеру.

Майор поворачивается к Гибадуллину:

— Что ж, дело за вами. Будем подключаться. Электрики готовы?

— Так точно. Сейчас приступим.

...Штанги, на которые навернут электромагнит, и вьющийся рядом с ними кабель медленно опускаются вниз. Люди, находящиеся в тепляке, напряжены до предела, пристально следят за уходящим в скважину снарядом, за каждым движением сменного мастера и дежурного элек-

трика. Контрольная отметка на последней штанге подползает к устью скважины. Все невольно подаются к станку. Снаряд встает на забой.

— Включайте! — коротко командует Селивестров.

Гибадуллин хватается за ручку рубильника.

И опять все следят за движением снаряда и кабеля. Только движутся теперь они вверх. Движутся еще медленнее, чем опускались. Буровики осторожно сворачивают свечу за свечой, электрик сматывает на катушку кабель. Наконец из земли выныривает массивный футляр электромагнита. Крутоярцев ловко подсовывает на устье защитный фланец.

— Выключайте, — тихо произносит Селивестров и протягивает руку к магниту...

В это время в конторе происходит необычная процедура. Рассадив сонных, удивленных мастеров за столы, выдав каждому по листу бумаги и по карандашу, Бурлацкий строго говорит:

— Сегодня на участке, как вам известно, произошли чрезвычайные происшествия. Для выяснения кое-каких обстоятельств нужна ваша помощь. Прошу каждого подумать, вспомнить минувший день и написать: кого вы видели во время ночной пересменки входящим на буровую номер шесть, направлявшимся туда или оттуда...

По тесному помещению проносится вздох удивления.

— Второе. Кого днем или вечером видели возле площадки горюче-смазочных материалов на буровой номер семь?

Еще большее удивление.

— Я не тороплю вас. Подумайте хорошенько. Вспомните все мелочи и пишите только правду. — Бурлацкий не питает излишних иллюзий — наработавшиеся за день, оторванные от сна люди совершенно не обязательно должны кого-то уличить — его расчет с майором в другом.

В руке у Селивестрова тяжелое слесарное зубило. Закаленная сталь изгрызана и изорвана победитовыми резцами. Он искорежен — и все-таки страшен! — этот кусок безобидного металла, ставшего опасной преградой на пути буровой коронки.

— Ваше? — Селивестров смотрит на буровиков.

Сменный мастер бросается к верстаку, пересчитывает переданный по смене инструмент. С облегчением вздыхает:

— У нас все на месте. Точно по счету. И вообще... — Он глядит на раскрытую огромную ладонь майора... — На всех вышках зубилья из шестигранника, а это... Это круглое!

— Х-хорош п-подарочек кто-то п-подкинул! — чуть заикаясь, произносит Крутоярцев. Когда его охватывают злость или возмущение, он всегда немного заикается. Капитану отлично известно, каких бед могло натворить проклятое зубило — могло заклинить снаряд на забое, могло порвать штанги...

— Надо оцепить участок! — хватается за пистолет Гибадуллин.

— Не горячитесь, лейтенант. Это уже сделано, — цедит сквозь зубы майор и намертво сжимает зубило в кулаке. — Прошу всех за мной!

...Бурлацкий сидит на подоконнике углового окна. Сидит с невозмутимым лицом, неторопливо разминает папиросу. У двери, сунув руку в карман, воинственно нахохлившись, стоит долговязый Ваня Зубов. Мастера склонились над листочками: кто грызет карандаш, кто чешет затылок, кто затаенно зевает. Изредка кто-либо из них принимается торопливо писать.

Бурлацкий не торопит. Старается не глядеть на Коротеева, который беспокойно вертит маленькой стриженой головой — норовит заглянуть в листки соседей. Он давно уронил карандаш, но не замечает этого...

Возле конторы шум шагов, приглушенные голоса. Топот в коридоре. Дверь распахивается. Первым входит Селивестров. Красное, почти безбровое лицо майора непроницаемо. Он держит что-то в необъятном кулаке, подходит к Бурлацкому, показывает.

Старший лейтенант встает, с бесстрастным лицом собирает листки. Мельком заглядывает в них. Записи лаконичны и однотипны: «Не обратил внимания», «Не помню, не до наблюдений было», «Всех не упомнишь, весь день по участку шастает народ», «Видел, как младший рабочий наливал из бочки нефть в ведро. Это было приблизительно в...» А у Коротеева листок чист. Ни слова. На тонкой шее сменного мастера пот.

Бурлацкий возвращается к майору, показывает листки. Тот кивает, бросает взгляд на Коротеева, затем резко поворачивается к сидящим за столами мастерам, разжимает кулак:

— Кто бросил в скважину эту игрушку? Кто?

И вдруг стук оконных створок. Мелькает в черном проеме узкая спина. Коротеев... Старший лейтенант тотчас подскакивает к угловому окну, дает выстрел вверх, в черное звездное небо.

— Всем в погоню! — командует майор.— Взять живым!

«Виллис» медленно ползет по лесу. На всякий случай, держа оружие наготове, Селивестров с Бурлацким пристально всматриваются в темноту.

— Может, вправо? — неуверено спрашивает молоденький шофер.

— Прямо! — приказывает майор. — Только прямо. — Он по опыту знает — насмерть перепуганный человек в ночной мгле петлять не станет — помчится сломя голову в первоначальном направлении.

Обгоняя медленно ползущий «вездеход», отделение за отделением, вправо и влево, бегут в лес поднятые по тревоге красноармейцы-буровики. В свете фар черно-белые стволы, разлапистые кусты... И вдруг майор приподнимается с сиденья, прислушивается.

— Глуши! — И выскакивает из автомашины.

Бурлацкий следует за ним. Они бегут на шум голосов. Шофер разворачивает машину, светит им фарами...

На небольшой поляне свалка. Сгрудившиеся бойцы, мешая друг другу, с остервенением бьют кого-то. Перекрывая гул разъяренных голосов, тонко и истошно звенит вопль:

— Братцы, не убивайте! Не надо... Ой!

— Отставить! — властно кричит Бурлацкий и, опередив майора, бросается в толпу. Энергично работая локтями, расталкивает рассвирепевших бойцов. Хватает лежащего беглеца за ворот, рывком поднимает с земли.

— Братцы... — Лицо Коротеева в грязи, из разбитых губ и носа бежит кровь. — Не убивайте, братцы... Я все скажу! Я всех знаю... Честное слово Антона Коротеева!

15. СЛАДКАЯ ВОДА

Бурлацкому не раз говорили, что допрос, как заключительный этап следствия, — самая интригующая и инте-

ресная часть любого криминального процесса. Но на допросах по своему первому самостоятельно проведенному делу старший лейтенант испытывал разочарование. Ничего интересного не обнаружил он в людях, арестованных на основании показаний Коротеева.

Вадим Валерьянович — махровый сластолюбец, пошляк, стяжатель. В гражданскую войну был врачом в колчаковской армии, участвовал в карательных экспедициях против сибирских партизан, что тщательно скрывал. В довоенное время спекулировал дефицитными препаратами, занимался подпольной врачебной практикой. Все это и привело его в лапы фашистской разведки.

На одном из крымских курортов вздумал волочиться за смазливой дамочкой, открыл ей душу. Остальное для немецкой шпионки оказалось делом элементарной «техники». Благообразный доктор трусливо поддался на простейший шантаж. Сначала выполнял мелкие поручения по фабрикации различных медицинских справок, принимал на ночлег незнакомых людей. Затем, став членом окружной комиссии, передавал резиденту копии военно-медицинских документов. Вербовка Коротеева и умерщление Студеницы—уже логическое завершение падения.

Присутствуя на допросах, Бурлацкий видел перед следователем не холеного аристократа, каким он рисовался ему по рассказам Коротеева. Сидел некогда массивный, а теперь сутулящийся, дряблощекий человек, старавшийся каждым жестом, каждым словом вызвать к себе сострадание. Нет, Вадим Валерьянович не пробовал запираться, понимал — бесполезно. Но признания свои сопровождал тяжкими вздохами, жалобами на истощенную нервную систему, ослабленную волю.

— Поймите психику полуразбитого человека, которому ежедневно угрожали физическим уничтожением! — И прижимал руки к груди. — Ведь он так жесток, так беспощаден, так коварен! — Это о резиденте, которого Коротеев именовал «бодрячком в пушистой шапке».

Отказаться от этих глупых жалоб его не могли заставить ни напоминания о жестоком умерщлении Студеницы и умелой вербовке Коротеева, ни усмешки следователя. Вадим Валерьянович, очевидно, уверовал, что только таким способом может спасти свою шкуру.

Ибрагимов вел себя по-другому. Крымский татарин, помещик, бывший врангелевский офицер, он люто нена-

видел Советскую власть. Когда-то бежал с врангелевцами в Турцию, оттуда перебрался в Германию. Голодал, нищенствовал, работал где придется и все-таки продолжал ненавидеть Советы. С началом войны добровольно предложил свои услуги фашистам. Был заброшен в Алма-Ату, а оттуда в Песчанку.

На допросах вроде бы дремал, прижмурив единственный глаз. На вопросы отвечал односложно, угрюмо: «да» и «нет». Во всем облике Ибрагимова сквозило патологическое равнодушие и к судьбе недавних сообщников, и к своей собственной. Полуживая апатичная развалина, осознавшая наконец крах всех своих жизненных иллюзий...

Монтажник Николай оказался действительно монтажником. Не шибко грамотный и не шибко умный поволжский немец, насквозь пропитанный великогерманским шовинизмом. До войны работал монтажником в Пскове. Копил деньги, слушал тайком фашистские радиопередачи — вот и все интересы. Лелеял мечту обзавестись хорошей усадьбой где-нибудь на Волге или на Кубани. Будучи призванным в армию, через неделю дезертировал и перебежал к гитлеровцам. Хотел вступить добровольцем в немецкую армию и завоевать себе право на вожделенную усадьбу. Получилось же не так. Сначала очутился на краткосрочных курсах абвера, а потом ему было приказано пробраться в Зауральск.

Перед столом следователя предатель трепетал, словно осиновый лист. Ничего, кроме животного страха, не смог увидеть Бурлацкий на бледном крючконосом лице тридцатитрехлетнего детины.

— Честное слово! Ничего плохого не сделал. Только выкрал в тресте документы. Так это все доктор... Он! Он наводил. А я... Я человек маленький. Послали — поехал. Куда денешься? Я даже о новостройках комбината не все докладывал. Бог его знает, чего там нагородили...

Сам резидент, «бодрячок в пушистой шапке» — Иван Федосеевич Крылов — сначала показался фигурой более колоритной. Сперва все отрицал, добродушно похохатывал, удивлялся следователю, принявшему его за кого-то другого. Роль улыбчивого рубахи-парня вел умело. Но после очных ставок скис. Исчез простяга Крылов. Остался кадровый агент немецко-фашистской разведки Финк, сумевший определить самое слабое звено Песчанского химкомбината — водоснабжение — и нацеливший деятель-

ность своей агентурной группы в этом направлении, а теперь весьма озабоченный своей судьбой. Правда, и после первых вынужденных показаний продолжал юлить, жаловался на давнюю контузию, из-за которой ослабла память.

— На что вы надеетесь, Финк? Ведь полная искренность в ваших интересах!

Это внушительное напоминание следователя окончательно разоружило резидента. Сполз румянец с полных щек, ярче выступили веснушки на побледневшем лице. Нервно сцепив пальцы, назвал местонахождение «смазливой дамочки», которая завербовала и «передала» ему осанистого Вадима Валерьяновича. И сказав это, заторопился, уже не желая сдерживать себя:

— Могу сообщить весьма важное. Германское верховное руководство встревожено темпами восстановления эвакуированных предприятий оборонной промышленности СССР. Да, да, это так! До осени наша деятельность ограничивалась предоставлением соответствующей информации, но впоследствии поступил приказ перейти к активным действиям, сорвать эти темпы... Записывайте. Только прошу отметить, что эти показания я даю совершенно добровольно. Я располагаю обширными сведениями и могу быть полезен вам!

Вальтер Финк явно набивал себе цену — он откровенно боялся за свою жизнь, хотя изо всех сил старался сохранять внешнее достоинство. Бурлацкому это почему-то показалось смешным. На предыдущих допросах Финк признался, что был штурмовиком, участвовал в еврейских погромах, присваивал реквизированное имущество, за счет чего основательно нажился. При разделе имущества одной из репрессированных семей поссорился со своим напарником и в драке тяжело ранил его. Дабы избежать тюрьмы, согласился стать сотрудником всемогущего в то время абвера...

Глядя на бывшего мародера, старавшегося представлять из себя важную персону, Бурлацкий с трудом сдерживал невольную улыбку. В нем росло подспудное ощущение, что присутствует не в следственном кабинете, а в лавке человеческого утиля.

Вообще-то старшему лейтенанту присутствовать здесь было не обязательно. Для производства дознания из Москвы специально прибыл майор Гладильщиков, и Бурлац-

кий уже мало чем мог помочь этому многоопытному чекисту. Но было все-таки любопытно: как-никак самолично провел эту операцию, да и неловко как-то столкнуть на плечи Гладильщикова все оставшиеся заботы по завершению дела...

Сегодня Гладильщиков преподнес Бурлацкому сюрприз. Вручил пришедшее из Москвы распоряжение: старшему лейтенанту предписывалось и в дальнейшем оставаться в подразделении майора Селивестрова. Это так обрадовало молодого чекиста, что он не сумел сдержаться и присвистнул с мальчишеским восторгом.

Гладильщиков не усмотрел в этом ничего зазорного. Почесал рано облысевшую голову крепкой, жилистой пятерней и завистливо пробурчал:

— Радуешься... Оно, конечно, приятнее служить при основной своей специальности. Двойная польза. И себе, и всем. А я вот сколько лет лямку тяну — ну хоть бы одно дело по столярной отрасли попалось! Краснодеревщик я. Потомственный! Работка, я тебе скажу, стоящая.— И мечтательно закатил серые утомленные глаза.

— Уважаемая профессия, — охотно согласился Бурлацкий.

— Н-да... Красоту своими руками... — Гладильщиков посмотрел на свои сильные руки и задумался. Потом спохватился: — Время-то как идет... Пора за дело браться. Ну, тебя, ясное дело, здесь теперь никакими коврижками не удержишь.

— Почему... До обеда побуду, — пожалел следователя Бурлацкий. — Может, потребуется какая-нибудь справка...

— Может, и потребуется, — согласился майор.

И вот уже который час Бурлацкий сидит в душном сумеречном кабинете и рассеянно слушает беседу Гладильщикова с подследственными. Одни и те же вопросы, одни и те же ответы. Тяжкий хлеб у Гладильщикова. В десятый, сотый раз интересуется он давно известными мелочами, сравнивает, анализирует — ищет, не мелькнет ли в показаниях новый факт, новая фамилия. Ему важно убедиться — не имела ли группа Финка связи с другими звеньями немецко-фашистской агентуры? Ради этого он способен задавать вопросы-близнецы хоть тысячу раз. А у Бурлацкого впереди другие, свои дела. И потому мысли его то и дело уносятся далеко...

Через два дня Первое мая. Но настоящий праздник в Синем перевале сегодня. Именно сегодняшний день Селивестров назвал контрольным. Никто майора за язык не тянул. Прикинул, подсчитал — и объявил во всеуслышание, что двадцать восьмого апреля станет ясно — получит ли Песчанка «большую воду». Поэтому в Синий перевал сегодня выехала авторитетная комиссия. Прилетели из Москвы Дубровин, Прохоров и Кардаш. Сейчас все в веселом зеленом лесу, возле недавно пробуренных скважин, а он, Бурлацкий, вынужден сидеть здесь и слушать унылое бормотание перепуганных подонков.

Откачки из скважин идут уже десятый день. Сразу из четырех. Дебит — более ста литров в секунду. Как раз то, что надо. А он, Бурлацкий, за все эти дни сумел лишь один раз побывать на участке — полюбоваться.

То, что много воды, — хорошо. Но это еще не все. Неизвестно — долго ли скважины будут давать такое количество. Потому Селивестров приказал разбурить во все стороны от будущего водозаборного узла «лучи» наблюдательных скважин. Вот эти-то наблюдательные скважины и должны показать, какова водообильность обнаруженных в Синем перевале известняков. Если динамические запасы подземных вод малы, то уровень воды в скважинах резко понизится. Как говорят гидрогеологи, вокруг водозабора начнет интенсивно расширяться так называемая депрессионная воронка. Селивестров решил, что для стабилизации этой воронки достаточно десяти дней. Ему виднее — матерый изыскатель...

Бурлацкий не замечает, что курит папиросу за папиросой, что некурящий Гладильщиков морщится и часто кашляет в кулак.

Хоть бы не подвела эта проклятая воронка, хоть бы была поменьше, хоть бы скорее кончал Гладильщиков сегодняшние беседы — тогда на машину и прямым ходом в Синий перевал! Если все хорошо, пожать руку отчаянному майору, презревшему риск, посмотреть, как будут радоваться успеху неласковый Батышев и пресимпатичная Соня. Она, конечно же, должна быть там. По слухам, между майором и бывшей невестой вновь возникло что-то настоящее. А может, это настоящее никогда и не исчезало?..

— Кончал бы дымить. Побереги легкие. Они тебе еще пригодятся. Вся жизнь впереди... — бурчит Гладильщиков.

Бурлацкий просыпается от задумчивости. Следователь, оказывается, отпустил последнего подследственного и утомленно собирает со стола бумаги.

— Пороть тебя некому. Эка накоптил в кабинете! Бросай-ка свою соску, пойдем пообедаем.

— Какой тут обед! — Бурлацкий торопливо хватает с подоконника фуражку. — До свидания, товарищ майор. Надо сегодня успеть к постоянному месту службы. Уж не гневайтесь... Там тоже дела!

— Ну-ну... — Гладильщиков и в самом деле не обижается. — Ясно. Давай пять. Лети. Давно вижу, куда крылышки точишь...

Возле центрального водоотвода людно. Члены комиссии весело топчутся у широченной горловины трубы, из которой бьет мощная струя воды. Они ждут Селивестрова, который придирчиво проверяет записи в журналах наблюдателей и что-то чертит в своей пикетажке. Особенно весел Батышев. Забыв о директорской солидности, он резво бегает взад-вперед вдоль водоотвода, что-то прикидывает, щурясь то на копры буровых вышек, маячащих среди деревьев, то на журавлиные шеи экскаваторов, выведших траншею из леса.

— Глеб Матвеевич, — обращается к директору Кардаш, — имеющееся количество воды удовлетворит нужды комбината и поселка?

Батышев зачем-то подставляет ладонь под студеную струю, потом приглаживает жесткий седой бобрик.

— Желательно иметь больше...

— Селивестров считает, что можно будет брать в полтора раза больше. Удовлетворит?

Батышев подозрительно глядит на генерала, тянет с ответом — нюхом опытного хозяйственника чувствует какой-то подвох.

— Так удовлетворит?

— Это как смотреть... Собственно, зачем вы это спрашиваете?

— Должны же мы знать перспективные потребности Песчанки.

— Перспективные... Они безграничны, — дипломатично произносит Батышев. — Мы будем расти...

— Ну, а на имеющийся объем производства, Глеб Матвеевич?

— Хм... Надо подсчитать. — Многоопытный директор не желает называть конкретную цифру, которая, конечно же, отлично ему известна. — К чему такая спешка?

Члены комиссии смеются. Им понятна осторожность хитрого Батышева.

— А к тому, что после завершения работ в Синем перевале подразделение Селивестрова будет переброшено на другой объект, — раскрывает карты Кардаш.

— Ну, дудки! — вскипает Батышев, взмахивая руками. — Знающие специалисты и нам нужны! Хватит, намыкались! Дайте и нам пожить спокойно.

— Есть много других важнейших объектов, где проблема водоснабжения стоит не менее остро.

— И слушать не хочу! Мы в ближайшие дни намерены войти в правительство с предложением о расширении комбината.

— Вторую очередь Селивестров обеспечит. И к тому же... — Кардаш щурится с ехидцей, — и к тому же, насколько нам известно, личные взаимоотношения с командиром подразделения у вас далеко не блестящи. Может, вам лучше расстаться?

— Расстаться... Кто вам сказал такую чушь? — искренне возмущается Батышев, будто это не он терзал майора безапелляционными требованиями. — У нас великолепный деловой контакт!

Приехавшему Бурлацкому открывается веселая картина. Почтенные члены комиссии, словно школяры, увлечены жарким спором. Рыбников, Купревич и Батышев наседают на Кардаша с Дубровиным, доказывают, что подразделение Селивестрова ни в коем случае нельзя снимать с Песчанки или, по крайней мере, перебрасывать за пределы маловодной Зауральской области.

Самого Селивестрова этот спор словно не касается. Он сидит в сторонке на керновых ящиках и чертит в пикетажке. Рядом с ним сидит Софья Петровна. Бурлацкий ловит себя на мысли, что ему очень приятно видеть рядом с громоздким Селивестровым эту изящную кареглазую женщину. Она в военной форме. «Ого! — отмечает про

себя старший лейтенант. — Если она назначена к нам в часть, то...»

— Привет, Николай Васильевич! — зычно приветствует его майор, широко улыбаясь. — Вырвался-таки?

— Так точно! — Бурлацкий по-уставному козыряет. — Прибыл для постоянного прохождения службы!

— Ну, это, друг мой, совсем здорово! — еще веселее басит Селивестров и мощно пожимает Бурлацкому руку. — В самый раз. Работы выше головы! — И кивает в сторону Софьи Петровны. — Знакомься. Наш новый сотрудник. Начальник камеральной группы.

— А мы знакомы.

Красное, обветренное лицо майора совсем багровеет. Он беспомощно вертит меж толстых пальцев карандаш, мучительно подыскивая нужные слова.

— Ну, как тут у вас? — спешит ему на помощь Бурлацкий. — Воды достаточно? Качество удовлетворительное?

— Все очень удачно, Николай Васильевич, — мягко произносит Софья Петровна. — Есть чем гордиться. Водоприток обилен и постоянен. А качество...

— Качество — лучше не требуется! — обретает себя Селивестров. — Как говорит дед Лука, вода в самом деле сладчайшая! — И протягивает Бурлацкому пикетажку. — Ты посмотри... Водоприток-то! Пальчики оближешь. Направление потока строго с запада на восток. Видишь? С западной стороны наблюдательные скважины почти не дали понижения уровня. А ведь берем более ста литров в секунду. Значит, еще полсотни гарантировано!

Бурлацкий разглядывает схему. Плавные линии гидроизогипс чуть вытянулись от водозаборных скважин на восток.

— Красота! — радуется майор. — Прямо-таки счастье принес нам этот Синий перевал.

Бурлацкому и без всяких слов понятно, что все очень хорошо.

— Выходит, не зря рисковали, Петр Христофорович?

— А-а... Какой тут риск? — беззаботно отмахивается Селивестров. — Вернейшее дело! — Ему сейчас море по колено.

— Тогда, выходит, скоро прощаться будем с Синим перевалом?

— Прощаться так прощаться! — с прежней легкостью отмахивается майор. — Наше дело солдатское. Чего нам тут мозолиться? Тут теперь все загадки разгаданы. — И щурится на ясное синее небо. — А денек-то сегодня... Считай, настоящее лето!

Бурлацкий оглядывается и тут только замечает, что этот предмайский день и в самом деле отменно хорош — слепящее солнце греет по-летнему ласково и жарко.

— Денек-то сегодня...— повторяет Селивестров и вдруг озорно подмигивает старшему лейтенанту. — А не искупаться ли нам! В сладкой-то водице, а? — И расстегивает широкий поясной ремень.

Бурлацкий охотно скидывает гимнастерку. По пояс голые, оба бегут к подрагивающей от мощного напора горловине водоотвода.

Члены комиссии прекращают спор, наблюдают, как майор со старшим лейтенантом, приахивая, лезут под студеную струю.

— Чего же вы? Давайте за компанию! — кричит Селивестров. — Или кабинетную пыль смыть боитесь?

Члены комиссии переглядываются, мнутся.

— Ого-го-го! — шумно гогочет Селивестров. — Хор-р-рошша-а-а!

Купревич, поколебавшись, шутливо бросает Прохорову:

— Помирать — так с музыкой! — И энергично скидывает пиджак. Белый, нежнотелый, он с бесшабашной отчаянностью лезет к горловине.

Конфузливо оглянувшись на Дубровина с Кардашем, Прохоров следует его примеру.

Растирая мокрую мускулистую грудь, Селивестров блаженно запрокидывает голову, глядит вверх. Ему хочется сказать старому профессору и генералу, как хорошо плескаться вот так в сладкой, студеной воде под безоблачным отчим небом, но к красивым словам он не привык и потому снова лезет под струю, снова восторженно гогочет:

— Ого-го-го!

Всем смешно. Полуголый гогочущий верзила-майор — в самом деле потешное зрелище. Батышев даже хватается за выпуклое брюшко.

Только Софья Петровна, очевидно, знает полностью, что сегодня творится на душе у Селивестрова. Стеснительно прикрываясь ладошкой, она беззвучно шевелит губами — говорит ему что-то такое, что понятно лишь им двоим.

трое суток невидимой войны

повесть

1. НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ПРАЗДНИК

День 7 ноября 1942 года для майора Савушкина начался, как все дни. Проснулся в шесть утра, умылся, побрился. Прежде чем отправиться по подразделениям, собрался позавтракать. Крикнул за дощатую перегородку, которая разделяла землянку на две узкие комнатушки:

— Неси, Матвеич!

Бывший курганский колхозник Чалов — кулинар и хозяйственник неважный. Но не болтлив, аккуратен и исполнителен. И за это Савушкин, любящий во всем порядок, уважает пожилого красноармейца, почти год держит при себе ординарцем. Чалов не проспит, не пробездельничает, как это случается порой с ординарцами других командиров. Он отлично изучил привычки майора, и Савушкин наперед знает, что ординарец давно проснулся, побрился и разогрел в котелке вчерашнюю кашу с консервами. К пище майор нетребователен и вполне удовлетворяется солдатской кухней.

— Иду, товарищ майор! — откликнулся из-за перегородки Чалов, и в глуховатом голосе его было столько необычной приподнятости, что Савушкин впервые за это утро удивился.

Вскоре ординарец вошел в тесную комнатушку майора. Низкорослый, кривоногий, он вошел важно, торжественно, как некую драгоценность, неся на вытянутых руках всамделишный поднос, накрытый новым вафельным полотенцем. И майор опять удивился и этой торжественности, и подносу, и полотенцу.

Под полотенцем Савушкин обнаружил несколько эмалированных мисок с соленьями и жареной рыбой, тарелку со свежими яблоками и умело обжаренную курицу. Традиционной каши, к которой майор привык, как лошадь к сену, не было. Пока он продолжал удивляться и размышлять над нивесть откуда и почему появившимся подносом, Чалов успел принести полную фляжку и алюминиевую стопку.

— Это как понимать, Матвеич? — спросил не расположенный к беседе Савушкин. — Что это?

— Как-никак, а сегодня праздник, товарищ майор! — со значением произнес Чалов. — Серьезная годовщина, можно сказать.

— А ведь точно... — Невыспавшийся Савушкин только сейчас сообразил, что день, которого так ждали, к которому в этот раз готовились особенно тщательно, наступил. Еще вчера и позавчера он выделял бойцов в помощь политработникам писать лозунги, рисовать плакаты, оформлять стенгазеты, сам хлопотал в отделе тыла, чтобы на праздник выдали продукты получше, и на тебе... Совсем запамятовал!

Чувствуя, как в нем самом зарождается высокое торжественное чувство, Савушкин одернул гимнастерку, еще раз оглядел празднично преобразившийся стол и раздумал спрашивать Чалова, где он одолжил этот шикарный поднос, эти новенькие миски, где раздобыл соленья, рыбу и курицу. Понимал — раздобыть все это законным порядком рядовому ординарцу ой как трудно. Наверняка старина где-то словчил.

Чалов слегка прикашлянул. Он явно ждал похвалы.

— Ну, спасибо, Матвеич, — спохватился Савушкин. — Уважил!

Чалов открыл фляжку, наполнил стопку и сделал шаг от стола, выжидая, когда майор отведает с подноса.

— М-да... — Савушкин почесал затылок. — Ведь праздник, Матвеич. Одному как-то того...

— Я для вас старался... — насупился красноармеец, его загорелое морщинистое лицо обиженно скривилось.

— Понимаю. Но все-таки... Такая годовщина! Не по-пролетарски получается.

— Я для вас старался, — ревниво повторил Чалов. Он уже понимал, что теперь ничего не изменить — если майор что-то решил, то его не переубедишь.

— Это в тебе, брат, буржуазные пережитки, — добродушно сказал майор, а сам весело подумал, как хорошо получится, когда он, поздравив личный состав батальона с праздником, позовет к себе офицеров...

— Я для вас старался, — уже совсем безнадежно пробурчал Чалов, скорбно глядя на поднос. Он знал то, чего не знал редко выпивавший неприхотливый Савушкин. Во внеслужебное время кое-кто из неравнодушных к спиртному командиров любил заглянуть к майору, у которого всегда имелся запас пайковой водки. «Выпить они и без

тебя выпьют. Но зачем же отдавать на съедение эту роскошь?» — было написано на скорбном лице ординарца.

— Молодец, Матвеич. Здорово развернулся, — еще раз похвалил Савушкин, не замечая вконец испортившегося настроения Чалова. Он окончательно обрел хорошее расположение духа, почувствовал себя бодрым, хотя поспать в эту ночь пришлось не более четырех часов. — И не жадничай. Праздник-то какой!

Зазуммерил внутренний телефон. Савушкин поднял трубку. Дежурный по штабу батальона сонным усталым голосом сообщил, что майора просил срочно прибыть Волгин. При телефонных переговорах Волгиным условно именовался начальник разведуправления фронта полковник Тагильцев.

«Любопытно, зачем я понадобился ему в праздник?» — продолжая оставаться в радужном настроении, подумал Савушкин, вызвал дежурную автомашину и стал одеваться.

Чалов обрадованно накрыл поднос полотенцем и бережливо слил спирт из стопки обратно во фляжку.

Неторопкий осенний рассвет запаздывал. Его слабых сил не хватало, чтобы пробить толщу мешковатых облаков, толпами плывших откуда-то с юга, наверное, с самого Азовского моря. Облака плыли низко, задевая лохматыми сырыми хвостами верхушки сиротливо голых деревьев, осыпая разбухшую от недавних дождей жирную землю мокрым снегом.

Когда майор Савушкин выбрался из своей землянки, холодный резкий ветер сердито швырнул ему за ворот пригоршню студеной влаги. Майор втянул голову в плечи и беззлобно подумал: «Погодка, однако... Дизентерия — не погодка! Впрочем, это к лучшему...»

Негромко фырча, подкатила «летучка»-полуторка. Втискиваясь в кабину, Савушкин еще раз посмотрел на тусклое небо и снова подумал, что это даже хорошо — не надо опасаться немецких самолетов. Праздничное настроение все еще не покинуло его, хотя где-то в душе начала зарождаться неясная озабоченность.

— Тихо сегодня, — сказал шофер, — можно гнать без оглядки.

— Можно, — согласился Савушкин и прислушался.

Действительно, кроме негромкого рокота мотора да посвиста ветра, ничего не нарушало неуютную тишину блеклого немощного рассвета. Не ухали орудия на юге, за Доном, где на плацдарме закопались советские войска, не стреляли зенитки у переправ через реку, не гремели взрывы немецких бомб возле них. Правда, до линии фронта около тридцати километров, но все равно... Постоянные в этих местах южные осенние ветры всегда доносили отзвуки канонады. А сегодня тихо...

И от этой непривычной тишины вдруг исчезла та веселая беззаботность, с которой Савушкин покинул теплую землянку. «Зачем я ему понадобился?» — уже с тревогой подумал он о Тагильцеве.

Полковник Тагильцев стал начальником разведуправления фронта недавно, но с Савушкиным они старинные знакомые. Еще до финской кампании случилось вместе служить на Дальнем Востоке. Год назад вместе воевали под Москвой. Теперь вновь встретились здесь...

Тагильцев — неулыбчивый, строгих правил человек. Ошибок прощать не любит, смягчающих обстоятельств не признает — это Савушкину известно как дважды два. Уж коли дал полковник установку — разбейся, а сделай. Не можешь выполнить — говори сразу. Иначе хуже будет. Трепачей, пустозвонов и любителей пустить пыль в глаза полковник в своей службе не терпит. И при всем том Савушкин знает, что Тагильцев справедлив, отличившихся наградой и благодарностью не обойдет, людей понапрасну беспокоить привычки не имеет. Тем более не будет беспокоить его, Савушкина, ибо знает, какая хлопотливая у майора должность.

И тем не менее вызвал. В праздник. Что такое стряслось, что он, командир отдельного батальона связи — батальона фронтовой радиоразведки, — майор Савушкин, вдруг понадобился полковнику в такое неподходящее время? Савушкин стал перебирать в памяти события последних дней, доклады подчиненных, но никаких серьезных упущений по своей службе не припомнил.

«Черт возьми, зачем? — с растущим беспокойством размышлял майор, теряя остатки недавней веселости. — Неужто разнос? Э-эх, людям праздник, а ты...»

Тем временем ходко бежавшая по избитой прифронтовой дороге полуторка приближалась к небольшому районному городку, где размещался штаб фронта.

2. ИСЧЕЗ ТАНКОВЫЙ КОРПУС

В кабинете полковника Тагильцева дымно. У полковника неожиданные гости: командующий фронтом генерал-лейтенант Николаев и начальник штаба генерал-майор Сталемахов. Командующий и начальник штаба склонились над раскинутой на широком полковничьем столе картой. Сам Тагильцев стоит чуть сбоку, но взгляд его безотрывно следит за карандашом Сталемахова, вслух анализирующего обстановку. Николаев тоже следит за перемещающимся карандашом начштаба и озабоченно морщит широкий мясистый лоб.

Дело, приведшее генералов к начальнику разведуправления, весьма серьезное, внушающее заботу и тревогу. На днях снялся с места и исчез в неизвестном направлении немецкий танковый корпус, находившийся в резерве верховного германского командования. До недавних пор корпус дислоцировался в двухстах километрах от линии фронта, а куда брошен сейчас — неизвестно. Исчез вместе с входящими в его состав двумя полностью укомплектованными танковыми дивизиями, вместе с частями усиления и корпусными подразделениями. И это в тот момент, когда полным ходом шла подготовка к большому наступлению советских войск, в котором должно было одновременно участвовать несколько фронтов.

Немецкий танковый корпус — сила серьезная. Каждая из его бронетанковых дивизий по численности личного состава и оснащенности техникой превосходила любой советский механизированный или танковый корпус тех времен. А тут две дивизии да плюс к тому многочисленные части усиления, мощная артиллерия... Если такой бронированный кулак обрушится на фланги наступающих советских войск — быть многим бедам. А главное — могут быть замедлены темпы наступления. В предстоящей же операции все решали темпы...

Где-то на юго-востоке, за придонскими степями, продолжались ожесточенные уличные бои в разрушенном Сталинграде; на юге, в предгорьях Кавказа, немецкие механизированные и горноегерские части еще не отказались от попыток прорваться к бакинской нефти. Вся южная группировка фашистских армий продолжала активные действия, удерживала в своих руках стратегическую инициативу. Эту инициативу нужно было перехватить,

пришло время создать перелом в войне. Фронту, которым командовал Николаев, отводилась немаловажная роль в осуществлении этой задачи. Все шло по плану. И вдруг исчезает целый корпус противника...

— Передислокация корпуса в район Кавказа — вариант маловероятный, — продолжает рассуждать Сталемахов. — Использование танков в горных условиях мало что даст немцам. Думаю, они это отлично понимают.

— Разумеется, — соглашается Николаев. — Юг исключен.

— Сталинград... Может быть, они все же решили предпринять там какие-то решительные акции?.. — полупредполагает-полуспрашивает Сталемахов и поворачивает бледное, утомленное лицо к Николаеву.

— Это было бы авантюрой! — Генерал-лейтенант резко выпрямляется. — Им там сейчас и три корпуса погоды не сделают. И притом... здесь... Сотни километров стабилизировавшегося фронта! Не могут они не иметь на таком огромном пространстве солидных оперативных резервов. Не могут не иметь! Этот проклятый корпус где-то здесь.

Начальник штаба долго смотрит на карту, ведет остро заточенным карандашом по извилистой линии фронта, наконец соглашается:

— Да. По логике вещей должен быть здесь...

— Вы связались с разведотделами Ставки, других фронтов? — спрашивает Николаев Тагильцева.

— Так точно. На других участках появления новых соединений не зафиксировано.

— Хм... — Невысокий, плотный Николаев начинает быстро расхаживать по тесному кабинету — три шага от стола до двери, три шага обратно,— его полное моложавое лицо становится хмурым. — Черт побери... Важно знать, где этот корпус сейчас. Зная его расположение, не трудно принять упреждающие меры.

— Разумеется. — Тагильцев на голову выше Николаева. Он худ, узкоплеч, высокий рост словно мешает ему, так как, глядя на командующего, он чуть склоняет к плечу крупную лысую голову.

— Разумеется... — раздраженно бурчит Николаев. — Разумеется, проще простого принять контрмеры, когда знаешь, откуда ждать удар. Я пока не знаю. А вы знаете?

Тагильцев пожимает худыми плечами, и на его длинноносом продолговатом лице появляется выражение вины.

— То-то и оно! — Николаев вдруг останавливается, глядит на начальника разведуправления снизу вверх. — Послушайте, полковник, а не ошиблись ваши разведчики? Не обманули их немцы? Может быть, они выдумали какой-то трюк?

— Исключено, — уверенно говорит Тагильцев. Выражение вины исчезает с его лица, оно вновь становится строго официальным. — Мы располагаем сведениями из различных источников. Сообщения подпольных организаций, разведывательных групп, авиаразведки и специально заброшенных парашютистов совпадают — в прежнем районе дислокации корпуса уже нет.

— Что же, такая махина испарилась в неизвестном направлении?

— Перед перебазировкой противник провел широкую операцию по уничтожению партизан и наших разведгрупп. Они были вынуждены на время покинуть интересующий нас район. Железнодорожные станции в зоне погрузки были оцеплены, магистрали тщательно патрулировались.

— Вы полагаете, что немцы перебросили корпус по железной дороге? — устало спрашивает Сталемахов.

— Не исключено. — Тагильцев ненадолго замолкает, чешет костлявым кулаком острый, тщательно выбритый подбородок. — Но едва ли... Простейший подсчет показывает, что для переброски этого корпуса противнику потребовалось бы что-то около двухсот эшелонов. Такой концентрации подвижного состава мы не могли не заметить. Тут двумя днями не обойдешься...

— Почему двумя?

— Видите ли, операции против партизан были предприняты первого и второго ноября. Третьего ноября все части корпуса прекратили всякую радиосвязь... — Полковник многозначительно посмотрел на внимательно слушавшего командующего. — Пятого ноября мы получили первые сведения о передислокации корпуса, а вчера вечером и сегодня ночью эти сведения были уточнены окончательно. Следовательно...

— Следовательно, корпус движется в новый район сосредоточения своими средствами! — быстро заключает за него Николаев. — Так?

— Всего вероятнее, — соглашается Тагильцев.

— Так куда же он движется?

— Сведений пока не имею. — На лице полковника опять появляется чуть заметное виноватое выражение. — В такой ситуации могла много дать авиационная разведка, но... Сами видите! — Тагильцев угрюмо кивает на окно.

Николаев подходит к окошку, отдергивает темную маскировочную шторку. Все трое глядят на тусклое, забитое тучами небо.

— Н-да, — вздыхает Сталемахов. — Вот вам праздничный сюрприз! Но куда все же он переброшен?

Все снова склоняются над картой.

— Неужели они располагают сведениями о готовящемся наступлении? — вдруг тихо произносит Николаев, и обветренное лицо его слегка бледнеет.

— Полноте, товарищ генерал-лейтенант! — Тагильцев изменяет обычной своей официальности, взмахивает длинными тощими руками. — Не может быть! Меры маскировки приняты самые строжайшие! Наши разведорганы начеку. Любые крупные мероприятия противника по отражению наступления были б тотчас замечены. Мы точно знаем — пока такие мероприятия не проводятся.

— А исчезновение целого танкового корпуса, по-вашему, не мероприятие, а легкая прогулка по Невскому? — язвительно замечает Николаев.

— Так-то так, товарищ генерал-лейтенант, — приходит на помощь Тагильцеву начальник штаба, — но если учитывать огромные размеры предстоящей операции, то никакой отдельно взятый корпус тут ничего изменить не сможет. Часы бьют уже не немецкое, а наше время.

— Конечно, — соглашается Николаев, — в целом изменить не может. Но на какой-то из важнейших этапов этой операции повлиять сможет. И причем существенно. Внезапный удар... Не шутка! Опасность этого удара никто не может предопределить, пока мы не знаем, откуда его ждать. — Николаев опять поворачивается к Тагильцеву. — Дайте мне район сосредоточения этого невидимки-корпуса. Кровь из носу, а дайте! Дадите — сумеем сделать из него лапшу. Нынче сил у нас на это хватит!

— Дадим,— уверенно говорит Тагильцев.— Дайте время — дадим.

— Нет, дорогой полковник, — жестко усмехается Николаев, — времени-то как раз нам ныне и не дано. Все предоставлено: люди, оружие, техника, а времени — пшик! Больше трех дней не даю. Извольте через три дня члено-

раздельно доложить о новом местоположении этого резервного корпуса.

— Постараемся, — менее уверенно произносит Тагильцев и вновь угрюмо косится на тусклое окно.

— Что вы думаете предпринять? — уже по-деловому спокойно спрашивает Николаев.

— Предприняли. Сегодня ночью в тыл к немцам дополнительно заброшено несколько разведгрупп. Поскольку метеослужба летной погоды на ближайшие дни не обещает, то основные надежды возлагаю на радиоперехватчиков.

— Это почему?

— Погодка-то... — Полковник кивает на окно. — Снег, холода... Немцы не большие охотники прокладывать телефонные линии в таких условиях. Да и по логике вещей едва ли найдется у соединений, только что произведших передислокацию, достаточное количество кабелей и проводов для прокладки десятков километров новых линий. К тому же местность изрезана балками, стройматериалов нет. Тут вся надежда на радио. В этом деле немцы мастаки.

— Допускаю, — соглашается командующий.

— Потому будем надеяться, что, заняв новый район, соединения корпуса начнут отрабатывать радиосвязь. Ну, а поскольку их станции выйдут в эфир — будьте уверены! — наши радиоперехватчики быстро их обнаружат.

— Вы уверены?

— Уверен.

— Кто у вас руководит этим делом?

— Майор Савушкин. Командир батальона фронтовой радиоразведки.

— Молод?

— Тридцать лет.

— Опытен? Грамотен?

— Чрезвычайно! — неожиданно произносит Сталемахов. — Мне пришлось убедиться в способностях Савушкина еще под Москвой. Его данные были всегда безупречны. Отличный специалист и командир. Думает.

— Ну, тут у меня перед вами преимущество, товарищ генерал-майор. — По блеклым губам Тагильцева проскальзывает подобие улыбки. — Я знаю сего мужа несколько раньше... — Он на мгновение замолкает, потом

признается: — По чести говоря, я был счастлив получить такого исполнителя в свое распоряжение.

— Интересно... — Николаев с любопытством смотрит на подобревшее лицо полковника. — Столько лет знакомы, а вот никогда не подозревал, что вы можете питать столь сокровенные чувства к кому-то в служебной обстановке... Жалуются — сухарь! Выходит, напрасно. Как, напрасно?

Костистое лицо Тагильцева розовеет, он нервно дергает руками, очевидно, жалеет, что пооткровенничал. Молчит.

— Ну ладно, ладно, Константин Афанасьевич, не сердитесь. — Николаев примирительно улыбается Тагильцеву. — Мы ведь старые сослуживцы — зачем нам ссориться? От меня-то вы не спрячетесь, как от прочих, за своей неизменной официальностью. Разве не так? Помните Халхин-Гол?

— Да полноте, Николай Федорович... Не время, — конфузится Тагильцев.

— Ну-ну... — благодушно ворчит Николаев. — Не время так не время... А с Савушкиным этим вы меня познакомьте. Люблю знакомиться с интересными людьми.

— За этим дело не станет, — обретая себя, говорит Тагильцев и глядит на наручные часы. — Я уже вызвал его. Должен быть здесь.

— Вот как!

Тагильцев крутит ручку индуктора, берет телефонную трубку.

— Дежурный? Майор Савушкин прибыл? Ждет? Пригласите ко мне.

3. НАКАНУНЕ ПЕРЕЛОМА

Возвращаясь из штаба фронта, Савушкин размышлял о только что полученном приказе во что бы то ни стало обнаружить исчезнувший корпус. Само по себе такое распоряжение не было неожиданным. В том и состояла работа подчиненных майора, чтобы осуществлять контроль за радиообменом между немецкими штабами, расшифровывать коды, и если из эфира исчезала та или иная штабная радиостанция — то вновь обнаружить ее. Тагильцев мог не вызывать его к себе. Тем более в праздник.

И никакого особого приказа не требовалось. Уже с 3 ноября, когда одновременно прекратили работу все ра-

диостанции немецкого корпуса, двенадцать лучших радистов-перехватчиков — по четыре в смену — круглосуточно шарили в эфире, отыскивая голоса замолкших радиопередатчиков.

И в то же время в совершенно заурядном для радиоразведчика событии на этот раз было нечто особенное, особо важное, ранее не встречавшееся. Недаром командующий и начальник штаба фронта так дотошно расспрашивали его, Савушкина, о тонкостях работы перехватчиков, просили хотя бы приблизительно предсказать вероятность успеха. Они были явно встревожены.

Война есть война. Части, соединения и даже целые армии противостоящих сторон беспрерывно маневрировали, перемещались с участка на участок, а то и с фронта на фронт — и ничего удивительного в том для Савушкина не было. Если для обычного фронтового офицера война ежечасно представала своим обнаженным лицом — с жертвами, обильной кровью, окопными тяготами и постоянным риском быть вычеркнутым из жизни, то с Савушкиным война говорила языком радиограмм, хитроумных, часто меняющихся шифров, перемещениями радиоголосов, их молчанием или их фальшивыми вздохами. И если для непосвященного трельчатая дробь морзянки была обыкновенным писком, то для Савушкина она была то врагом, то другом, то предвестником радости, то предвестником беды.

Вовремя расшифрованный вражеский код спасал тысячи жизней, вовремя услышанный голос радиостанции вновь появившегося крупного немецкого соединения (а то и нескольких сразу) предупреждал о надвигающейся опасности, а тишина в эфире говорила еще о большем — о зловещем. Радиоразведчики всего более не любят тишины, ибо тишину не расшифруешь языком математики, для кого-то из противников она всегда несет элемент неожиданности...

Савушкин не стрелял, не подымал бойцов в атаку, не водил за собой колонны танков, не командовал артиллерийскими батареями — он воевал в другой сфере. Он предостерегал от неожиданностей, значит, спасал жизни многих из тех, кто стрелял, подымал бойцов в атаку, водил в бой танки...

Безбрежная пустая высь над истерзанной взрывами землей тоже была ареной войны. Войны невидимой, но столь же бескомпромиссной. Физическое противоборство

здесь заменили борьба умов, нервов, соревнование в гибкости фантазии и еще многое другое... Каждая победа здесь оборачивалась освобожденными городами, не отданными врагу позициями, каждое поражение — отступлениями, гибелью десятков тысяч тех, кто шагал по истерзанной взрывами родной земле. И Савушкин находился не на последних рубежах в этой войне. Он не хитрил, не соревновался в гибкости фантазии — то был удел других. У Савушкина была более прозаическая солдатская работа. Он был обязан разгадывать хитрости и уловки фашистов.

Требовалось для такой работы немногое: исправная материальная часть, аккуратность, дисциплина, ну, нормальные мозги да крепкие нервы в придачу. По крайней мере, будучи в меру честолюбивым, так всегда считал сам Савушкин.

А хитрить немцы умели. Периодическая смена шифров, длины волн и позывных радиостанций — это для немцев закон. Такая же обязательная процедура, как обед или ужин. Тут от радиоперехватчиков особой мудрости не требуется. Были бы аккуратность и внимательность. Правда, здорово прибавится работы дешифровщикам и офицерам, ведущим регистрацию вражеских пунктов связи, но это уже дело обычное. Каждый воюет своим оружием, каждого война оделяет своими тягостями: кому студит тело в мокром окопе, кому сушит мозги и нервы.

Хуже, когда вдруг начнется такая чехарда, что сам господь бог с ума спятит. В полосе какой-нибудь группы армий вдруг все радиостанции разом сменят позывные, длину волн, перейдут на новые коды, другими тембрами заговорят ранее знакомые голоса радиопередатчиков, немецкие радисты, к «почеркам» которых перехватчики давно привыкли, перемещаются со станции на станцию. В общем, бедлам. Что-то вроде капитального ремонта в старом доме. Но суть в общих чертах ясна — происходит перегруппировка войск в полосе этой группы армий. А потому многое понятно. Противнику важно, чтобы не было известно, какое соединение куда перемещено, но для радиоперехватчиков и это только вопрос времени.

Сквернее, когда радиостанции работают, ведут нормальный радиообмен, а дивизии, которым они принадлежали, уже разгружаются из вагонов за сотни километров, на другом фронте. Радисты-перехватчики записывают ра-

диограммы, шифровальщики расшифровывают, дежурные офицеры регистрируют, докладывают о содержании куда положено. Внешне вроде бы все в порядке, а гроза сгущается... Ее надо предугадать, надо осознать, надо предупредить... А как?

Ошибешься, не дашь сигнал тревоги, поверишь этому внешнему благополучию — и разразится нежданная буря на каком-то участке огромного театра военных действий. Расплатятся тысячами жизней застигнутые врасплох соотечественники за то, что кто-то оказался недостаточно проницательным, доверился липовым фашистским шифровкам.

Нет, емкое содержание имела для Савушкина трельчатая дробь морзянки, невидимо заполнявшая эфир. Многое в ней было, а главное — за каждой точкой и тире таилась угроза человеческим жизням.

Но сейчас майору было не до общих размышлений. Человек практического ума — он думал о полученном приказе, вспоминал отдельные детали только что закончившегося разговора, сравнивал, анализировал, стараясь создать для себя цельную картину обстановки. И чем дольше думал, тем прочнее росло убеждение: большие события на фронте не за горами.

3 ноября, когда майор приезжал к Тагильцеву с докладом об исчезновении немецких радиостанций, в штабе фронта происходило какое-то чрезвычайно важное совещание. Давно Савушкину не приходилось видеть в одном месте столько высших военачальников, сколько увидал в тот раз. Были тут командиры дивизий, корпусов, командующие армиями.

Но все стало понятным майору несколько позже, когда он из окна кабинета увидел во дворе штаба троих генералов. Он знал их всех — встречал раньше — и потому сразу напрягся, почувствовав подспудно грандиозность предстоящих событий. Лицом к окну стоял круглолицый, довольно моложаво выглядевший генерал-лейтенант в видавшей виды потрепанной шинели — новый командующий фронтом Николаев. Энергично жестикулируя, что-то говорил ему крепко сбитый мужчина с суровым, властным лицом — представитель Ставки генерал армии Георгиев. Третий, высокий и ладный, одетый в щегольское кожаное

пальто с меховым воротником, стоял спиной к окну, но и его узнал Савушкин сразу — то был генерал-лейтенант, командующий соседним фронтом.

Это была важная троица. Все трое показали себя с наилучшей стороны в тяжелых боях 1941 года, и в армии было широко известно, что Верховный Главнокомандующий доверял им особо ответственные операции. Их совместное присутствие на совещании все сказало Савушкину. Хотя он давно ждал перелома в войне и знал, как энергично этот перелом подготавливается, — сознание, что все это уже где-то близко, было настолько удивительным, что он тогда не сдержался и присвистнул.

Просматривавший сводки полковник Тагильцев изумленно взметнул жидкие брови, посмотрел на майора, потом в окно. Встал, задернул шторку. И многозначительно промолчал. Это тоже кое-что значило.

С того дня Савушкин жил и работал в состоянии постоянного ожидания. Гадал лишь об одном: когда? Как и раньше ночами, и только ночами, подтягивались к линии фронта свежие стрелковые и танковые части, натужно гудели грузовики, подвозившие боеприпасы, ревели моторами на тщательно замаскированных полевых аэродромах боевые самолеты, но теперь все эти привычные ночные звуки обрели новый смысл, более богатое содержание.

Поэтому разговор в кабинете полковника Тагильцева взволновал Савушкина. Размышляя о всем услышанном, он старался составить собственное мнение о новом местоположении исчезнувшего корпуса, который мог в какой-то степени ослабить силу первоначального удара советских войск. Такого он, Савушкин, как коммунист и русский солдат, допустить не мог.

Раздумывая таким образом, майор бессмысленно глядел в ветровое стекло и не реагировал на частые реплики словоохотливого шофера, которому очень хотелось поделиться новостями.

— Нынче ночью опять танки шли, — сообщал тот. — Много. Слух идет, что целая танковая армия с Брянского фронта прибыла. Врут или как?

«На эти дни надо увеличить число вахт, — соображал майор. — Полковник Тагильцев прав. Ни погода, ни местность не позволят немцам быстро протянуть надежные телефонные линии. А дивизии не могут долго оставаться

без связи со штабом корпуса. Это не в немецких правилах. Значит, должны выйти в эфир...»

Шофер помолчал, несколько раз обругал избитую дорогу, опять не выдержал:

— Силы большие у Дона скопились. Как вы думаете, товарищ майор, скоро фрицев колошматить начнем?

— Всему свое время, — буркнул майор, а сам продолжал думать свое: «Хотя бы скорей Плешивцев вернулся. Все было бы легче. Пойдем в наступление — мне одному не справиться...»

Заместитель Савушкина капитан Плешивцев был ранен осколком бомбы, когда руководил строительством базы, в которой теперь размещался батальон. Отправляя заместителя в госпиталь, майор пообещал не брать никого на его должность, пока тот не выздоровеет. Выздоровление Плешивцева почему-то задерживалось, и верному своему слову Савушкину приходилось нести двойную нагрузку: исполнять свои прямые обязанности да вдобавок ко всему прочему тащить все хозяйственные дела.

4. СЛУХАЧИ

К полудню, покончив со всеми неотложными вопросами, майор Савушкин покинул наконец-таки штаб батальона. Настроение у него немного улучшилось. Теперь можно было спокойно обосноваться на приемном радиоцентре, куда он на несколько дней решил перенести свой командный пункт.

Небо, как и утром, было затянуто грязно-серыми низко плывущими облаками, продолжал валить мокрый снег. Ветер трепал полы шинели. Савушкин зябко поежился, огляделся. Все батальонные постройки, и раньше почти незаметные в редком лиственном лесу, укутались в белое, стали совсем неразличимыми, слились с землей. Теперь даже в ясную погоду немецкой авиаразведке будет трудно обнаружить базу.

Место для базы выбрал еще капитан Плешивцев. Совсем недавно возле опушки леса стояли постройки животноводческого совхоза. Во время летних боев, когда немцы еще не потеряли надежду форсировать Дон, фашистская авиация разбомбила поселок. Все здания и фермы сгорели, а построенные меж деревьев овощехранилища сохранились. Крытые дерном, они так заросли травой, что

были незаметны с воздуха. Это-то и соблазнило Плешивцева. К тому же овощехранилища, отрытые в плотной глине, были сухи и очень просторны. Требовалось совсем немного работы и материалов, чтобы превратить одно из них в штаб, другие — во вместительные казармы, а в остальных разместить столовую, радиомастерские и прочие подсобные службы. Заново пришлось строить только здание приемного радиоцентра. Но и оно наполовину утонуло в земле. Снаружи были видны лишь часть стены, невысокие, но широкие окна да крыша, тоже крытая дерном.

В августе и сентябре, видимо догадавшись, что где-то в этом районе расположились основательно насолившие им русские радиоразведчики, немцы много раз предпринимали попытки обнаружить и уничтожить батальон, но безрезультатно. Много дней кружили самолеты-разведчики в окрестностях базы, не раз наугад бросали бомбы, надеясь вызвать заградительный зенитный огонь, и все впустую. Не смог выполнить задачи и парашютный десант, сброшенный в конце сентября. Он был целиком уничтожен размещавшимися поблизости стрелковыми подразделениями и караульной ротой. В конце концов немцы оставили базу в покое — не то убедились в невозможности обнаружить ее, не то перенесли поиски в другой район.

В своем кабинете майор застал младшего лейтенанта Табарского. Скучавший от безделья планшетист решил вздремнуть на единственном в батальоне мягком командирском диване. Этот видавший виды потертый диван во время оно невесть где раздобыл все тот же разбитной Плешивцев. Никакого нарушения Табарский не совершил: кабинет не запирался, в сейфе хранились те же карты, что имелись у планшетиста, и официального запрета заходить в кабинет не существовало, но все же среди радистов бытовала традиция, и Савушкин об этом знал: в кабинет может заходить лишь начальник смены, да и то только тогда, когда потребуются дополнительные чистые карты. Поэтому присутствие сладко посапывавшего планшетиста несколько удивило майора.

Савушкин неторопливо разделся, сел за стол, снял и протер очки. Кашлянул негромко. Табарский перестал посапывать. Савушкин кашлянул еще раз. Младший лейте-

нант как-то легко, вроде и не спал совсем, широко распахнул косоватые узкие глаза, в них метнулся испуг...

Савушкин как ни в чем не бывало открыл своим ключом сейф и достал пачку карт.

Планшетист взлетел с дивана, будто его огрели хлыстом. Вытянулся в струнку возле стола, замер.

Савушкин закрыл сейф, проверил заточку торчащих из спиленной снарядной гильзы карандашей. Взглянул на младшего лейтенанта. Тот вздрогнул, вдруг вскинул в приветствии руку к виску, выпалил одним духом.

— Товарищ майор! Планшетист младший лейтенант Табарский. За время вахты изменений в расположении пунктов связи противника не обнаружено. Контрольные пеленги взяты согласно расписанию. Перемещений радиостанций не отмечено.

Чтобы скрыть улыбку, Савушкин наклонил голову и стал разворачивать карту. Табарский продолжал стоять в прежней нелепой позе. Чтобы помочь ему, майор неторопливо пригладил ладонью волосы. Тут только растерявшийся планшетист сообразил, что на нем нет шапки. Рука вялой плетью упала вниз, в вытаращенных глазах испуг сменился тоской и беспомощностью. Савушкин стал рассматривать карту. Некоторое время оба молчали.

Наконец Табарский оправился от шока.

— Товарищ майор, разрешите идти? — тихо произнес он.

— Пожалуйста! — Савушкин невозмутимо пожал плечами. — Я вас и не приглашал, и не задерживаю.

Неловко повернувшись, планшетист пулей выскочил из кабинета. Теперь Савушкин позволил себе широко улыбнуться. Он был уверен: в будущем младшего лейтенанта не загонишь в кабинет даже палкой.

Что бы ни говорили о нем, как ни называли — бурбоном или похлеще, — майор был уверен, что строгое соблюдение внешне кажущихся бюрократическими воинских формальностей — дело необходимое. Через такие вот мелочи, выполнения которых вроде бы даже без особой нужды командиры требуют изо дня в день, воспитываются в человеке чувство дисциплины, способность подчиняться, без коих нет солдата. Неукоснительное соблюдение воинской субординации делает солдата солдатом, а армию армией. И если в будущем младший лейтенант уже никогда не заберется отдыхать в командирский кабинет — это

очень хорошо. Хорошо, хотя Савушкину ничуть не жаль старого, невесть где найденного дивана.

Раздражения после поспешного ухода планшетиста майор не чувствовал. Только легкую зависть. Спать вот так беззаботно, да еще днем, сам Савушкин разучился давным-давно. Несмотря на свои тридцать лет, он чувствовал себя по сравнению с двадцатилетним Табарским чуть ли не стариком, почти отцом. И думал о планшетисте как-то сочувственно, по-отцовски. Слишком много таких вот юношей прошло через его руки, чтобы сохранить способность сердиться на них.

Что из того, что Табарский самонадеян, что в нем чересчур много хвастливого, мальчишеского? Год, два — и оботрется. Станет настоящим командиром. Главное — парень думающий, совестливый, грамотный. Значит, армии будет весьма полезен. А раз думающий — не требуется никаких моралей и внушений, сам понимает, что к чему. Лобовые сентенции чаще вредят делу, нежели помогают. Надо лишь держать вожжи натянутыми. Чтобы не слишком прыгал, не набил себе напрасных шишек.

Тихонько постучав, в кабинет по-кошачьи бесшумно вошел начальник смены капитан Разумов. Вытянулся, щелкнул каблуками.

— Товарищ майор...

— Здравствуйте. Присаживайтесь.

Доклады начальников смен Савушкин привык принимать по-деловому — за столом, над картой. Дело важное, и тут чеканный скоропалительный рапорт ничего не дает ни докладывающему, которому надо многое запомнить и зазубрить, ни принимающему доклад, которому надо досконально знать действительное состояние дел.

— Ну-с, рассказывайте, капитан.

Пока капитан докладывал, Савушкин внимательно слушал, делал на полях карты ему одному понятные пометки, одобрительно кивал чубатой головой.

Все в Разумове нравилось майору. И неторопливость, и обстоятельность, и цепкая память. Даже по-вятски мягко ёкающий говорок был приятен майору. Разумов не относился к числу тех внешне блестящих командиров, отменная строевая выправка и бравый вид которых сразу обращают на себя внимание. Капитан был тих, скромен,

внешне больше походил на сельского фельдшера, бухгалтера, штатского администратора, кого угодно, только не на кадрового командира-радиоразведчика. Круглое курносое лицо, в каждой морщинке которого светилось природное добродушие, далеко не богатырские рост и сложение, небольшое брюшко, выпиравшее из-под гимнастерки, делали его внешность обманчиво-простецкой, даже несколько затрапезной. Попробуй догадаться, что за такой заурядной вывеской прячется весьма неробкий, толковый, эрудированный военный специалист, обладающий к тому же недюжинной физической силой и редкой выносливостью, которая позволяла ему делать стокилометровые марши за одни сутки (в начале войны Разумову трижды приходилось совершать такое) или по нескольку суток неусыпно следить за эфиром, когда обстоятельства требовали того.

Вот и сейчас капитан Разумов докладывал по-обычному негромко, кратко, говорил только о фактах, как бы стесняясь делать обобщения, но майору было все понятно и ясно. Они больше года служили вместе и научились понимать друг друга с полуслова.

— Отлично, — сказал майор, когда доклад был закончен. И Разумов напрягся, убрал свои бумаги на колени. Комбат имел привычку заканчивать беседу вопросами. Начиналось главное.

Савушкин не заставил себя долго ждать.

— Когда последний раз противник вносил изменения в радиообмен?

Капитан ответил неторопливо, с разбивкой по армиям и даже корпусам, назвал даты смены позывных, шифров, длины волн.

— Гм... Все как обычно.

— Да. Как обычно.

— Вы пробовали систематизировать многомесячные данные? Как по-вашему, когда они вновь внесут изменения?

Вопрос майора ничуть не удивил Разумова, хотя систематизация и анализ разведданных вовсе не входили в круг его обязанностей. Он пожевал губами, ответил неторопко:

— Дело расплывчатое... Определенных сроков противник не придерживается... Но дней через шесть-семь должны менять. Так подсказывает статистика.

— А раньше могут?

— Только в случае чрезвычайных обстоятельств. Пока что прецедентов не было.

— Не было? Будут.

Разумов чуть улыбнулся, поняв, что имеет в виду майор.

— Ну, а как на нашей стороне?

— Случаев нарушения приказа нет. Рации всех вновь прибывших частей молчат. Тишина.

И они улыбнулись уже вдвоем, опять отлично поняв друг друга. Наконец-то тишина в эфире была зловещим предупреждением для тех, кто топтал и осквернял их, Савушкина с Разумовым, отчую землю. За прошедшие полтора года войны чаще случалось обратное.

— Ну, а как с «зоопарком»? Молчит?

— Пока молчит.

— Ничего, выйдут в эфир, никуда не денутся, — уверенно заключил Савушкин. — Нужда заставит. Это и создаст прецедент.

— Я так и понял вас, — буднично согласился Разумов.

«Зоопарком» между собой радисты называли ту группу радиостанций, которая принадлежала частям исчезнувшего танкового корпуса. Радисты-перехватчики, контролировавшие эту группу станций, не знали, что это за соединение: армия ли, корпус ли, или что-то другое, но знали, что они ведут радиообмен между собой. Запоминать позывные станций, которые к тому же нередко менялись да и давались немцами умышленно без какой-либо фонетической или логической общности, было трудно. Поэтому радисты по-своему импровизировали, для простоты давали немецким радиостанциям названия по созвучию с их позывными. Позывной штаба корпуса был МДВ-1, танковые дивизии имели позывные ВЛК и ГСК. Радисты, не особенно утруждая фантазию, прилепили им прозвища «медведь», «волк» и «гусак». Так родился «зоопарк». Изящностью эти устные ярлыки не отличались, но они имели общность, были просты и удобны в употреблении и потому охотно взяты напрокат в обиходную речь всеми, кого это касалось, от радиопеленгаторщика до комбата.

Закончив беседу, Разумов с Савушкиным вместе вышли из кабинета.

Длинное помещение приемного радиоцентра было ярко освещено электрическим светом, заполнено разноголосым писком, шуршанием бумаги, стуком радиотелеграфных ключей. Казалось, эти звуки заменяли здесь человеческую речь, ибо никто не говорил, не смеялся и даже не кашлял.

Чего хитрого в рабочем месте радиста? Вроде бы ничего. На столе радиоприемник, стопка бланков, несколько карандашей, телефонный аппарат с фоническим вызовом. На краю стола радиотелеграфный ключ и кнопка сигнала на передающий радиоцентр. Возле стола стул. Вот и все хозяйство. Бери наушники, включай приемник, настраивайся на волну той немецкой радиостанции, за которой тебе положено следить. Передает шифровку — записывай. Просто вылезла радиостанция в эфир для проверки связи — тоже записывай. Выпала свободная минута — неси перехваченные радиограммы шифровальщикам, нет этой минуты — унесет начальник смены. Вроде бы просто.

А если таких рабочих мест пятьдесят...

В помещении приемного радиоцентра тоже внешне все вроде бы просто. Во всю длину возле стен длинные-предлинные, похожие на верстаки, обитые крашеной фанерой столы. На столах радиоприемники, возле каждого радист. Видны лишь согнутые спины, стриженые головы, оседланные наушниками. В другом конце здания дощатая перегородка. Там так называемый левый сектор — комната, в которой несут вахту радисты, получившие особо важные задания. Вот и все. Никаких излишеств. И тем не менее майор Савушкин, появляясь в этом здании, каждый раз беспокоится: а ну-ка где-нибудь что-нибудь забарахлит!

Под зданием подвал, в подвале аккумуляторные батареи, питающие радиоприемники. А где-то в стороне, за стенами здания, запрятались в лесу многочисленные технические службы, обеспечивающие эту нелегкую работу. И нигде не должно быть сбоев. Поэтому озабоченный Савушкин избрал своей резиденцией на время поисков исчезнувшего корпуса именно приемный радиоцентр. Сюда, как к головному мозгу, сходятся все нервы этого сложного, им самим, майором Савушкиным, созданного организма.

Капитан Разумов вопросительно посмотрел на майора. Савушкин понял его, кивнул. Они бесшумно пошли вдоль столов, за спинами напряженно вслушивавшихся в эфир

радистов. Никого не тревожили, никого ни о чем не спрашивали, лишь заглядывали через стриженые головы или короткие девичьи прически на бланки радиограмм — и понимали все с первого взгляда.

Зашли в планшетную. Увидев начальство, Табарский вскочил с табуретки, хотел рапортовать, но Савушкин показал жестом, что не надо. Проверили на карте накладку контрольных пеленгов — все было в полном порядке. Майор похлопал младшего лейтенанта по плечу, поощряюще улыбнулся и направился к двери. Обрадованный планшетист засуетился возле карт и планшетов, зачем-то схватил карандаш, делать которым ему было абсолютно нечего.

«Теперь туда?» — спросил взглядом Разумов, когда они вновь оказались в основном помещении, заполненном пением морзянки, шорохом бумаги и стуком ключей.

— Да, — вслух тихо сказал Савушкин. — Оставайтесь здесь. Если будут спрашивать, я буду там.

Капитан кивнул.

Майор еще раз огляделся. На их повторное появление опять-таки никто из радистов не реагировал. Бойцы работали напряженно и внимательно.

И Савушкину невольно стало жаль этих парней и девчат. Уж кто-кто, а он знал, как туго приходится радистам на такой службе. Вахты, вахты, вахты... День за днем, неделя за неделей, месяц за месяцем. И все это в сложной, беспрерывно меняющейся радиообстановке. Люди изматывались, уставали, худели... Савушкин знал, как трудно уснуть после тяжелой смены. Ляжет бедный радист спать, закроет глаза, а сна нет — в голове мельтешит, пищит, продолжает пульсировать жизнь наушников. А через шестнадцать часов снова на рабочее место. Отдых лишь раз в десять дней, а то и того не бывает — работы много, а радистов не хватает. Стиснутый железными рамками штатного расписания майор ничего не может тут поделать.

Солдат-пехотинцев называют чернорабочими войны, генералов — ее столоначальниками. В то же время пехоту в целом именуют царицей полей, а артиллерию богом войны... Все рода войск так или иначе удостоились звучных эпитетов. А о радистах почему-то помалкивают. Слухачи — и все. Это еще одно из самых вежливых обращений. Могут окрестить похлеще. Сам Савушкин против «слуха-

чей» ничего не имеет, но все же вот за этих самоотверженно несших службу ребят и девчат немножко обидно. Они достойны большего уважения.

Если бы военные теоретики смогли изобрести весы, на которых можно было взвесить значение той или иной войсковой части, то батальон Савушкина уверенно перевесил бы любую вражескую дивизию. Майор искренне верит в это.

Один из радистов оглянулся. Увидев комбата, хотел вскочить. Савушкин положил руку на его плечо, успокаивающе кивнул. И пошел в конец помещения. Пошел к левому сектору.

Там несли вахту радисты-перехватчики, которые искали в эфире замолкшие радиопередатчики исчезнувшего немецкого корпуса.

5. В ЛЕВОМ СЕКТОРЕ

Едва майор успел войти в комнату, поднялся сидевший с краю старший смены лейтенант Бабушкин и доложил, что потерянные радиостанции до сих пор не обнаружены. Стараясь не показать огорчения, Савушкин сказал:

— Хорошо. Продолжайте работать. — И прошел к окну, возле которого на свободном столе специально для него был поставлен контрольный радиоприемник.

Обнаружить кого-либо лично Савушкин не рассчитывал. Просто у него давно выработалась привычка в моменты сильного нервного напряжения самому пошарить в эфире. Посидев несколько часов с наушниками на голове, майор как-то незаметно разряжался, обретал способность более хладнокровно переносить неудачи, не позволял себе быть резким и нетерпеливым с подчиненными. В его должности это имело немаловажное значение. К тому же за приемником он спасался от беспрерывных запросов начальства.

А спрашивали его часто — в том майор был уверен. Наверняка уже несколько раз звонили полковник Тагильцев, начальник оперативного отдела штаба фронта, а то и сам Сталемахов. И все требовали его, Савушкина. Но, услышав от дежурного телефониста магическое: «Майор на контроле, отрывать не приказано», — почтительно клали телефонную трубку.

В конце концов ни ему, ни им не нужны эти бестолковые переговоры. Когда будет результат, он сам незамедлительно оповестит всех, кого надо, о достигнутом успехе.

Медленно вращая верньер приемника, Савушкин вслушивался в разноязыкую жизнь наушников, наблюдал за радистами.

Их в комнате было четверо. Рядом с дверью сидел лейтенант Бабушкин, недавно прибывший в батальон из училища. На него Савушкин рассчитывал мало. Хотя лейтенант дело знал отлично, опыта ему недоставало. Старшим смены его поставили потому, что он и раньше был старшим, когда «зоопарк» работал, а еще оттого, что лейтенант отличался дисциплинированностью и исполнительностью сам и в то же время был чрезвычайно требователен к подчиненным.

У Бабушкина мучнисто-белое лицо кабинетного работника, породистый нос с горбинкой, античный профиль. Он по-своему красив, хотя хлипок телом и невысок ростом. Отец и мать лейтенанта крупные научные работники. Наверное, поэтому майору часто кажется, что в выражении лица неразговорчивого молодого человека есть что-то высокомерное, чересчур самолюбивое. Впрочем, возможно, это только кажется. Ничего плохого о лейтенанте майор не слышал. Бабушкин не пьет, не курит, не бабник, много читает. Что из того, что молчалив, трудно сходится с людьми? Молод. Придет время — всему научится. И если Савушкин относится к лейтенанту с какой-то долей настороженности, то это естественно — человек-то новый!

Другое дело сосед Бабушкина — младший сержант Капралов. Этого Савушкин знал вдоль и поперек. Бывают же прихоти случая! Каким-то образом работники военкомата умудрились направить не шибко грамотного уральского кузнеца, в недалеком прошлом простого деревенского парня, в школу связи. И вот там-то открылся у человека второй дар. Тугой на ухо, не умевший играть ни на одном музыкальном инструменте, Капралов непостижимо быстро освоил азбуку Морзе, стал лучшим курсантом школы. Присутствовавшие на экзаменах представители различных военных ведомств переругались из-за него. Савушкину, комплектовавшему в ту пору батальон, стоило большого труда заполучить уникального кузнеца в свое распоряжение.

Капралов широкоплеч, могуч, стриженная под машинку крупная шишковатая голова украшена большими оттопыренными ушами. Глубоко посаженные желтоватые глазки, вислый нос, густые рыжие брови и толстые губы делают красное, словно кирпич, лицо Капралова некрасивым, сердитым. Но это лишь внешне. Савушкину известно, что Капралова любят в батальоне, что он отзывчив и покладист, что еженедельно пишет длинные письма семье: жене и двум подросткам-сыновьям.

Капралов и в самом деле был достопримечательностью. Майор даже иногда позволял себе похвалиться им. Когда приезжали инспектора или специалисты из высших штабов, Савушкин просил угадать, указав на Капралова, какова специальность у младшего сержанта. Говорили всякое: моторист, стрелок, линейщик и всякое прочее, но никто не мог и предположить, что этот могучий лопоухий мужичище с мускулистыми, оттянутыми молотом руками и толстыми волосатыми пальцами, принимает на пишущую машинку 250—300 знаков в минуту текста любой трудности. Причем без единой ошибки.

Но не только этим был силен Капралов. Имелись и другие радиоасы в батальоне. Еще более ценной, уникальной, была способность Капралова запоминать «голоса» немецких радиостанций. Как ни хитрили, как ни изощрялись фашистские радиотехники — Капралова провести было невозможно. Чтобы запутать советскую радиоразведку, при смене длины волн и позывных немецкие техники заменяли у радиопередатчиков модуляторные, а то и генераторные радиолампы. Позволяло время — не ленились перепаять некоторые основные радиодетали. «Пел» доселе передатчик чистым звонким тенором и вдруг исчез — появился на другой волне другой голос — этакий, к примеру, хрипловатый баритон. Попробуй угадай: не то рацию заменили, не то вместо одного немецкого штаба появился на прежнем месте другой. Послушает нового «певца» Капралов, подвигает густющими бровями, а потом растянет в улыбке толстые губы, хитровато подмигнет желтым глазом:

— Ха! Старый знакомый. Небось мороженого объелся. Ангиной заболел. Он самый! — И назовет прежний позывной.

Наземная разведка, как правило, это подтверждала.

На Капралова майор Савушкин возлагал особые надежды. Ежели выйдут в эфир радиопередатчики затерявшегося корпуса, то как бы ни словчили немецкие связисты — младший сержант их раскусит.

Рядовой Котлярчук, что сидит рядом с Капраловым, — человек другой биографии и другой судьбы. Это профессиональный радиотелеграфист. Еще до войны служил радистом на судах торгового флота. Участник обороны Одессы. Несколько раз ранен. Котлярчук красив смуглой южной красотой, ладно скроен, ловок, сообразителен. И дело знает отменно. В батальоне к нему прочно прилипло прозвище «графолог». Это оттого, что отлично запоминает «почерки» немецких радистов. Ведь как пишет всякий человек по-своему, так и передачу на ключе всякий радист ведет по-разному. Один быстро, четко и красиво, другой неряшливо и неразборчиво.

В зависимости от этих качеств неистощимый на выдумку Котлярчук делил всех своих «подшефных» немцев на три категории: красавчиков, серяков и утюгов, причем прозвища в каждой из этих категорий варьировались в широкой амплитуде и в самых неожиданных сочетаниях. Послушает Котлярчук своего невидимого оппонента, вдруг выставит большой палец, уважительно щелкнет языком: «скрипач», или «гроссмейстер», или «кит», а то скорчит кислую мину: «буренка», «серый козлик», а в крайнем случае презрительно фыркнет, схватится за голову: «ну и топор», «турецкий барабан».

В памяти своей Котлярчук хранил сотни таких радиопочерков, и его способности приносили большую пользу, ибо командование немецких штабных частей (а немцы и аккуратисты, и завзятые консерваторы) очень редко соглашалось менять радистов, которым оно доверяло, на новых. Случалось, что радисты служили при одном и том же немецком штабе годами, и тут сколько ни маскируйся, сколько ни хитри, несколько минут — и Котлярчук знает, с кем имеет дело.

В общем, отменный специалист Котлярчук, цены ему нет. И парень не плохой, компанейский, лучший баянист в батальоне. Да вот только ветра в голове лишку. Подвернется случай — не откажется от лишней стопки водки. Наберется так, что ноги не держат. Несколько раз Савушкину приходилось лечить любителя хмельного гауптвахтой. Вроде бы помогло.

Хуже другое. Бывший моряк — отпетый бабник. Попробуй найди от такого лекарство! Увидит Котлярчук смазливую мордашку — сама собой выпячивается у него грудь, заблестят темные глаза и в голосе зазвучит что-то такое, что и словами не объяснишь. Ни дать ни взять — петух, был бы хвост — распушил бы. Есть в батальоне два взвода, сформированных из девушек, так их командиры покоя лишились. Стоит уйти из казармы, как Котлярчук уже там — любезничает, комплименты направо и налево раздает, приглашает «прогуляться», а встретит девушку в безлюдном месте — лезет целоваться, тискает... Вызывали новоявленного сердцееда куда следует: накачивали, ругали, внушали — все как с гуся вода.

Лишь с недавних пор присмирел Котлярчук.

А случилось так, что сам майор Савушкин застал радиста за совсем невоенным делом. Пошел майор проверить порядки на солдатской кухне и совершенно случайно услышал в боковой кладовой, где хранились отпущенные на сутки овощи, какую-то возню. Открыл дверь, включил свет. Видит: забившись в угол, из последних сил отбивается от наседающего Котлярчука радистка Астраханцева. Трудно рассказать майору, что вспыхнуло в нем тогда. Что-то тяжелое, темное, мутящее...

Подскочил, схватил за ворот, отшвырнул распалившегося кавалера на груду картофельных очисток. А потом, когда смертельно бледный, вытянувшийся в струнку Котлярчук стоял у стены, тыкал ему в грудь пальцем — цедил сквозь зубы:

— Предупреждаю в последний раз! Еще один случай — и прямой дорогой в трибунал. Не понимаешь слов — будешь лечиться в штрафной роте! Понятно?

— Понятно, товарищ майор!

— Доложи своему командиру взвода, что я арестовал тебя на десять суток строгого ареста. Сам он пусть незамедлительно явится ко мне. Понятно?

— Понятно, товарищ майор!

— А теперь пошел вон, животное!

Не любит властных окриков и грубых выражений майор Савушкин, не любит «тыкать», а вот случилось... Конечно, впоследствии он пожалел, что не сдержался, как пожалел о том, что в пух и прах разнес вообще-то ни в чем не виновных заведующего столовой и дежурного по кухне. А еще больше пожалел майор, что не на-

шел нужных слов, которые надо было сказать Астраханцевой.

Спросил ее:

— Как вы здесь оказались?

— Я в наряде. Пришла за чищеной картошкой, и вдруг он тут как тут... — И девушка неожиданно заплакала, растирая кулачками обильные слезы по розовым щекам.

Вот тогда бы майору и пожалеть Астраханцеву, сказать все, что ему давно хотелось сказать, произнести те ласковые слова, которые он много раз повторял про себя, а он растерялся, пробормотал несколько раз:

— Ну хватит... Хватит, сержант Астраханцева... Хватит же... — И побежал делать разнос заведующему и дежурному.

Пожалуй, если бы была это не Астраханцева, может быть, майор и вел себя по-другому. Наверняка с Котлярчуком говорил бы в своей обычной вежливой манере, но уж под суд отдал обязательно. И девушку бы утешил, и дежурному с заведующим сказал другие слова. Но ведь то была именно Людочка Астраханцева, а Савушкин в ее присутствии не всегда способен вести себя логично.

В итоге Котлярчук, с того дня боявшийся майора как черт ладана (знает: комбат слов на ветер не бросает), под суд не попал, девушка добрых слов не услышала, а сам Савушкин наделал глупостей.

Сейчас Астраханцева находилась здесь, в комнате, и вслушивавшийся в эфир Савушкин чувствовал, как ее присутствие подспудно тревожит его. Она сидела рядом со своим обидчиком Котлярчуком, и мягкие пальцы ее еле уловимыми движениями вращали верньер приемника.

Астраханцева прибыла в батальон весной. Вернее, среди прочих девушек-радисток ее отобрал тогда в свою службу сам Савушкин, имевший привычку появляться в специальных школах связи, когда там проходили выпускные экзамены. Астраханцева — бывшая студентка библиотечного института. Пошла в армию добровольно. Высокая, гибкая, с осиной талией, ей бы быть балериной (так почему-то думалось иногда Савушкину), а она в мирное время мечтала стать библиографом, в армии же стала радисткой. У Людочки (чертовски приятное имя!) правиль-

ные черты лица, прозрачный румянец во всю щеку, продолговатые зеленые глаза. Она не столько красива, сколько мила и симпатична. А главное — очень добра и застенчива. Оттого все в батальоне зовут ее Людочкой, и никак иначе, хотя она носит на петлицах три красных треугольничка.

Самому Савушкину тоже очень хочется называть девушку именно так, по имени, но это, к глубокому его огорчению, исключено. Исключено потому, что майор давно питает к Людочке сложное чувство, в котором много теплого, странного, непонятного. Больше всего на свете Савушкин боится, чтобы об этом чувстве не узнал кто-либо, а особенно сама Людочка. Поэтому в ее присутствии он всегда настороже, официален, обращается к девушке строго по уставу: «Сержант Астраханцева» — и ни на шаг в сторону.

В смену Бабушкина Людочка была назначена за свое умение, как никто, внимательно «прочесывать» эфир. Если она не умела по-капраловски узнавать голоса немецких радиопередатчиков, не запоминала, подобно Котлярчуку, почерка радистов, не разбиралась, как Бабушкин, в матчасти, то зато умела не пропустить ни одной — пусть самой отдаленной или заглушенной помехами — радиостанции. Ее чуткие пальцы умели так осторожно вести стрелку настройки приемника, она была так терпелива и внимательна, что можно было диву даться — откуда в молодехонькой девчонке столько усидчивости и серьезности!

Сейчас Людочка сидела спиной к Савушкину, ему были видны лишь ее коротко подстриженные русые волосы да нежная белая кожа на тонкой шее.

Это было всего семь лет назад, но Савушкину кажется, что прошла целая вечность. Ведь тогда он был всего-навсего молодым лейтенантиком, тогда он еще бегал на танцы, случалось, выпивал, играл в преферанс, всерьез интересовался незамужними молодыми особами и увлекался еще черт знает чем. Вот тогда-то он и женился. Вернее, Лелька женила его на себе.

Лелька работала официанткой в гарнизонной столовой. Невысокая, плотная, с задорно вздернутым носиком на круглом краснощеком лице, она как-то необычайно весело сновала между столиками, была со всеми приветлива, со всеми на «ты», со всеми на дружеской ноге. Посетители любили, когда их обслуживала Лелька.

Любил и Савушкин. Ему нравились ее неуемность, неистощимая жизнерадостность, простодушное остроумие, с которым она осаживала наиболее надоедливых кавалеров, легкое отношение ко всему, что происходило вокруг нее.

И вдруг случилось неожиданное. Однажды Савушкин пришел в столовую с тремя товарищами, такими же молодыми лейтенантами, как и сам он. К столу мячиком подкатилась Лелька, мило улыбнулась, села рядом с Савушкиным.

— Послушай, Володька, что я скажу... Тут спор у нас с девчатами вышел...

— Что за спор?

— А-а... что мы с тобой не позже этой недели поженимся. Ты как, не против?

— Ого-го-го! — загоготали приятели, полагая, что присутствуют при каком-то розыгрыше.

— Как пионер, всегда готов! — оскалился в улыбке Савушкин, думая точно так же.

— Ой, какой ты молодчик! — расцвела Лелька, чмокнула Савушкина в щеку и помчалась к раздаточному окну.

Приятели переглянулись.

— А что, — наконец сказал один из них. — А ведь не плоха. Кровь с молоком!

— Н-да... С такой не пропадешь. Володька в сорочке родился, — согласился другой.

Пока Лелька суетилась возле раздаточной, ошеломленный Савушкин смотрел на нее и все еще не верил, что эта пышущая здоровьем смазливая девчонка говорила с ним всерьез.

Подбежав к столику с полным подносом, она уже по-деловому сообщила:

— Завтра я к тебе перееду. А в ЗАГС в среду пойдем. Добро? — И пригладила встрепанный чуб будущего мужа.

И она приехала. Приехала на глазах у всего населения командирского общежития, маленькую комнатку в котором занимал Савушкин, приехала на глазах обитателей ДНС — дома начальствующего состава, что высился напротив. И опомнившийся было Савушкин чего-то застыдился, не посмел дать Лельке от ворот поворот, торопливо утащил в свою комнатушку немногочисленные ее пожит-

ки, а потом принимал поздравления, хотя чувствовал себя не в своей тарелке.

Впрочем, это скоро прошло.

На вечеринке, означавшей свадьбу, Савушкин уже вполне освоился со своим новым положением, под крики «горько» охотно целовал молодую жену и считал, что все так и должно быть. Холостяки-приятели хором завидовали ему, и Савушкин пьяно улыбался, искренне полагая, что это тоже так и должно быть. Как-никак бойкая Лелька была в военном городке личностью если не популярной, то весьма заметной. Подумать о чем-то более серьезном он догадался несколько позже. А в тот вечер молодому лейтенанту Савушкину, отродясь не нюхавшему ни пороху, ни настоящей любви, было море по колено...

Вот так это произошло. Просто и примитивно.

А кончилось еще проще. Через полтора месяца Лелька бросила Савушкина, сошлась с каким-то черноморским мичманом, приезжавшим в отпуск, и укатила с ним в теплые края. Савушкин поскучал день-другой и безболезненно вернулся в холостяцкую компанию.

О кратковременной семейной жизни в памяти у него ничего не сохранилось. Ее у них с Лелькой фактически не было. А вот как оформлял развод, как вызывали его в политотдел, Савушкин помнит отлично. И хоть много воды утекло с того времени, многое изменилось в самом Савушкине, как вспомнит — стыд и сейчас жжет ему уши. Тогда в политотделе он впервые услышал в свой адрес столько ядовито-горьких, но справедливых слов, что стало не по себе. Впервые в жизни заставили взглянуть на себя со стороны. И он взглянул...

— Так-то, юноша, — сказал ему тогда кряжистый, чем-то похожий на матерого медведя, седой дивизионный комиссар. — Согласно аттестации получили мы одаренного радиоспециалиста, а имеем... Имеем легковесного, пошловатого зауряд-лейтенанта, этакого дежурного свадебного петуха, задарма жрущего народный хлеб, да к тому же компрометирующего звание командира Красной Армии...

Давно это было, уже нет в живых того дивизионного комиссара, но слов тех Савушкин не забудет никогда, как не забудет и самого комиссара, ибо именно после той бани произошел в нем перелом и он стал тем, кем является сейчас.

А полтора года спустя Савушкин чуть было не женился снова.

В ту пору он подружился с начальником связи дивизии майором Шогенцуковым. Кабардинец по национальности, Шогенцуков был темпераментным, очень веселым и гостеприимным человеком. Под стать ему была и жена. Савушкин любил бывать у них дома. И не только потому, что у майора имелась хорошая личная библиотека, а готовившемуся к поступлению в Академию связи Савушкину это было ой как кстати. Он приходил просто посидеть, поболтать, попить домашнего чаю. В свою очередь, к тому времени остепенившийся, ударившийся в науку «перспективный» Савушкин, очевидно, нравился Шогенцуковым.

Кому из супругов первому пришла в голову идея женить его, так и осталось для Савушкина тайной за семью печатями, только однажды майор сказал, заговорщицки подмигнув веселым карим глазом:

— Ничего, Владимир, не долго тебе в холостяках ходить. Мы тебе такую невесту нашли, увидишь — ахнешь! Золото — не невеста. Всю жизнь нас поминать будешь. Радуйся, тюлень ты этакий!

Жена Шогенцукова выразилась конкретнее:

— Скоро окончит музыкальное училище моя сестра Нана. Вы будете отличной парой!

Нана приехала летом. Увидев в первый раз из окна своей комнаты (он так и продолжал мотаться по общежитиям) на балконе шогенцуковской квартиры легкую девичью фигурку, Савушкин сразу понял, что это именно она. Понял и тяжело вздохнул. Ему стало тошно при одной мысли о будущем неприятном объяснении с приветливыми Шогенцуковыми. Жениться Савушкин не собирался, даже если их Нана прекраснее самой царицы Тамары.

А на следующий день Савушкин увидел в военторговском магазине такую прелестную девушку, что долго смотрел на нее, забыв о необходимых покупках и времени, которого ему всегда не хватало. В броской красоте девушки было что-то вызывающее, очень яркое. Огромные темные глаза на белом лице, точеная шея, изящная фигура, сильные длинные ноги, гордая осанка — все это так гармонировало и дополняло друг друга, что впоследствии Савушкину казалось — он впервые видит такое сочетание в одном человеке.

Это была Нана.

Разумеется, мысли об отказе от женитьбы мигом улетучились из головы очарованного Савушкина. Он много дней не мог решиться зайти к Шогенцуковым, хотя те его приглашали. Не боялся — обдумывал, как складнее объясниться, как приличнее обсказать обстоятельства своего первого брака.

В те дни он часто оглядывал себя в зеркале и, как правило, огорчался, впервые заметив, как нескладен и долговяз, какие масластые и волосатые у него ноги, как длинны и грубы руки. А еще чаще он ходил в небольшой скверик, что находился возле военного городка. Там вечерами можно было увидеть Нану. И Савушкин издали любовался ею, продолжая удивляться прихоти природы, создавшей столь редкое внешнее совершенство.

Вскоре ему все же пришлось пойти к Шогенцуковым. Те под каким-то предлогом собрали вечеринку, а отказаться было никак невозможно.

Вблизи Нана казалась еще очаровательней. Когда молодых людей знакомили, она не потупилась, лишь засветилась малиновым румянцем молочно-белая кожа да мелькнуло в огромных — непроглядная темная ночь! — очах что-то такое, от чего неробкий Савушкин оробел и сразу подался к столу, подальше от этой пугающей девственной девичьей красоты.

Почти весь вечер Савушкин жался в сторонке. Как ни подтрунивал, как ни подмигивал ему хозяин дома — не хотелось почему-то приближаться к Нане. Тогда предприимчивый Шогенцуков организовал так, что все гости по каким-то делам разбрелись кто на кухню, кто на балкон, кто куда, и молодые люди остались с глазу на глаз. Деваться было некуда, Савушкину пришлось побороть себя — заговорил с девушкой. Говорили о каких-то пустяках, каких, он уже не помнит. Потом Нана сыграла на пианино несколько пьес, а что именно — плохо разбиравшийся в музыке Савушкин не знал тогда, не знает и сейчас.

Вскоре вновь собрались в гостиной гости, Шогенцуков завел патефон. Савушкин уже освоился со своим новым жениховским положением, исчезла первоначальная настороженность, но, танцуя с девушкой, он все равно испытывал неясное тягостное чувство. Он долго мучился им, пока понял, отчего оно. Под оценивающими взглядами Наны рождалось это чувство.

В черных глазах девушки Савушкин не видел живинки. Она смотрела на него покорно и смиренно, она знала, что предназначена ему и уже видела в нем, в Савушкине, своего будущего владыку и повелителя. Не было в ее взгляде ни любви, ни грусти, ни даже любопытства, лишь что-то прицениваюшееся, деловое, как у женщины, осматривающей уже кем-то сделанную для нее покупку.

Увидел, понял это Савушкин, и стало ему не по себе. Померкла, утратила свои дивные юные прелести танцующая с ним девушка. Мигом превратилась она из гордой горянки в заурядную «девку на выданье», воспитанную по дедовским патриархальным канонам и покорно им следующую. Назови старшая сестра и зять будущим мужем кого-то другого, не его, Савушкина, — она так же покорно глядела б на того, другого. И считала бы это в порядке вещей. Понял Савушкин — эта-то коровья покорность и испугала его в момент знакомства.

Шогенцуковы и их гости весело глядели на танцующих молодых людей, одобрительно улыбались. Все всё знали и все были довольны. Даже Нана. Кажется, долговязый жених не был противен ей. И лишь Савушкину было тошно. У него родилось и уже не исчезало ощущение, будто он на базаре, и на этом базаре их с Наной продают друг другу.

Воспользовавшись общим весельем перед ночным чаем, Савушкин незаметно покинул шумную квартиру Шогенцуковых и грустно побрел в свое общежитие.

Лопнула еще одна иллюзия.

Впоследствии он ни разу не задумывался о женитьбе. Дела, вечная армейская текучка, учеба — погрузился в них Савушкин с головой и не заметил, как разменял почти десятилетие. Нельзя сказать, чтобы он прожил эти годы абсолютным святошей, но и серьезного ничего не было. Правда, встречались красивые достойные женщины, в сватах недостатка не было, — но не женился. Даже задумки не имел.

— Так получилось, — неизменно отвечает Савушкин, когда его спрашивают, почему он до сих пор не женат.

И вот появляется девушка, которую все в батальоне невесть с чего зовут ласкательно Людочкой. Есть и Манечки, и Леночки, и еще всякие — не менее симпатичные и привлекательные, а вот нет же, взгляд майора Савушкина, как магнит, притягивает именно Людочка. Нет в ней бес-

шабашного жизнелюбия Лельки, ослепительных южных красок Наны, а Савушкину нравится она больше, нежели все женщины мира, вместе взятые. Сложное чувство испытывает майор к бывшей студентке, и в этом чувстве нет ничего похожего на те, которые питал он когда-то к легкомысленной Лельке и очаровательной Нане. Что-то прочное, неистребимое поселилось в душе комбата Савушкина, и он почему-то не хочет противиться этому незваному чувству. Заставляет себя говорить: «Сержант Астраханцева», научил себя держаться в ее присутствии сугубо официально, а потерять это сложное обременительное чувство боится. Есть в нем нечто такое, без чего жизнь майора Савушкина станет постылой, как безлюдное пепелище...

В сердечных делах Савушкин «лопух лопухом», как говорил когда-то ныне покойный жизнелюб Шогенцуков. И в этом есть доля правды. Бог знает отчего, но не хватает властному комбату храбрости хоть раз назвать девушку по имени, как это делают во время работы прочие офицеры. Мешает что-то. А вот на глупости ума хватает. Каждый раз, вспомнив, как он хотел преподнести Людочке букетик лесных цветов, Савушкин внутренне ежится и благословляет обстоятельства, что помогли ему замаскировать дурацкую эту затею...

А дело было проще простого. Еще в августе, когда было тепло, бродил как-то Савушкин по лесочку, выискивая подходящее место для нового склада горючесмазочных. Бродил, бродил и набрел на маленькую лужайку, сплошь усыпанную незнакомыми неяркими цветами и переспелой клубникой. Как вспугнутая птица, на другом краю ее вдруг выпорхнула из травы Людочка Астраханцева, нахлобучила на голову пилотку — и пустилась наутек.

Ничего удивительного в том не было. По строгим савушкинским правилам каждый из бойцов, кто без разрешения выходил за территорию базы хотя бы на сто метров, — считался дезертиром. Жестоко это было, но иного выхода майор не видел. Всякие могут сложиться обстоятельства. Удастся немецким разведчикам выкрасть хотя бы одного радиста-перехватчика — жди беды. Слишком много радисты знают.

А вот Астраханцева нарушила строжайший приказ. Пошла за ягодами. В лес. Одна. Но Савушкин досады не почувствовал. Понял вдруг каким-то шестым чувством, что все так и должно быть. Не может измотанная беспрерывными вахтами юная девушка сидеть в душной казарме, что должна она перед долгой зимой побывать в теплом летнем лесу, запастись на холодное время чем-то таким, чего ему, бобылю Савушкину, не дано знать... (Впоследствии он дал распоряжение, чтобы отпускали бойцов группами и при оружии.)

И что-то такое неожиданно захватило Савушкина, что он, пьяно улыбаясь, начал рвать цветы и рвал до тех пор, пока не образовалась целая копна на груди. Потом сел среди лужайки, стал рыться в пестроцветном ворохе, выбирая самые яркие...

Зачем отбирал более красивые цветы — не думал, кому хотел их подарить — тоже не думал. А получилось как-то так, что понесли ноги майора прямехонько на приемный радиоцентр (знал, что Астраханцева должна заступить на вахту), не куда-нибудь...

Зашел Савушкин вроде бы так, по пути, принял рапорт начальника смены, потом вместе с ним, помахивая букетиком, прошел к планшетистам и понял, что пришел куда надо, когда оказался возле принимавшей немецкую шифровку Людочки Астраханцевой. Какие-то несколько секунд стоял Савушкин возле девушки, опершись кулаком, в котором был зажат букетик, о стол, а сколько обжигающих мыслей пронеслось в голове... Черт те что передумал он, выискивая повод, чтобы разжать кулак и оставить цветы возле девушки. А пальцы не разжимались...

Не верит Савушкин ни в бога, ни в приметы, но тут как сам всевышний помог ему. Вдруг распахнулась дверь, торопливо вбежал начальник штаба батальона, тихохонько прохрипел на ухо комбату:

— Вас вызывает Волгин.

— Понятно. — Стараясь сохранить невозмутимость, произнес Савушкин и, «забыв» букетик на столе, не спеша пошел прочь.

Потом он ругал себя за эти дурацкие цветы, за мальчишеское желание обратить на себя внимание, но что было сделано — то было сделано. Майору лишь пришлось заниматься тайным самобичеванием да вздыхать с облегчением, что никто ничего не заметил.

Бабушкин вдруг насторожился, прихлопнул поплотнее наушники на острой голове, увеличил громкость, воткнул вилку динамика.

— Ти-ти-ти-та... ти-ти-ти-та... ти-ти-ти-та... — совсем по-русски давала настройку какая-то радиостанция.

По комнате пропорхнул легкий шумок, все напряглись, продолжая меж тем делать свое дело.

Передатчик продолжал работать. Динамик задребезжал дробной скороговоркой. Савушкин прислушался, понял — работает немецкая рация. Каждый из сидевших в комнате радистов сдвинул на виски каучуковые нашлепники наушников, послушал трельчатую речь вражеского передатчика и снова углубился в свое дело, лишь Капралов задержался, закатил вверх маленькие глазки, сдвинул рыжие брови.

Савушкин передернул плечами, с надеждой поглядел на стриженую шишковатую голову кузнеца. Но тот разочаровал его:

— А-а... Бывший «кис-кис»...

— Точно! — подтвердил Котлярчук. — Их грабарь клепает.

Савушкин полистал регистрационный журнал. КИСК-1 — под таким позывным работала до недавних пор мощная немецкая штабная радиостанция где-то на окраине оккупированного Ростова.

— Теперь ВАНТ-1, — подсказал Савушкину неслышно появившийся в комнате капитан Разумов и ткнул пальцем в соответствующую графу журнала.

Савушкин посмотрел в журнал, еще раз прислушался к трели морзянки, привычно охватил пальцами подбородок. Радисты, как по команде, скосили на него глаза. Они будто знали, что должен произнести комбат.

— Дайте команду пеленгаторщикам. Пусть на всякий случай проверят, — тихо сказал он Разумову и с грустью отметил, что в зеленых глазах Людочки прыгнули веселые зайчики.

Савушкин умел быстро думать, но не умел быстро сказать то, о чем думал, что решил. По какой-то необходимости ему нужно было хоть несколько секунд помолчать, еще раз взвесить принятое очевидное решение. За эту привычку помедлить, потрогать подбородок подчиненные — Савушкин знал это точно — меж собой звали его Резин Резинычем. Раньше майор не обращал внимания на это

обстоятельство, не видел в прозвище ничего обидного, а вот когда появилась Людочка, которой, ясное дело, все было известно...

Вернулся Разумов, доложил тихо:

— Пеленги взяты. Подтвердилось. Бывший КИСК.

Савушкин наперед знал, что скажет начальник смены, но почему-то раздосадованно махнул рукой, буркнул сердито:

— Понятно. Занимайтесь своими делами, Алексей Яковлевич.

И вздохнул, так как в глазах Людочки опять мелькнули насмешливые, как показалось майору, искорки.

«М-да... Такой старый грач ей не пара, — печально подумал Савушкин. — Ей такой тугодум ни к чему...»

6. ЕЩЕ СУТКИ ВОН...

Неприятности бывают всякие. Те, которые ждешь, и те, которые свалятся снегом на голову... Как это ни парадоксально, но первые всегда противнее. Во всяком случае для Савушкина.

Допустишь ошибку, сглупишь незаметно для себя где-то — и вызовут тебя в вышестоящую инстанцию, и учинят такой разнос, что плакать впору. А все равно как-то легче. Обдумаешь все, взвесишь, что-то признаешь справедливым, что-то — нет, и за такими раздумьями переживать некогда, да и поздно.

А вот когда знаешь, что допущена ошибка... Ждешь, мучаешься неизвестностью, пока попадешь на официальную «распиловку»...

Нечто подобное всякий раз испытывал Савушкин, когда не удавалось выполнить приказ командования. Леший его знает, чем занимаются радисты исчезнувшего немецкого корпуса — может, пьянствуют, развратничают или просто сохнут со скуки в своих заиндевелых передвижных радиостанциях,— а ты изволь мучаться, гадать, почему они молчат, да еще получай нагоняй от своего ближайшего высокого командования...

Савушкин знал, что штабное начальство когда-то прорвется через эскарп, организованный им на коммутаторе (магическое «Майор на контроле. Отрывать не приказано» быстро утеряет силу), будет настойчиво требовать его по прямому проводу, и знал, что беседы, случись они,

будут далеко не ласковыми. Потому и томился Савушкин. Настороженно поглядывал на деревянную коробку полевого телефона, ждал — вот-вот будет звонок.

Так оно и случилось. По-обычному бесшумно вошел Разумов, пригладил жидкий чубчик, затем — вроде бы как пустяк — шепнул комбату:

— Вас ждет Тагильцев. На прямом.

Савушкин, знавший, что это — часом раньше, часом позже — произойдет, все-таки вздохнул и неторопливо побрел в свой кабинет. Неохотно приложил телефонную трубку к уху.

— Безобразие, майор. Дозвониться до вас — что добиться аудиенции у его величества самодержца всея Руси Николая Второго!

«Можно бы и без «второго».

— Ну, как дела?

«Здравствуйте! Выкладывайте ваши кошельки!»

— Плохо.

— Когда будет хорошо?

«Сатана забодай! Если б я знал, когда они вылезут в эфир!»

— Будет хорошо, когда джентльмены пожелают побеседовать.

— Не беседовали?

— Нет.

В трубке долго сипело и кряхтело. Потом последовал традиционный вопрос:

— А вы не прозевали?

— Исключено.

— Гм... А когда может быть получен результат? И будет ли он когда-то получен?

— Товарищ Волгин! — рассвирепел Савушкин. — Прошу освободить меня от обязанности отвечать на вопросы, на которые не в состоянии ответить даже Ньютон.

— Хм... Ну, ладно. Желаю удачи, майор. — Тагильцев не рассердился. Он отлично знал, что Савушкина может озлить лишь абсолютное отсутствие результата. Известно ему было и то, что савушкинские перехватчики еще никогда не «зевали». — До свидания.

— Всего доброго.

Обозленный майор только было направился в левый сектор, как его догнал Табарский. Козырнул:

— Вас опять по прямому...

Вызывал Сталемахов.

— Как ваши успехи? — ровненько и вежливо поинтересовался начальник штаба.

— Отвратительны.

— Да-с... Вторые сутки на исходе. Не фортунит?

— Не фортунит.

— Так-с... Вы уверены, что все зависящее от вас сделано?

— Уверен, — ласковым голосом ответил готовый взорваться Савушкин.

— Так-с... так-с... Значит, промахи исключены?

— Исключены! — Савушкин чувствовал, что следующий беспредметный вопрос выбьет его из колеи.

Но Сталемахов вроде бы сам понял это. Вздохнул скорбно:

— Н-да-с... Ну что ж, все-таки будем надеяться на успех, майор. Сообщайте о новостях. Не медлите.

— Медлить не будем.

Положив трубку, Савушкин утомленно опустился на стул. За последние двое суток он сумел поспать всего несколько часов. И не потому, что было некогда. Просто не спалось. Повалявшись какое-то время на своем многострадальном диване, он вставал и шел к радистам. Ждал. Проверял. Следил, чтобы все шло как надо... А вот усталость почувствовал лишь сейчас после бестолковых запросов из штаба. Все они: и Тагильцев, и Сталемахов, и сам Савушкин сознавали бесцельность этих ничего, кроме лишнего раздражения, не приносящих телефонных разговоров, а все-таки звонили, говорили...

Но как ни был зол и утомлен майор, он понимал, чувствовал, какая нервозная, напряженная атмосфера ожидания царит во всех отделах штаба фронта. Разбросив на столе карту, он еще и еще раз вел длинным узловатым пальцем от квадрата к квадрату и всякий раз взгляд его, словно завороженный, возвращался к зеленым пятнам — лесам, что пестрели за голубой змейкой Дона, южнее линии фронта. Интуиция кадрового военного подсказывала ему, что если исчезнувший корпус подтянут к линии фронта, то именно туда, в этот закрытый для авиаразведки район. Но интуиция интуицией, а у Тагильцева за линией фронта действовало много специальных разведгрупп, все

его, Савушкина, радиопеленгаторные станции, каждая в своем поддиапазоне, тоже нацелились на эти зеленые пятна — и никакого толку. Ушли вон еще сутки, но все наличные активные силы разведслужбы фронта оказались неспособными приоткрыть занавес над загадкой метельных придонских лесов. Вот и верь тут в призрачную интуицию, когда бессильны огромные материальные силы...

И как это часто бывало с Савушкиным, когда смутно становилось на душе и чувствовал он себя в чем-то виноватым, потекли невеселые думы, вспомнились все заботы, неприятности...

Уже более десяти дней не брала в стирку и не выдавала чистого постельного и нательного белья банно-прачечная рота, что обслуживала батальон. Конечно, всем ясно — едва успевала эта рота обеспечивать вновь прибывшие стрелковые части, у которых где-то отстали тылы. А кому от этого легче? Заведутся вши — отвечай комбат. И скидки на объективные обстоятельства не жди. Быть отменной взбучке. Вызовут в политотдел, а то еще кое-куда... Со свежим хлебом тоже перебои. Бойцы через день сидят на сухарях. Изволь ежедневно объяснять, что ты тут ни при чем. От этих объяснений солдатским желудкам не легче. А тут еще исчез помпотех Шустер. Уже неделю не дает знать о себе. Жив ли, не случилось ли беды? Хоть и в тыл отправлен, а все же...

Правда, Савушкин знает, что техник-интендант 1 ранга Шустер не запьянствует, не станет нежиться в зафронтовой тишине. Случись застрять почему-либо в какой-нибудь не разоренной тыловой деревеньке — не пристроится в мужья на денек-другой к бедовой вдовушке. И бездельничать не будет, и из любой непредвиденной ситуации выход найдет. Но ведь исчез. Неделю ни слуху ни духу.

Шустер — сын латышского стрелка. Совсем еще молодой парень. С отличием кончил радиотехникум, но по специальности почти не работал — ударился в искусство. При всем напряжении воображения Савушкину трудно представить своего бравого помпотеха артистом танцевального ансамбля. На сцене. В яркой одежде, широченных шароварах... Но так оно и было. Два последних предвоенных года гастролировал Шустер по стране, бил подметки на сценах столичных и периферийных театров. Может, бил бы и до сих пор, если б не война. Ушел добровольцем на фронт. Благодаря этому обстоятельству Савушкин прощает пом-

потеху его бывшую легкомысленную, с точки зрения майора, профессию, не зовет даже в моменты сильнейшего раздражения «танцором», как это позволяют себе некоторые офицеры из службы связи фронта. Впрочем, «танцор» — прозвище не из обидных. Шустера и командиры, и бойцы уважают за смелость, сообразительность и редкую душевную чистоплотность, и если зовут так меж собой, то лишь по традиции, по въевшейся солдатской привычке.

Командировал в тыл Шустера сам майор. Как понял Савушкин, что быть в скором времени наступлению, начал исподволь готовиться к нему. Если для обычных войсковых соединений главное в наступательных боях — горючее, боеприпасы, то для связистов главное — запчасти. Придется покинуть с большими трудами построенное и налаженное стационарное хозяйство, придется двигаться вслед за перемещающейся линией фронта. И быть тут всякому. Будут бомбежки, артиллерийские налеты, а то и столкновения с выбирающимися из окружения немецкими подразделениями. Ясное дело, не избежать потерь в личном составе, в технике. Передвижная радиостанция — вещь хрупкая. Не окажись под руками, взамен разбитой, запасной радиолампы или другой детали — нет и самой станции. Так себе — глухонемая коробка на колесах.

Поэтому и командировал Савушкин Шустера за сверхнормативными запчастями. Снабдил солидными документами, официальными и частными письмами — приказал: разбиться, а дело сделать «хоть законно, хоть не законно...». Когда вопрос касается боеспособности его части, Савушкин позволяет себе быть неразборчивым в средствах. Пусть говорят о нем что угодно, но майор и мысли допустить не может, чтобы из-за таких пустяков, как запчасти, стали глухими и немыми его рации. Тут уж не до бюрократической честности. Не может майор допустить, чтобы его отборный батальон стал бесполезным для наступающих советских войск.

Уехал Шустер. Сообщил, что сумел выбить в отделе тыла «надежное распоряжение», и исчез. Уже неделю ни слуху ни духу. А ну, если завтра сниматься? Если завтра — вперед?

Зазуммерил телефон.

— Да, — загораясь тайной надеждой, сказал в трубку Савушкин и вскочил со стула. — Зайдите ко мне!

Вскоре вошел Разумов. Коротко доложил, что все штабные радиостанции противника в полосе фронта сменили длины волн и позывные. Добавил, помолчав:

— Выходит, вы были правы. На этот раз сроков противник не выдержал. Вот вам прецедент. Вы его имели в виду?

— Именно! — Савушкину вдруг стало очень весело, мигом улетучились недавние хмурые мысли и тяжкое чувство неизвестности. Он возбужденно потер руки. — Именно, капитан! Несомненно, они затеяли эту внесрочную свистопляску, чтобы позволить «зоопарку» незаметно, под шумок, войти в эфир.

— Я так и понял. Соответствующие команды уже даны.

— Свободные специалисты и командиры подразделений на дополнительные радиопосты вызваны?

— Так точно.

— Радиопеленгаторщики?

— В работе. За исключением одной станции.

— Что такое?

— Кабель где-то поврежден. Тот участок недавно был подвергнут противником артобстрелу.

— Хм... Разрешаю радиосвязь! — Как это ни было неприятно майору, он был вынужден отдать такое распоряжение. Савушкин предпочитал, чтобы его собственные передатчики без крайней нужды в эфире не появлялись.

— Слушаюсь.

— На линию люди высланы?

— Дана команда командиру линейного взвода.

— Отлично. Занимайтесь своими делами. Линейщиков я провожу сам.

В лесу царствовала ненастная ночная чернота. Савушкину, вышедшему из здания, пришлось долго стоять у двери, пока глаза обрели способность различать хоть что-то в промозглой ветреной мгле. Откуда-то из непроглядной бездны, что разверзлась над головой, сыпал снег с дождем. Савушкин поежился, отер мокрое лицо, отплюнулся. «Ну и погодка! Когда же эта мозглота кончится?»

Но даже дурная погода не могла сейчас испортить майору настроения. Наконец-то свершилось то, чего он напряженно ждал двое суток. Пройдет несколько часов, перехватчики сделают свое дело — определят и «разберут» своих прежних подопечных — и тогда уже не трудно будет

разыскать в базарном гвалте немецких радиостанций новые голоса, голоса исчезнувшего «зоопарка». В том, что все случится именно так, майор не сомневался. Пусть еще сутки вон, главное определилось — цель близка.

7. И НА ВОЙНЕ РАСТУТ ЦВЕТЫ

Идет время. Долго и нудно плетется над озябшей землей медлительная ноябрьская ночь. Уже давно «разобрали» радисты «свои», на время потерявшиеся, немецкие станции, дежурные офицеры давно внесли соответствующие записи в картотеку и регистрационные журналы, а «зоопарка» все нет и нет. Молчат исчезнувшие рации.

И по мере того как затягивается это молчание, гаснет бодрое предчувствие победы в Савушкине. Озабоченнее становится лицо, комбат уже не в состоянии скрывать с новой силой вспыхнувшую тревогу. Ему даже не хочется спать. Он безвыходно сидит в левом секторе с наушниками на голове, и выгнать отсюда его не могут даже многочисленные заботы и необходимость отдать очередные распоряжения.

Звонит с пеленгаторной станции командир линейного взвода, сообщает, что кабельная связь налажена. Савушкину это понятно и без доклада.

— Противник или что-то готовит, или что-то предчувствует, — помолчав, добавляет лейтенант. — Чаще, чем обычно, предпринимает огневые налеты. Двое моих бойцов ранены. На станции пока все в порядке...

И это сообщение не удивляет Савушкина. Он сам давно убедился — немцы что-то подозревают. И это естественно. Невозможно бесконечно не замечать огромной концентрации войск и техники севернее Дона. И совершенно скрыть эту концентрацию тоже невозможно. Можно лишь замаскировать масштабы приготовлений. Выходит, не случайно танковый корпус изменил место дислокации, не случайно не обнаруживает себя в эфире.

Идет время. Тихо в комнате. В наушниках — ни одного нового голоса. За низким окном начинает сереть небо. А Савушкин сидит у приемника, все еще надеясь на что-то. Меняются радисты, докладывают о передаче дежурств начальники смен, а майор сидит и сидит... Думает тяжелые, трудные думы, все еще не веря, что ему, Савушкину,

со всей своей отлично отлаженной службой перехвата не удалось выполнить важнейшее задание командования, что не придется ему доложить Тагильцеву и Сталемахову: ждите опасность вот оттуда-то! Значит, напрасно ест он свой воинский хлеб, коль немцы обхитрили его на этот раз. Давно такого не бывало...

Даже под Москвой такого не было. На передвижных станциях, под беспрерывными обстрелами и бомбежками, кочуя возле самой линии фронта, закоченевшие на лютом морозе, радиоперехватчики Савушкина делали невозможное. И это в условиях встречных боев, обходов, прорывов, когда на огромном театре военных действий беспрерывно маневрировали сотни частей и соединений. Утром — здесь, вечером — там. И все же о перемещениях фашистских штабов командованию давалась довольно ясная и своевременная информация.

А сейчас... Есть по фронтовым условиям шикарно оборудованная база, есть полный штат отлично обученных специалистов, более совершенная матчасть, закопавшийся в землю противник, а доложить о выполнении задания не придется. Значит, грозой пахнет в воздухе, значит, быть большим жертвам. И какая-то доля вины за эти жертвы ляжет на его, Савушкина, совесть... Третьи сутки — срок выполнения задания — истекают, а ему доложить в самом деле нечего.

Незаметно набирает силу серенький осенний день. В тусклое окно по-прежнему стучится снег. Дождя уже нет. Похолодало. Опять меняются радисты. От пришедших свежо попахивает морозцем, чем-то чистым и веселым. Савушкин стаскивает с взлохмаченной головы наушники и равнодушно, будто это его не касается, думает, что не мешало бы сходить позавтракать. И побриться. Как бы печально ни складывались обстоятельства, негоже командиру сидеть перед подчиненными с трехдневной щетиной, вялым и кислым.

Последней приходит Людочка Астраханцева. Длинноногая, легкая, очень похорошевшая на морозе, она с жалостью смотрит на осунувшееся, озабоченное лицо комбата, стряхивает с коротких волос комочки снега (очевидно, только-только озорно играла с кем-то в снежки) и что-то хочет сказать ему. Но ничего не говорит, лишь сцепляет

на груди покрасневшие пальцы, помаргивает, а потом отворачивается, садится на свое место.

Майор понимает ее опять-таки по-своему. Щупает тяжелый щетинистый подбородок, колючие щеки. «Н-да... Зарос, товарищ комбат. Не дело. Хотя все равно... Не жених, слава богу...» И устало направляется к двери.

А Людочке в самом деле жаль майора. И на то у нее есть веские причины. Если бы кто-то узнал правду и сказал в казарме вслух, что сержант Астраханцева влюблена в строгого Савушкина, то этому, разумеется, никто не поверил бы.

Ну и бог с ними!

Все знают Савушкина как пользующегося непререкаемым авторитетом командира-единоначальника, как заслуженного боевого офицера, и никак иначе. Что из того? Пусть майор высится над всеми в части со всей своей властью, своей огромной осведомленностью, пусть с ним почтительно разговаривают приезжающие по делам штабные генералы — и это тоже ничего не значит. Это для всех прочих майор Савушкин именно такой: боевой офицер, строгий комбат, незаменимый специалист, обремененный высокой ответственностью руководитель. А для Людочки — в ее сокровенных мыслях — майор просто-напросто Володя Савушкин, не глупый, но в сущности очень простой и не слишком удачливый в личных делах симпатичный парень. Правда, тридцатилетнего мужчину можно назвать парнем, лишь имея к тому большое желание, но что из того? У Людочки такое желание есть. При всех своих чинах, орденах, заслугах и возрасте Володя Савушкин для Людочки в самом деле обычный парень, если не рано повзрослевший мальчишка. И никакой иной. Разумеется, служба есть служба, устав есть устав, и от них Людочка ни на шаг, но ведь сердце есть сердце. Впрочем, в уставе о сердечных делах ничего не говорится...

А было время, когда Людочка видела Савушкина таким, каким его видели и видят все прочие.

Перед выпускными экзаменами в специальной школе связи было много волнений. Ожидали представителей частей и штабов, которые должны были присутствовать при приеме зачетов. Ясное дело, курсантки — вчерашние девчонки — очень волновались и даже трусили. Поди угадай, какой представитель, из какого ведомства остановит на тебе свой выбор. А тут еще неведомо из какого источника

стало известно, что среди прочих ожидается приезд командира какой-то сверхсекретной части. Будешь трусить и волноваться!

И вот представители прибыли. В большинстве это были пожилые люди в солидных чинах и с не менее солидными брюшками и лысинами. Они неторопливо прошли перед строем девушек-выпускниц, обмениваясь репликами, останавливая взгляды то на одном, то на другом симпатичном личике. Ничего обидного для девушек в тех поглядываниях не было: ни цинизма, ни двусмысленности, но и сугубо деловыми эти смотрины назвать было нельзя. Все же это были хоть и пожилые, хоть и потрепанные жизнью, хоть и при деле, но все-таки мужчины. Они пока что ничего не знали о выпускницах и могли лишь гадать: а какова-то в работе будет вон та, к примеру, курносенькая? Курсантки же гадали, который из представителей «тот самый».

Он появился перед окончанием экзаменов и сразу обманул ожидания девушек. Не потому, что оказался слишком молодым и имел всего-навсего звание майора. Как раз это-то, пожалуй, было неожиданностью. И почета ему оказывалось более чем достаточно, представители и руководители школы относились к долговязому симпатичному майору с особым уважением. А вот все же разочаровал...

Людочка сама до сих пор толком не знает, что ей тогда не понравилось в Савушкине. И вежлив, и улыбнется чему-нибудь смешному, и допущенную курсанткой мелкую оплошность умеет не заметить, а все равно что-то не понравилось. Наверное, то, как майор относился к выпускницам. Поглядит Савушкин своими голубыми глазами сквозь толстые стекла очков на девушку — и та невольно съежится, станет ей неуютно под этим внешне вроде бы обыкновенным человеческим взглядом. Чувствует, что для глядящего на нее майора она не юная, очень даже недурная девушка и даже не интересующий его человек, а нечто иное...

— Смотрит, как на радиосхему,—сердились одни девчата,—прикидывает, подойдет для его службы такая или нет...

— Сухарь, буквоед, канцелярская папка! — возмущались другие. — Смотрит на тебя — словно анкету на лбу читает!

И Людочка соглашалась с подругами. В самом деле, было что-то такое отрешенное в повадках Савушкина, буд-

то ему действительно безразлично: стоит ли перед ним прехорошенькая девчонка или бородатый мужичище.

Выпускниц школы, которых отобрал для откомандирования в свою часть Савушкин, жалели, считая, что им здорово не повезло. Сама Людочка даже не смогла уснуть в ночь перед отъездом на новое место службы.

А потом пришло новое. И служба в батальоне Савушкина оказалась интересной, и сам он оказался совсем иным, хотя по-прежнему оставался комбатом и никаких поблажек Людочке не делал.

Как-то майор сам поехал на один из тыловых складов получать радиоаппаратуру. Взял с собой нескольких бойцов. Среди них оказалась и Людочка. День был жаркий, ясный, веселый летний день, когда словно впервые любуешься зеленым буйством природы, безотчетно радуешься чему-то, как птица, вырвавшаяся из безопасной, но осточертевшей клетки на волю, под теплое необъятное небо. Казалось, ничего не предвещало беды. Развалившись на брошенном в кузов брезенте, радисты пели...

И вдруг поглотил слова недопетой песни мощный рев, оглушительно громыхнуло спереди и сзади, огромным султаном вздыбилась перед мчащейся полным ходом полуторкой земля. Тугая волна горячего воздуха отбросила Людочку к заднему борту, она лишь успела заметить низко мчащиеся самолеты, а потом...

Что было потом, она не помнит. Страх ли или взрывная волна очередной фугаски выбросили ее из машины — и она побежала. Побежала не в кусты, не в лес, а в поле, в широкое незасеянное поле, над которым на бреющем полете сновали фашистские двухмоторные истребители. Кто-то что-то кричал ей, кто-то бежал вслед — она все слышала, но ничего не понимала. В конце концов чья-то сильная рука схватила ее за локоть, рванула назад. Она споткнулась, качнулась назад и оказалась в объятиях... Савушкина.

Потом они опять бежали. Теперь уже вместе, теперь назад, к кустам, к лесу, что зеленели за дорогой. Савушкин мертвой хваткой держал ее тонкие пальцы, бежал стремительно, широко, а Людочка еле поспевала за ним, как маленькая девочка, которую опаздывающий папа тащит в детский садик. Сзади стучало, грохало, колотило...

Когда зеленые ветви закрыли от них гудящую зловещую синь обманчивого неба, Савушкин наконец остано-

вился, посмотрел вверх, шумно передохнул. И вдруг подхватил Людочку на руки...

— Дурочка... Разве можно так? Разве можно? — бормотал он, унося девушку в глубь леса, подальше от раздираемого взрывами поля.

От него пахло потом, даже сквозь гимнастерку Людочка почувствовала, как напряжено его сильное тело, как обжигающе горячи обвившие ее мускулистые руки. Это незнакомое ощущение внезапно отрезвило ее, куда-то улетучился страх, она обмякла, с неожиданной смелостью обхватила крепкую шею Савушкина и, как когда-то в кладовой, разрядилась облегчающими слезами, уткнувшись лицом в его тяжело вздымающуюся грудь...

Савушкин остановился. Растерянно потоптался, не зная, как быть, потом осторожно поставил Людочку на ноги. Она отпустила его шею, продолжала плакать, закрываясь пилоткой.

— Ну что ты... Не надо. Теперь все... — пробормотал Савушкин, и Людочка вдруг почувствовала на своей голове его тяжелую потную ладонь.

Он погладил ее осторожно, неумело. Сначала один раз, затем другой...

— Ну, хватит... Не надо. Теперь все хорошо.

Людочка отерла глаза подкладкой пилотки, попробовала улыбнуться. Савушкин взлохмачен, удивительно незнаком — с этой виноватой улыбкой на пухловатых губах, с выражением жалости и нежности на скуластом грязном лице. И она все поняла, удивилась ему — настоящему Савушкину, которого каким-то непостижимым образом не могла рассмотреть до сих пор за официальным, строгим комбатом.

— Товарищ майор! Товарищ майор! Где вы?

Кричали от дороги.

Савушкин оглянулся на крик. Одернул гимнастерку. Выдернул из-за ремня пилотку, нахлобучил на взъерошенную голову. И мгновенно превратился в обычного майора Савушкина.

— Что-то случилось! — озабоченно сказал он и заспешил к дороге.

Людочка последовала за ним, не то чтобы огорчаясь, а смутно сожалея, что он снова стал самим собой, что так быстро исчезли ошеломившие ее рев и грохот из просвечивающего сквозь листву голубого неба.

Потом они перевязывали и удобнее устраивали в кузове тяжело раненного в грудь шофера. Савушкин повел машину сам. Людочка сидела в кабине рядом с ним и, хотя комбат оставался всегдашним комбатом, безбоязненно смотрела на него, выискивая новые черточки в его лице, которые не умела увидеть раньше. Конечно, он не был красавцем, ее Володя (она еще тогда с внезапной категоричностью именно так и подумала: «Мой Володя»), но у него были приятные черты лица, правильной формы нос, небольшой красивый рот, нерастерянный за долгую службу юношеский румянец. Все это она видела и раньше, но только теперь поняла, что всегда любила это лицо, всегда огорчалась, не умея понять, что в нем привлекало ее...

В конце концов Савушкин заметил это разглядывание. Покраснел, нахмурился, крутанул руль не туда, куда надо, и машина вильнула по дороге. Но Людочка уже ничего не боялась. Со смелостью женщины, знавшей, что ее любят, она намочила из фляжки свой носовой платок и стала вытирать пот и пыль с пунцового лица беспомощно моргавшего Савушкина. А он ни о чем не догадался, стыдился своей минутной слабости в лесу...

Вскоре они приехали в медсанбат, а оттуда помчались на склад, и майор вновь ушел от Людочки в мир своих обычных дел и забот. Но он не стал чужим. Людочка это знала. То, что произошло на дороге, на незасеянном поле и в зеленом лесу, — было их общим. Это общее навсегда должно было остаться между ними двоими, оно было вечно, как вечно то место на земле, где находились та дорога, изрытое бомбами поле и нежно шелестевший сочной листвой нарядный лес.

Людочка не ошиблась в своем предчувствии. Она терпеливо ждала — и дождалась. Савушкин принес ей цветы. То, что принес именно ей, не подлежало сомнению. Она сразу поняла это, когда заметила, как нервно подрагивают длинные пальцы майора, сжавшие немудрящий букетик лесных цветов, как напряженно прыгают желваки на стиснутых скулах. Жар ударил ей в голову, часто-часто забарабанило в висках. За те считанные секунды, что майор стоял возле нее, Людочка не записала ни одного знака из принимаемой немецкой шифровки (за что досталось потом от начальника смены и шифровальщиков), все запрыгало,

закрутилось в праздничном хороводе перед ослепшими глазами.

Савушкин оставил цветы. И ушел. Кто-то куда-то позвал его. Но это не могло ничего изменить для Людочки. Наделав еще массу ошибок, она кое-как приняла злополучную шифровку и изможденно, счастливо уткнулась лицом в ладони.

Уходя со смены, она взяла букетик. Всевидящий остроглазый Котлярчук заметил это, улыбнулся с ехидцей:

— Джульетта принимает дар Ромео!

Никогда в жизни не приходилось ей так напрягать всю свою волю, как в этот раз, но она все-таки заставила себя сохранить самообладание. Равнодушно удивилась:

— Ах, это опять твои штучки, графолог! — И бросила букетик на стол. — Опять за старое взялся...

— Очень нужно. Я и в лесу не был, — разочарованно хмыкнул Котлярчук. — Это майор тут цветочками насорил.

— Резин Резиныч? — Людочка изобразила любопытство, снова взяла букетик. — Интересно... — Повертела цветы в руке. — Надо показать девчатам. Комбат любит цветочки... Ни за что не поверят!

— Поставьте их в стаканчик и напишите этикетку! — теряя к букету всякий интерес, пробурчал опальный ловелас.

— А что, и поставим!

Смешно, но она засушила те цветы. Пусть это сентиментальное мещанство или что-то другое — глупое и наивное — с точки зрения людей трезвомыслящих, но она поступила именно так. И не видит в том ничего стыдного, унижающего ее. Она была на войне, и ей были чужды мысли сытых моралистов, любящих растечься мыслью по древу в безопасной гостиной, где о бомбах и смерти как-то не думается. Ночью, после отбоя, забралась с головой под одеяло и стала раскладывать подвядшие цветы меж страницами потрепанного томика стихов Есенина. А томик потом спрятала в личных вещах.

Иначе она поступить не могла. Этот букетик был единственным материальным свидетельством того, что существовало между ею и комбатом. И не вина Людочки с Савушкиным, что самое сокровенное, светлое и чистое пришло к ним в пору, когда говорить об этом друг другу не всегда уместно и обязательно. Шла война, и с каждым из

них в любой момент могло случиться что угодно. На войне любовь обязана быть терпеливой и мужественной.

Потому Людочка не обижалась на Савушкина, понимала его, в душе переживала и горевала вместе с ним, втайне жалела майора, когда дела шли не так, как того хотелось.

Сейчас, проводив взглядом ушедшего комбата, Людочка затаенно вздохнула, подумала с грустной нежностью: «Устал. Небрит. Голоден... Достается ему!» И, медленно вращая верньер радиоприемника, вслушиваясь тренированным слухом в хрипы наушников, стала думать о себе, о Савушкине, о том будущем дне, когда он найдет возможным заговорить с ней о личном.

Пальцы меж тем заученными движениями вращали верньер. Что-то мелькнуло. Чуть-чуть назад. Опять мелькнуло. А ну поточнее!

И вдруг:

— Ти-ти-ти-та... Ти-ти-ти-та... Ти-ти-ти-та... — Слабо. Еле слышно.

Людочка увеличила громкость до максимальной. Все это автоматически, машинально.

Чуть погромче — опять настройка.

Насторожилась. Посторонние мысли вон.

— Ти-ти-ти-та... КНК-1... КНК-1... КНК-1... Я — ПРТВ... Я — ПРТВ... Как меня слышите?

Пододвинула запасные наушники к Капралову, включила динамик.

В комнате все замерло. Тишина. Радисты окаменели на своих стульях, напряженно вслушиваясь. А из динамика неслось чуть слышно:

— Ти-ти-ти-та... Ти-ти-ти-та... КНК-1... КНК-1... КНК-1... Я — ПРТВ... Я — ПРТВ... Как меня слышите?

Капралов прижмурил желтые глаза, склонил голову набок. И вдруг сами собой расползлись толстые добряцкие губы в восхищенной, будто родственника встретил, улыбке.

— Да это же наш пропавший медведушко... Он! Молодец, девушка! — И свойски хлопнул здоровенной ручищей по покатому плечу Людочки.

Людочка охнула, весело покривилась и не обиделась.

Бабушкин схватился за телефонную трубку, потом бросил ее и, забыв о кнопке сигнализации, кинулся к двери.

8. ЕСТЬ! НАШЕЛСЯ!

Майор Савушкин отдал по внутреннему телефону все необходимые распоряжения и собрался наконец-таки пойти побриться. В кабинете возле стола топтался верный, преданный Чалов и по-стариковски ворчал:

— Негоже так, товарищ майор. Третьи сутки дома не показываетесь. Непорядок. Я боле еду сюда не понесу. Извольте по-человечески поесть. Да и в порядочек себя привести не мешает. Я баню второй день топлю...

Савушкин и сам знал, что непорядок, что надо идти, но что-то мешало ему вот так просто, как предлагал ординарец, встать и уйти отсюда. Или надежда, или забота, а скорее — и то и другое.

— А курочка ваша целехонька. На морозе. Сходите пообедать. Негоже так, товарищ майор. Работа не волк — в лес не убежит.

— Волк, Матвеич. Волк! — возразил Савушкин. — Может убежать. Особливо в нашем деле...

— А я не согласный! Хоть на губу сажайте, а сюда еду не понесу!

В дверь постучали. Стук частый, не по-обычному громкий.

«По коням! Неужели?»

Сам собой хрустнул, развалился напополам зажатый в пальцах карандаш. Савушкин вскочил на ноги. Все это в одно мгновение.

— Войдите!

Всегда невозмутимый, неторопливый Разумов на этот раз вкатился праздничным колобком. Забыв о субординации, выпалил:

— Есть, Владимир Григорьевич! Вылезли! Нашелся «зоопарк»!

— Ага! — Савушкин вымахнул из-за стола, вслед за капитаном выбежал из кабинета.

— Да что же это такое? — взвыл Чалов, огорченно хлопнув себя по ляжкам. — Товарищ майор... — И пожаловался захлопнутой двери: — Господи, что за служба!

В левом секторе людно, но тихо. Помимо радистов, Савушкина и Разумова у двери топчется младший лейтенант Табарский.

Савушкин будто заснул. Прикрыв глаза, вслушивается в еле слышные: «Я — ПРТВ... Я — ПРТВ...»

— Далеко забрались. Слышимость почти нулевая, — с досадой шепчет у своего приемника Котлярчук.

— Ерунда. — Савушкин «просыпается». — Передатчик работает в экономичном режиме. Переключен на двадцать пять процентов мощности. Умышленно переключен. Они рядом.

Разумов кивает. Капралов многозначительно крякает.

— К делу! — отрывисто произносит Савушкин. — Табарский! Распорядитесь, чтобы линейная служба и коммутатор были начеку. Вызвать на все объекты техников. Мало ли что...

Младший лейтенант исчезает за дверью.

— Ну... — Это уже к Разумову. — Давайте команды, товарищ капитан.

Уходит и Разумов.

Теперь, вот в этот-то момент, когда слышимость отвратительная, должна показать себя вышколенная им, майором Савушкиным, служба радиоперехвата. По команде Разумова сейчас перестроятся на «пойманную» волну радиопеленгаторные станции, начнут шарить в эфире дополнительные радиопосты. Все подготовлено, десятки раз проверено. Просчета быть не может.

Савушкин вслушивается в слабые звуки морзянки и гадает: какой метод связи применят немцы — дуплексный или симплексный? Если будут работать дуплексом, то этот проклятый КНК-1 будет отвечать на другой волне. На какой? Ищи тогда его! Если же симплексом, тогда должен ответить на этой же... В таком случае пеленговать будет проще.

Очевидно, об этом же думают и радисты. Без всякой команды все, кроме Людочки, начинают вращать ручки подстройки. А динамик чуть слышно пищит и пищит...

Напряжение нарастает. Пристроив у горла ларингофон, Савушкин тихо отдает соответствующие команды по всем объектам батальона. Его переключают бесшумно, без звонков.

Вот Людочка напряглась. Быстро оглянулась на комбата. Но майор уже сам слышит иной голос.

— Ти-ти-ти-та... ПРТВ... ПРТВ... Я — КНК-1... Я — КНК-1... Слышу вас отлично.

«Конечно, вам рядышком друг друга слышно отменно...»

— Симплекс! — с облегчением произносит майор.

Людочка кивает и как-то странно улыбается ему гла-

зами. От этой улыбки Савушкину становится хорошо. Он уже не чувствует ни усталости, ни сонливости, ни голода.

— Бывший «гусак», — уверенно резюмирует Капралов.

— Точно, — подтверждает Котлярчук. — Ихний колун работает. Чего они его держат? Слушать противно.

Савушкин готов расцеловать своих слухачей. Огромное, как взрыв, опустошающее облегчение расслабляет его. Теперь остается ждать, когда штаб корпуса начнет отрабатывать связь с другой дивизией. То, что это скоро произойдет, он знает как дважды два. Его лишь несколько смущает то обстоятельство, что немцы работают симплексом. Что это? Пренебрежение к противнику? Нежелание работать на нескольких волнах в надежде, что при симплексной связи меньше шансов их обнаружить? Или что-то другое? Может быть, самоуверенность победителей? Обычная фашистская спесь?

Нет. Не то. Немцы не чувствуют серьезной опасности. Не знают о ней. А если и предчувствуют, то не знают о ее размерах. Корпус переброшен ближе к фронту для исключения случайностей местного значения. Не иначе.

Но как бы там ни было, через некоторое время подаст голос другая дивизионная радиостанция — и тогда дело в шляпе, господа фашисты. Савушкин заранее предчувствует, что дело сделано. Теперь перед штабом фронта краснеть не придется.

С других постов сообщают, что и прочие корпусные части начали отлаживать радиосвязь между собой. Савушкин этому уже не удивляется. Лишь запрещает отвлекать пеленгаторщиков. Сначала надо сделать основное — точно запеленговать главные штабные радиостанции.

Словно стараясь оправдать уверенность майора, штаб корпуса начинает вызывать другую станцию:

— Ти-ти-ти-та... Ти-ти-ти-та... СДР-1... СДР-1... Я — ПРТВ... Как меня слышите?

Через некоторое время СДР-1 откликается, сообщает, что слышимость отличная. Сигналы этой станции громче. «Очевидно, ближе к линии фронта», — отмечает Савушкин.

— Вот и бывший «волк» объявился, — констатирует Бабушкин.

Обмен мнениями:

— По-моему, так. — Это Людочка.

— Старый друг — лучше новых двух, — ухмыляется

Капралов, и его некрасивое лицо опять кажется Савушкину чрезвычайно симпатичным.

— Тут не ошибешься. Этого тромбониста с «волка» я и днем, и ночью узнаю. Ничего солист. Не надоел за полгода... — не без уважения говорит Котлярчук и закатывает к потолку красивые плутоватые глаза. — ПРТВ... КНК... СДР... Что за капелла?

Всем ясно, что бывший моряк сейчас что-нибудь выдумает. Не шибко оригинальное, но прочное. На то он и первейший батальонный хохмач, этот неунывающий Котлярчук.

— ПРТВ... КНК... СДР... Ха! Портвейн, коньяк, сидр! В винную лавку превратился наш «зоопарк». Прямо-таки ресторан «Аркадия»... — Котлярчук мечтательно вздыхает и плотоядно чмокает губами. — Эх, где вы, прежние времена? Эх, Одесса-мама!

— Винная лавка? — Капралов чешет могучий затылок. — А что... Для них, фашистов, и это ладно.

— М-да... — Бабушкин делает брезгливую гримасу гурмана. — Не аппетитно. Впрочем... — И машет холеной белой кистью.

— Переварим, — добавляет Людочка.

Савушкину ясно, что новые «ярлыки» утверждены единогласно и окончательно, и кто бы ни предложил что-то другое — радисты своего мнения не изменят. Сам он тоже не имеет ничего против «винной лавки» — в употреблении удобна, — но несмотря на то, что все смотрят на него, по привычке щупает подбородок, не спешит высказаться. Лишь помолчав, произносит давно готовое:

— Что ж... Быть по сему.

В глазах Людочки снова мелькает улыбка.

«Мы вас поняли. Резин Резиныч. Так?..» Савушкину становится слегка грустно.

В комнату входит Разумов. Наклоняется к комбату, тихо сообщает:

— Готово.

Майор вслед за начальником смены отправляется к планшетистам.

— Четырежды взяты пеленги с разных станций. Вроде бы ошибки нет, — радостно докладывает Табарский, освобождая место у рабочей карты.

Так и есть. Савушкин удовлетворенно потирает руки. Разноцветные линии пеленгов скрестились в трех точках. На зеленых пятнах. В придонских лесах. Все правильно. Там несколько хуторов, большая станица... Майора так и подмывает сказать вслух, что именно так и предполагал, но он молчит, лишь весело щурится сквозь очки на столь милую его сердцу паутину пеленгов. В душе его ширится, растет праздник.

— Можно докладывать, — с трудом сдерживаясь от желания заулыбаться, говорит Разумов. — Засекли аккуратненько.

Майор по обыкновению недолго молчит, колеблется, затем безапелляционно решает:

— Отставить. Пока не будут запеленгованы прочие корпусные части и взяты контрольные пеленги со штабов, никаких докладов.

— Слушаюсь! — Дисциплинированный Разумов знает, что так надо и что решения своего комбат не изменит.

А вот Табарский этого не знает, потому просяще произносит:

— Но, может быть, сообщить хоть предварительные данные? Ведь ждут там...

— Отставить! — властно повторяет майор. — Исполнять. — И уходит.

В левом секторе тоже сгорают от нетерпения. Выжидательно глядят на вернувшегося комбата. Получив очередные распоряжения, молча продолжают работу. Но Савушкин отчетливо чувствует недовольство радистов. И для этого ему не надо видеть их лица. Надсадно заскрипевший под грузным Капраловым стул, резкие движения рук Котлярчука, краснота, залившая хлипкую шею Бабушкина — говорят ему больше, нежели любые слова и гримасы.

Савушкина и самого сжигает нетерпение, но он обуздывает себя. Таково его железное правило: никогда не докладывать не проверенные данные, давать командованию лишь максимально полную обстановку.

Снова тянутся мучительно тягучие минуты, час, другой... Савушкин терпеливо ждет. Отдает приказ: задержать пересменку радистов и пеленгаторщиков. Новой смене нужно еще «войти» в обстановку в эфире, а это дело непростое да и требует времени. Возможны ошибки.

И наконец снова появляется Разумов. Не может сдержать улыбки:

— В ажуре, товарищ майор!

— Хорошо. — Савушкин встает, стараясь не показать рвущуюся наружу радость, обыденным голосом говорит радистам: — Благодарю вас, товарищи! Теперь можно отдыхать.

И опять путь в планшетную, опять раздумья над рабочей картой, почти сплошь испещренной идеально прямыми линиями пеленгов. Разумов приносит из сейфа новую карту. Савушкин самолично наносит на нее значки, обозначающие местоположение частей вновь объявившегося немецкого корпуса. Наносит неторопливо, подолгу всматриваясь в каждый пучок линий, хотя рядом возбужденно переминается — чуть не пляшет — юный планшетист Табарский и недовольно сопит сдержанный капитан Разумов.

Проверив еще и еще раз разноску условных обозначений, майор наконец выпрямляется.

— Все! — Он улыбается своим веселым мыслям. — Теперь они у нас в кармане.

Разумов и Табарский ответно улыбаются, хотят что-то сказать, но подходящие к случаю слова почему-то не находятся.

— Ну, спасибо.— Савушкин поочередно жмет руку капитану и младшему лейтенанту. — Поработали на славу. Сдавать дежурство — и отдыхать. На завтра освобождаю от вахты всю смену. — И забирает свою карту.

Когда он, высокий и торжественный, выходит за дверь, Разумов и Табарский как-то сами собой вытягиваются по стойке «смирно».

Наступил парадный момент. Комбат идет докладывать о полном успехе.

9. ГЕНЕРАЛЫ ТОЖЕ УМЕЮТ ЦЕЛОВАТЬСЯ

Где-то за пухлыми облаками стремительно скатывается за невидимую кромку горизонта продрогшее осеннее солнце. Тускнеет недолгий пасмурный день. Но хотя Тагильцеву о всем доложено, Савушкин все еще сидит в своем кабинете и любуется картой с нанесенными на ней значками найденного танкового корпуса. Ничто другое не может сейчас доставить майору большего удовольствия, даже обед, о котором бубнит вновь появившийся у стола обиженный Чалов.

— Знаю, знаю, Матвеич, — по-сыновьи отмахивается от

ординарца Савушкин. — Подожди еще полчасика. Приду — все съем. И в баню схожу.

— Ежели хотите знать, то это даже неуважение, — смелее напирает Чалов. — Я хошь и ординарец, а тоже на службе. Меня тоже слушать полагается. Даже если вы начальство. Велика корысть десять раз на дню еду разогревать... И баня тож... Два раза подтапливал. Почитай, почти все командиры перемылись...

Савушкин с веселым доброжелательством глядит на своего обиженного «старикана» и не знает, какими словами объяснить, как приятно ему, комбату, сидеть здесь и радоваться плодам трехсуточной трудной работы...

«Эх, красноармеец Чалов, милый мой старикан, дорогая нянька моя! Если б ты знал, насколько значки на карте мне слаще твоей жаркой бани и сбереженной курицы! Это же победа. Сейчас моя и моих перехватчиков, а завтра... Завтра эти значки в натуре предстанут огромными кладбищами фашистов и их хваленой техники. Эта карта спасет тысячи советских жизней. Значит, не напрасно прожиты эти три дня, значит, не даром я и мои бойцы ели свой солдатский хлеб. Разве не приятно такое?»

Пока Савушкин произносит этот внутренний монолог, Чалов продолжает сердиться:

— Как хотите, товарищ майор, — идет он ва-банк, — без вас я отсюдова не пойду!

«И грянул бой, Полтавский бой!» — смешливо декламирует про себя Савушкин: ему забавна и мила напористость Чалова. — А ведь в самом деле, хватит сидеть. Дело сделано. Сижу тут, как кокетка перед зеркалом, любуюсь собой, своей проницательностью... Это уже тщеславие!»

Зуммерит телефон. Дежурный с контрольно-пропускного пункта испуганно докладывает:

— Товарищ майор! На территорию базы только что проследовали командующий фронтом и полковник Тагильцев.

«Вот те и грянул бой!» — Савушкин хватается за колючий подбородок. Поздно. Зря не послушался Чалова. Но кто мог знать, что нагрянет вдруг столь высокое начальство... К чему бы такой внезапный визит?

— Так как же, товарищ майор?

— Красноармеец Чалов! — В голосе Савушкина уже нет прежнего сыновьего добродушия. — Вы свободны. Можете идти!

Чалову ничего объяснять не требуется. Он по голосу майора безошибочно узнает, когда приходит конец его ординарским привилегиям и он превращается в обыкновенного бойца. Майор никогда не говорит без нужды таким тоном. Сказал — значит, так надо.

— Есть, идти! — Четкий поворот на кривых ногах, три шикарных строевых шага к двери — и Чалова уже нет.

В это же время за окном слышится шум моторов. Савушкин выскакивает из-за стола, прячет в сейф карту, хватает с гвоздя шапку. Опаздывает. Распахивается дверь, входят Николаев и Тагильцев.

— Ладно, обойдемся без доклада, — приветливо отмахивается командующий и крепко жмет Савушкину руку. — Здравствуйте, майор. Ну, хвалитесь своими новостями. Мы ведь к вам прямо с передовой. Все дела бросили...

Савушкину приходится снова снять шапку и возвратиться к сейфу.

— Быстрей, быстрей, майор! — весело торопит генерал-лейтенант. — Невтерпеж. — И шутливо роняет в сторону Тагильцева. — Особенно полковнику. Он ведь на вас и ваших слухачей, можно сказать, жизнь свою поставил. Пан или пропал! Так или не так?

— Как угодно... — Тагильцев не сердится. Его длинное худое лицо приветливее обычного.

И вот карта на столе. Командующий и начальник разведуправления склоняются над ней. Савушкин уже не существует для них. Исчез. Майор остро чувствует это, но не огорчается. Как раз наоборот — с некоторой долей самодовольства наблюдает за генералом и полковником. Те — сама отрешенность. Для них сейчас не существует ничего на свете, кроме нанесенных его, Савушкина, рукой условных обозначений.

Коротконалая кисть Николаева медленно ползет по карте, он трет кулаком широкий лоб, шумно дышит и недовольно морщится, когда полковник указывает карандашом на те или иные отметки. Карандаш мешает ему. Он думает о своем, известном только ему, командующему фронтом, и давно переволновавшийся, перегоревший Савушкин както незаметно для себя снова подается к столу, заражается его отрешенностью. Сейчас, может быть, решается не менее важное. Совсем не исключено, что именно сейчас в мыслях Николаева рождаются контуры будущей контроперации. Вон там, по тем направлениям, где прополз

короткий палец генерал-лейтенанта, возможно, уже завтра штабные работники нанесут охватывающие противника красные стрелы.

— Хорошо! Чисто сработано! — неожиданно выпрямляется Николаев. — Убедительно. Молодцы перехватчики. С точки зрения противника, самое подходящее место для нового района сосредоточения. Все как полагается. В немецком духе. Тут ошибки нет.

— В этих лесах весной базировались наши резервные соединения. Полевых сооружений более чем достаточно, — напоминает Тагильцев.

— Вот в них-то они и разместились! — усмехается генерал. — Как говорится, без особых капитальных затрат. Дешево и сердито!

— Мне кажется, немцы не представляют масштабов опасности. У них, возможно, появились какие-то подозрения, но в целом... — осторожно замечает Савушкин.

Николаев с живостью поворачивается к майору:

— Почему вы так считаете?

Савушкин коротко рассказывает о симплексной связи, о всем, что передумал, находясь в левом секторе. По мере того, как он разъясняет, командующий фронтом глядит на него с возрастающими любопытством и уважением.

— А ведь резонно! — соглашается Тагильцев, когда майор кончает говорить.

— М-да... — неопределенно произносит Николаев. — Поживем — увидим, так или не так... Но наблюдение интересное. И выводы тоже. — И уже требовательно Тагильцеву: — Вы обязаны подтвердить нам сию версию, полковник. Официально и убедительно. Тут просчета быть не может.

— Понимаю. Я информировал вас...

— Нам этого мало. Давайте свежие подтверждения. В любой момент все может измениться.

— Понимаю. — Бледное лицо Тагильцева розовеет, сползаются к переносице реденькие брови — не любит, когда напоминают об очевидных вещах.

— Знаю, что понимаете, — мягче говорит командующий и снова поворачивается к Савушкину: — Ну, и кто у вас отличился в последней операции? — Он кивает на карту.

— Многие.

— Но кто-то играл главную роль?

— Разумеется.

— Я бы хотел с ними познакомиться.

— Они уже сменились с вахты. Отдыхают.

— Жаль.

— Но их можно вызвать. Это не займет много времени.

— Отлично. Подожду. Командуйте, майор.

Савушкин берет телефонную трубку и отдает распоряжение дежурному по штабу батальона.

Радистов приводит капитан Разумов. Командующий терпеливо ждет, пока они выстроятся вдоль стен небольшого кабинета, с серьезным лицом выслушивает рапорт капитана, потом здоровается. Изумленные всем происходящим, бойцы и командиры отвечают тем не менее дружно и четко.

У Савушкина камень спадает с души. Краснеть перед командующим не придется. Тагильцев ободряюще подмигивает майору.

— Товарищи! Сегодня вы успешно завершили очень важную работу, — торжественным голосом начинает свою краткую речь Николаев. — Ответственное задание командования выполнено с честью. Чтобы сказать, что вы достойно несете службу, я и вызвал вас сюда. — И, став строгим, приложил руку к фуражке. — За отличное выполнение важнейшего задания от имени Военного совета фронта объявляю благодарность!

— Служим Советскому Союзу! — гремит в кабинете.

— Вольно! — Мгновенно преобразившись, став приветливым, генерал широко, простецки улыбается: — А теперь давайте знакомиться. — Он идет вдоль строя, пожимая руки.

— Капитан Разумов, лейтенант Бабушкин, младший лейтенант Табарский, младший сержант Капралов, рядовой Котлярчук, сержант Астраханцева... — представляет Савушкин, и ему становится еще веселее: такие до глупого сконфуженные лица у радиоперехватчиков.

— Так-с, — говорит командующий, обойдя строй. — Был очень рад познакомиться. С добрыми солдатами знакомиться приятно... — Обернувшись к майору: — Но кто-то из них первым обнаружил противника. Или все сразу?

— Нет, не все.

— Кто же первым?

— Сержант Астраханцева.

Командующий поворачивается к девушке, удивленно взлетают вверх брови. Некоторое время молча разглядывает ее, потом оглядывается на майора и совсем не по-военному, добрым отцовским голосом переспрашивает:

— Астраханцева?.. Вот эта девочка?

— Так точно.

Командующий снова глядит на зарумянившуюся, растерявшуюся Людочку и вдруг растроганно произносит:

— Милая ты наша дочка... Солдаточка ты наша... Дай я тебя поцелую! — Подходит к Людочке и трижды звонко целует ее в лоб.

Все улыбаются, а у окончательно потерявшейся Людочки лицо становится таким пунцовым, что Савушкину кажется — вот-вот сквозь ее щеки брызнет яркая молодая кровь. Она смотрит на улыбающегося вместе со всеми комбата, будто ждет, что он немедленно бросится к ней на помощь, — столько в ее взгляде чего-то нового, скрывать которое она сейчас не может. И Савушкин наконец-таки замечает это новое. Перестает улыбаться, вздрагивает от внезапного предчувствия...

— Всех отличившихся представить к награде! — вновь становясь деловым и серьезным, отдает распоряжение Николаев. — Наградные листы представить лично мне.

— Слушаюсь! — щелкает каблуками Савушкин, хотя плохо понимает, о чем говорит генерал — в голове гул от неожиданно захлестнувшего волнения.

— Ну, а теперь отдыхать! — говорит Николаев радистам. — Проводите меня до машины. — Обернувшись к Савушкину: — Мы поехали. До свидания, майор.

Савушкин бессознательно пожимает руку командующему, как-то необычайно лукаво поглядевшему на него полковнику Тагильцеву и остается один.

Ушли. Поблагодарили всех, кроме него, комбата. Но он не чувствует обиды. Майор давно привык, что офицерам-связистам чаще перепадают синяки и шишки, нежели поощрения. Уж так устроено и в жизни вообще, и в армии в частности, что о связистах вспоминают лишь тогда, когда выходит из строя связь или случается еще что-то подобное. Не найдись этот проклятый корпус — было б ему, Савушкину, на орехи...

Впрочем, майору сейчас не до обид. Не поблагодарили — не надо. Не ради похвал служит майор. Сейчас его занимает другое. Людочка. Взбудораженный, взволнованный, он начинает метаться по кабинету, и ожидающий, беззащитный Людочкин взгляд преследует его.

Конечно же! Таких дураков, как он, можно считать по пальцам. Надо же быть таким слепцом! Разумеется, она все поняла еще тогда при бомбежке, в лесу... А он: «Сержант Астраханцева!» — и все. Будто других слов не существует.

Перед мысленным взором Савушкина замелькали все случайные и не случайные встречи с Людочкой... Только неужели все это правда? Неужели так и есть? Не выдумал ли он? Тогда зачем она всякий раз, когда он заходил в казарму к девушкам-радисткам, выходила вслед за ним? Выходила, словно ждала, что он вернется, подойдет к ней... А взгляд... Лишь сегодня, всего несколько минут назад, Савушкин внезапно понял — за всю его взрослую жизнь ни одна женщина не смотрела на него такими глазами...

10. КТО ПРАЗДНИКУ РАД...

От сумбурных праздничных дум майора оторвал техник-интендант 1 ранга Шустер. Похудевший, осунувшийся, обросший многодневной рыжей щетиной, помпотех шумно ввалился в кабинет комбата и весело гаркнул:

— Разрешите доложить! Техник-интендант первого ранга Шустер вместе с вверенным экипажем автомашины из командировки вернулся!

«Не было ни гроша — да вдруг алтын!»

— Здравствуй, Шустер! — кинулся к помпотеху Савушкин. Он и в самом деле обрадовался появлению помощника. Ко всем прочим сегодняшним удачам прибавилась еще одна. Привалило Савушкину за один день столько радостей, что хватило б на десять таких же майоров.

— Привез. Все привез, товарищ майор. Даже с перевыполнением! — опередив его вопрос, ощерился в улыбке Шустер. — Почти под самый Воронеж забрался, а достал. Теперь мы живем!

Возбужденному Савушкину очень захотелось облапить помпотеха, тряхнуть хорошенько или, по крайней мере,

трахнуть по плечу, но он от такого давно отвык и потому лишь улыбнулся:

— Значит, привез?

Пока Шустер рассказывал, как он оформлял документы, пробирался на Воронежский фронт, где почти у самой передовой оказались невывезенные материальные склады, как ночами «выручал» ящики с запасными радиочастями, Савушкин продолжал мучиться этим желанием. В самом деле — столько приятного за один день! Теперь батальон обеспечен, полностью подготовлен к предстоящему наступлению. Сгинула вон еще одна забота.

— Так где же твое добро?

— Уже на складе. Разгрузили. Я потому и зашел, — спохватился Шустер. Ему была отлично известна лютая жадность майора к каждой лишней запчасти, и он полностью разделял ее. Фронт — не торговый ряд. Не случись под руками какого-нибудь пустяка — кровавыми слезами обернется.

— Идем смотреть.

Пока шли к техническому складу, Савушкин думал о том, что надо не забыть поблагодарить помпотеха, что сегодня ему, Савушкину, дико везет, и думал еще бог весть какие путаные добрые думы. На складе он придирчиво просмотрел накладные, потом со скаредной тщательностью завзятого скопидома рылся в ящиках с радиодеталями, обрадованно крякая и нескромно прищелкивая языком, чем несказанно удивил и Шустера, и кладовщика. Он знал цену этим сокровищам. Попадая в богатое складское царство, Савушкин всегда испытывал благоговейное чувство, какого не испытывает, наверное, завзятая модница, очутившись перед неограниченным выбором в ювелирном магазине. При виде складских богатств Савушкин зажигался, его мысль, мысль радиоинженера, несла его черт знает куда и черт знает зачем. Он мог рыться в этих сокровищах столь долго, сколько позволяло время.

Долго рылся он и в этот раз, а Шустер с кладовщиком наблюдали за ним и переглядывались — было в комбате сегодня нечто необычное. Наконец Савушкин почувствовал, что у него затекли ноги, и с сожалением отошел от ящиков. Вспомнил, что надо поблагодарить разворотливого помпотеха. Но как это сделать, не знал. Обыкновенные слова казались Савушкину сегодня очень неподходящими.

Он несколько минут морщил лоб, пока его не осенила удачная идея.

— Слушай, зайдем-ка ко мне.

Чалов встретил их чуть ли не с оркестром. Засуетился, забегал, зазвенел посудой. На столе быстрехонько появились знакомый Савушкину поднос, миски, фляжка, замороженная курица.

— Раздевайся, Шустер. Будь как дома! — с подъемом произнес Савушкин. — Давай отметим праздник!

— Так он же давно прошел, — сказал помпотех.

— Да? — неумело изобразил удивление Савушкин. — Хм... Три дня... Но это ничего не значит. Как это говорится на Руси: кто празднику рад, тот накануне пьян?

— Так говорят.

— Ну, а мы по другой пословице: кто празднику рад, тот и после него пьян. Сойдет?

— Сойдет, — согласился Шустер.

Они чокнулись, выпили разведенного спирту, зажевали холодной курицей.

— Еще? — спросил майор.

— Нет. Я больше не хочу, — отказался Шустер.

— Я тоже не хочу, — признался Савушкин, легко примиряясь с мыслью, что празднество не состоится, и тут только заметил, какой заморенный вид у помпотеха. Разомлевший в тепле Шустер качался от усталости, набрякшие веки упрямо наползали на покрасневшие от бессонницы глаза.

— Э... Да ты того... А ну-ка, давай спать.

— Да. Пойду, товарищ майор, — тотчас согласился помпотех и, с трудом передвигая отяжелевшие ноги, пошел к двери.

Вновь оставшись один, Савушкин посмотрелся в маленькое настенное зеркало и усмехнулся. Вид у него был не на много бравее, нежели у Шустера.

Из-за перегородки вынырнул Чалов. Он опять почувствовал себя привилегированным ординарцем, в какой-то степени шефом над своим командиром.

— В баньку полагается, товарищ майор! — настави-

тельно сказал он, протягивая Савушкину сверток с чистым бельем. — В здоровом теле здоровый дух.

— Это точно, — улыбнулся Савушкин, подумав вдруг, как изумился бы Чалов, случись ему узнать, что его командир влюбился, как зеленый мальчишка.

— Пойдете?! — усомнился красноармеец.

— Пойду, Матвеич! — бодро подтвердил Савушкин.

На дворе опять царствовала темень. Выйдя из землянки, Савушкин глубоко вздохнул. Поняв, что за последние трое суток почти не видел дневного света, улыбнулся сам себе. Не беда. Зато эти сутки прожиты с толком. Как и в памятный праздничный день, небо было затянуто невидимыми тучами, но ветра не было. Не плевалась высь мокрым снегом и дождем. Из повеселевшего заснеженного леса тянуло свежим морозцем. После нескольких глубоких вздохов от этого морозного дистиллированного воздуха у засидевшегося в помещении Савушкина приятно закружилась голова.

«На лыжах бы сейчас! — блаженно подумал он. — Вместе!..» Он прислушался к незасыпающей темноте леса. Где-то поскрипывало, побрякивало, а где-то далеко ухало, громыхало. Очевидно, затеяли дуэль крупные артиллерийские калибры. Из жилых землянок-казарм доносились отзвуки усталой вечерней жизни. Там, в этой жизни, Людочка... Что-то ей и ему самому принесет завтрашний день? На войне может быть всякое. Сегодня благодарность командующего, а завтра...

Савушкин спохватился. Так и не поблагодарил Шустера. Сначала не сумел. Потом забыл. Родилось желание пойти в командирское общежитие и сделать это сейчас. Родилось желание — и погасло. «Спит человек. Намаялся», — сочувственно подумал Савушкин и успокоился — не ради благодарностей жили и страдали теперь люди. Шла война, и каждый вершил свое солдатское дело.

СОДЕРЖАНИЕ

Владимир Васильевич Волосков

СИНИЙ ПЕРЕВАЛ

Повести

Редактор М. З. Рудин. Художник О. П. Шамро. Художественный редактор Г. В. Гречихо. Технический редактор Е. Н. Слепцова. Корректор М. Г. Тихонова. Г-72359. Сдано в набор 10.10. 69 г. Подписано к печати 23.10. 70 г. Формат 84×108¹/₃₂. Печ. л. 7. (Усл. печ. л. 11,76). Уч.-изд л. 11,813. Бумага типографская № 3. Тираж 65 000 экз. Изд. 4/2788. Зак. 6728. Цена 49 коп. Ордена Трудового Красного Знамени Военное издательство Министерства обороны СССР. Москва, К-160. Набрано в 1-й типографии Воениздата Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3. Отпечатано в 4-й военной типографии г. Киев-15, ул. Январского восстания, д. 40.

Волосков В. В.

В68 Синий перевал. Повести. М., Воениздат, 1971.

224 с., 65 000 экз., 49 коп.

Писатель Владимир Волосков пишет преимущественно о Великой Отечественной войне и о ее героях — солдатах и офицерах Советской Армии. На военном материале построены и новые повести В. Волоскова «Синий перевал» и «Трое суток невидимой войны».

Повесть «Синий перевал» воспроизводит картины самоотверженной работы военных гидрогеологов, помогавших в годы войны создавать на Урале мощный комбинат по производству боеприпасов, в которых так нуждался фронт. В повести «Трое суток невидимой войны» писатель очень свежо и непосредственно рассказывает о незаметных тружениках войны — советских радистах-перехватчиках, чья кропотливая и сложная работа давала возможность командованию быстро распутывать и срывать коварные замыслы врага. Читателю запомнятся неутомимый командир связистов майор Савушкин, мастера своего дела военные радисты Капралов, Котлярчук, Астраханцева и другие, показанные в повести с глубоким проникновением в их внутренний мир.

7-3-2

269-70 Р2